

Государственный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское»

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Выпуск 15

2001

*Министерство культуры Российской Федерации
Государственный мемориальный историко-литературный
и природно-ландшафтный музей-заповедник А.С. Пушкина
«Михайловское»*

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА

Сборник статей научных сотрудников
музея-заповедника А.С. Пушкина
«Михайловское»

Выпуск 15

Москва
2001

ББК83.3 (2Рос-Рус)

Михайловская пушкиниана: Сборник статей научных сотрудников музея-заповедника А.С. Пушкина «Михайловское». Выпуск 15. – М.: Музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское». 2001. – 152 с.

ISBN 5-94595-001-7

В данном выпуске сборника «Михайловская пушкиниана» публикуются статьи научных сотрудников Государственного музея-заповедника А.С.Пушкина «Михайловское» А.В.Буковского, Л.И.Густовой, В.К.Ивановой, В.Ю.Козмина по традиционным для перечисленных авторам аспектам научных исследований – окружение ссыльного Пушкина, образ русской усадьбы в поэзии XVIII в. и ее архетип, история «домика няни», анализ отражения в творчестве поэта быта окружающих Михайловское деревень и т.д.

Значительный объем сборника занимают работы специалистов (архитекторов, реставраторов, искусствоведов) – членов Общества изучения русской усадьбы, которые участвовали в заседаниях «Круглого стола» проходившего в Заповеднике летом 2000 г. Результатам и проблемам проведенной на усадьбах и в лесопарках Заповедника реставрации посвящены статьи И.К.Бахтиной, Э.Л.Базаровой, М.В.Нащокиной, Г.А.Поляковой, И.Б.Циприс и Е.Н.Чернявской. Проблемы музееведения, в частности, циклизации в экспозициях литературно-мемориальных музеях-заповедниках изложены в статье Г.П.Сергеевой, возглавившей гуманитарно-культурный центр «Пилигрим».

Статья И.Н.Слюньковой привлечет внимание интересующихся архитектурой православных и инославных храмов и монастырей.

Сборник рассчитан на специалистов-реставраторов, музеиных работников, ландшафтных архитекторов и др., а также читателей, в круг интересов которых входят представленная в сборнике проблематика.

ББК 83.3 (2Рос-Рус)

ISBN 5-94595-001-7

- © Текст, Государственный музей-заповедник А.С. Пушкина «Михайловское», 2001.
- © Оформление, оригинал-макет, ООО «Связь и консалтинг», 2001.

Содержание

Буковский А.В.	
Знакомый Пушкина архиепископ Евгений Казанцев	4
Иванова В.К.	
«Домик няни» в Михайловском: легенды и жизнь.....	19
Козмин В.Ю.	
Михайловское: «рассыпанные хаты» – «рассеяны деревни»	32
Густова Л.И.	
Архетип усадьбы	39
Сергеева Г.П.	
Феномен цикла и циклизации в экспозициях литературно-мемориальных музеев-заповедников (к постановке проблемы)	44
Густова Л.И.	
«Славлю сельскую жизнь на лире» Образ русской усадьбы в поэзии XVIII века	56
Слюнькова И.Н.	
К вопросу об особенностях архитектурной формы православного и инославного монастыря и храма	71
Бахтина И.К.	
«...Приют спокойствия, трудов и вдохновенья...» (некоторые впечатления о реставрации музея-заповедника).....	86
Циприс И.Б.	
Некоторые аспекты и проблемы реставрации заповедного паркового ландшафта	95
Полякова Г.А.	
Проблемы восстановления и содержания старинных усадебных парков.....	104
Базарова Э.Л.	
Исторические ландшафты Пушкиногорья	126
Черняевская Е.Н.	
Ландшафт Пушкиногорья как мемориал А.С.Пушкину ...	132
Нащокина М.В.	
Гимн обновленному Пушкиногорью.....	142

А.В. БУКОВСКИЙ

Знакомый Пушкина архиепископ Евгений Казанцев

Среди людей, с которыми встречался Пушкин в годы михайловской ссылки, заслуживает особого внимания личность Евгения Казанцева, в то время архиепископа Псковского, Лифляндского и Курляндского, пастыря образованного и просвещенного, известного проповедника.

К сожалению, фактических данных о встречах поэта с Евгением Казанцевым совсем немного. Напомним их. П.И.Бартенев пишет: «*Когда Евгений <...> был архиепископом Псковским и посетил Святогорский монастырь, к нему внезапно явился с ярмарки Пушкин в одежде русского мужика, чем очень удивил преосвященного»* [1].

Судя по всему, до этой встречи Пушкин уже был знаком с архиепископом. Знакомство могло произойти в доме генерала И.А.Набокова, женатого на сестре И.И.Пущина – Екатерине Ивановне. Возможно, знакомство произошло в августе – сентябре 1824 г., когда поэт приезжает во Псков, но, скорей всего, знакомство состоялось после отъезда в январе 1825 г. И.Пущина из Михайловского, хотя конкретных данных о приезде поэта в Псков в этот период (до 29 мая 1825 г.) нет. Может быть, знакомство произошло и во время объездов преосвященного Псковской епархии.

Резиденция Евгения Казанцева находилась в древнем Снетогорском монастыре. Будучи в Пскове (сентябрь, 25 ... октябрь, 3) [2, С.240], поэт навещает Псковского владыку. Вяземского в письме от 7 ноября 1825 г. он извещает: «*Я из Пскова написал тебе было уморительное письмо – да сжег. Тамошний архиерей отец Евгений принял меня как отца*

*Евгения. Губернатор тоже был весьма милостив...»**. Казанцев уже знал первую главу «Евгения Онегина», вышедшего в Петербурге 16 февраля 1825 г. [2, С.504]. В Пскове, видимо, знали ее весьма немногие, и Пушкин оценил каламбур отца Евгения.

С архиепископом был знаком и И.И. Пущин. Вскоре после встречи с Пушкиным Е. Казанцев был переведен в Тобольскую епархию. Осужденный по 1-му разряду государственный преступник Иван Пущин, закованный в кандалы, ехал через Тобольск в Читу. 31 октября 1827 г. он писал родным из Тобольска: «Сегодня в 8 часов утра мы переехали Иртыш и увидели на горе Тобольск. День превосходный, зимний, и мы опять в санях. Ясно утро — ясна душа моя. Остановились прямо у губернатора, который восхитил меня своим ласковым и добрым приемом; говорил с нами очень долго и с чувством. Между прочим сказал, что «Евгений» (точно!) давно спрашивает обо мне; он обещал сказать ему обо мне сегодня же и сообщить мне от него, что он знает об вас. С нетерпением жду этого, хотя эти известия и будут не очень свежи. Я уверен, что Иван Александрович** с ним в переписке и пилит его обо мне. Губернатор велел истопить нам баню, и мы здесь провели дня два, чтобы немного отдохнуть и собраться с силами на дальнюю дорогу <...> Поблагодарите губернатора чрез архиерея, я у него в несколько минут душу отвел после беспрестанных сцен в дороге с извозчиками...» [3].

Из письма следует, что бывший Псковский архиепископ переписывается с генералом Иваном Александровичем Набоковым, не прерывает с ним дружеские связи. Набоков, обеспокоенный судьбой шурина, «пилит его» о Пущине. Возможно, Пущин получил известия о родных, которые «не

* А.С.Пушкин. Полное собрание сочинений. Изд-во Академии Наук СССР, 1937-1949. Т.13. С.240 (Далее ПСС, Т.ХIII).

** Иван Александрович Набоков.

очень свежи», не исключено, что архиепископ рассказал Пущину о своей встрече с поэтом в Снетогорском монастыре.

Знание жизни и деятельности этого незаурядного человека помогает нам глубже вникнуть в пушкинскую эпоху, реально представить то многообразие (и разнообразие лиц), среди которых вращался поэт.

Андрей Ефимьевич Казанцев родился 30 июля 1778 г. в с. Беляницине Юрьевского уезда Владимирской епархии в священнической семье. Был младшим (тринадцатым) в семье. В 1790 г. вместе с семьей брата Алексея переселился в Москву и через год поступил в Троицкую семинарию при Троице-Сергиевской лавре и «получил родовое прозвание: Казанцев» [4].

Затем он был назначен учителем в Вифанскую семинарию, располагавшуюся недалеко от Лавры. Это место было особенно любимо Московским митрополитом Платоном, бывшим архимандритом Лавры.

В 1801 г. Александр I посетил Лавру, и Платон приветствовал его одой, сочиненной Казанцевым.

В 1804 г. по совету Платона на 27-м году жизни Андрей Казанцев вступил в монашеское звание, оставаясь при этом префектом и учителем философии в Лавре преподобного Сергия. *«Имя Андрей переменил на имя Евгения, сохранив при этом две буквы родителя <Евфимий>»* [4, С.6].

В самом начале 1809 г. после учреждения Петербургской Духовной Академии он был поставлен там инспектором и бакалавром философии. Затем был ректором в семинарии Лавры, игуменом в Николо-Угринском монастыре, архимандритом в Дмитровском Борисоглебском, Можайском Лужицком, а за ним и в Московском Заиконо-Спасском монастырях.

30 июня 1817 г. *«уволен от ректорства и префекторства»* и *«переведен в Московский ставропигиальный первоклассный Донской монастырь и указом Синода сделан председателем духовной цензуры, императором Павлом I в сем*

монастыре учрежденной» [4, С.16]. Он был последним председателем духовной цензуры, после него это звание было отменено при учреждении цензур академических.

С июля 1818 г. архимандрит Евгений был утвержден епископом Курским и Белгородским. Было ему 40 лет.

«19 февраля 1822 года из числа 3-х кандидатов ... Высочайше утвержден и наименован архиепископом Псковским на место Евгения Болховитинова, переведенного митрополитом в Киев ... 23 апреля, в воскресенье, при восходе солнца прибыл в Псков ... в такой день, в который из Елиазаровского монастыря, отстоящего на 25 верст, приносится знаменитая чудесами икона Спасителя и торжественно вносится в город в кафедральный собор перед литургией» [4, С.21].

Вступив на новую кафедру во Пскове, преосвященный Евгений, кроме обыкновенных трудов по епархиальному управлению, не замедлил заняться обзором и общего состояния епархии: «Я здесь уже два месяца. Немного присмотрелся. Город на равнине, по обеим сторонам реки Великой и вокруг равнины на необозримое пространство. Церкви и здания старинные и небольшие. Собор в городе стоит на высоте, 3-х этажный из тесаного камня. Откуда ни едете, собор всегда виден ... он единственная краса города. Дома для архиерея в городе нет, а есть при соборе только флигеля, отданные для жительства соборянам. Дом сгорел 30 лет назад (1788) и не выстроен снова, может быть, по причине постоянного пребывания моих предшественников в Санкт-Петербурге. В архиерейский дом обращен Снетогорский монастырь, находящийся на прекрасном месте на той же реке Великой. Монастырь и дом стоят на горе. Смотри с горы, не видно границ равнины во все стороны. Дом построен очень удобно, — и скота, и хлеба, и покосов, и рыбных ловлей по реке и в озере довольно, есть и небогатая мельница на реке, только сада нет. Место для него есть, но руки еще не дошли, растут одичавшие яблони.

Предшественник мой обратил внимание на хлебопашество, без которого дом был бы весьма беден. Спасибо ему! Хлеба мы не покупаем. Но хлебопашество требует труда. Земля здесь без навоза зерна не уродит. Для того в двух местах пашни устроено по скотному двору.

Сказав о хозяйстве, скажу и о городе, и о епархии. Город, известно и вам, старинный. Церкви построены не меньше как 200 – 300 и 400 лет назад, а иные больше 600, следственно прочности много, но нет красы и вида, как в новейших городах.

Верстах в 12 от меня Псковское озеро, известное снетками, которое соединяется с Чудским, простирается почти на 200 верст. С моей колокольни оно очень хорошо видно, но конца не усмотреть.

У граждан садов довольно: родятся яблоки и сливы, а у охотников и груши и дули довольно.

Епархия состоит в 3-х губерниях: Псковской, Лифляндской и Курляндской, но только одна псковская собственно епархия, а там все немцы и церкви немецкие, т.е. кирхи.

Церквей в епархии – 419, в том числе в самом Пскове – 36, в губернии Лифляндской – 12, в Курляндии – только 2 – в Митаве и Якобштате.

Монастырей в Псковской губернии – 11; мужских – 8, женских – 3, из них в Пскове 2 женских, ни одного мужского. Архимандритов – 3, и архимандриты живут в Пскове.

Мощей и чудотворных образов весьма довольно, как вообще в старинных городах. Богатейшие монастыри: Печерский и Святогорский <?> и Никандрова Пустынь. Последняя больше 20 тысяч <ассигнациями> получает дохода. Жители ласковы и очень набожны, но раскольников весьма много, и притом разных сект. Жатва многа усердному пастырю!

Духовенство ученее Курского и едва ли в обращении уступит. Там мирнее, здесь писать охотники, и хотя во всей здешней епархии против Курской в половину и церквей и духовенства, но работы будет мне едва ли менее.

Городскими гражданскими чиновниками я отменно дово-лен на 1-й раз. Но дальнейшее время покажет.

Консистория доведена предшественником моим до стро-гого порядка. Но трудно удержать: бедна канцелярия. За-то присутствующих мест много. Это меня мало печалит: но довлеет дневи злоба его» [5, С.3-4].

Жизнь шла обыкновенным порядком. Через месяц он за-пишет: «Я живу тихо и однообразно, ни в чем не различи-стую от Белгорода. В будни много пишу и читаю, в праздники служу... Дела текут безостановочно, хозяйство спеется, сам здоров, неприятностей никаких пока не встречалось. Завтра три месяца, как я в Пскове, а 30 ию-ня совершалось 44 года моего пребывания в здешнем мире. И что сделано? Дни мои, яко сень проходят» [5, С.4].

Будничная жизнь архиепископа Казанцева состояла в обозревании храмов и монастырей епархии (*«за 18 дней, с 12 по 30 июня 1823 г. он совершает путь в 200 верст»* [5, С.4]), в частном посещении уроков и экзаменов любимого его детища – семинарии*, в попечительстве бедных лиц духовного звания, в хозяйственных заботах. Во многих монастырях и церквях он сам служит, говорит проповеди и поучения (*«на продолжении 3,5 лет управления паствой он произнес более 100 поучений и оставил их, собственноручно писанные в семинарской библиотеке»* [5, С.6]).

Владыка пользовался любовью и семинаристов, и духо-венства, и простых прихожан.

Средства его всегда были ограничены, жил он на свое жалованье, не принимая ни от кого даров и приношений, но просящие и нуждающиеся никогда не уходили от него без посильной помощи.

Отличительным качеством Евгения Казанцева была его доброта и отеческая снисходительность к своей пастве.

* «Забочась об епархии и хозяйстве, не менее заботился и о семинарии, для распространения которой не дешевой ценой купил соседний до-вольно обширный дом» [4, С.22].

В 1824 г. посыпались на него всякие беды: «*В этот год Господь вспомнил грехи мои*» [5, С.5].

«*5 января с большой главы кафедрального собора вся кровля снесена бурею ...*

В июле месяце каменная стена подле кафедрального собора внезапно обрушилась, завалив вход в главную церковь и самой церкви угрожала опасность ...

В сентябре месяце при подгороднем архиерейском доме амбары с провизией сгорели начисто ...

7 ноября с того самого дома, в котором жил, почти половина крыши железной снесена бурей ...

1 декабря кафедральный ключарь, человек прекрасный и пречестный, которому много доверял, умер от паралитического удара» [4, С.22].

Конечно, такие беды не могли не сказаться на состоянии епархии, но меры к их исправлению оказывались быстро и он мог написать: «*Ни имущество, ни капитал кафедры или дома не истощились, так что как денег, так и запасов домашних осталось при отбытии более, чем получено при поступлении*» [5, С.6].

1825 г. начал пастырь спокойно. 4 июля он писал своим близким: «*Дела мои идут мирно. Обновление после пожара спеет. Хлебы идут хорошо, и травы изрядно: как совершил Господь*» [5, С.7]. И так неожиданно кажется его решение, изложенное в письме, написанное спустя 20 дней о переводе его в Тобольскую епархию, «*которая тогда была праздной*» [4, С.22].

О причинах перевода можно только догадываться.

Епархия Псковская степенью считалось несколько ниже Тобольской, но все же она, как и Тобольская, была 2-го класса, с кафедрой архиепископской, притом в России, не далеко от столицы, а не в Сибири, в удалении от центра. Может быть, перевод связан с какими-то неприятностями?

Один из служащих в Тобольске при преосвященном Евгении рассказывал следующее: «*Преосвященный Евгений, го-*

ворил он, обозревая Псковскую епархию, прибыл между прочим в Ригу; там в честь его дан был обед, на котором присутствовал и генерал-губернатор Остзейских губерний маркиз Паулуччи. На обеде преосвященный сказал маркизу, что напрасно он в Риге и других городах ломает ветхие церкви для расширения улицы и для очистки площадей, что города русской империи и украшаются наиболее церквами. Генерал-губернатор, родом итальянец, по вере – без сомнения – католик, вельможа сильный, и имеющий большие связи при дворе, оскорбился правдивой и смелой речью русского православного архиерея; и вот он начал жаловаться Святейшему Синоду, что преосвященный псковский груб, малообразован, не на своем месте, и мешает ему исполнять волю Государя, и с тем вместе стал просить, чтобы его перевели из Пскова в какое-нибудь другое место; причем даже угрожал, в случае неисполнения его просьбы, жаловаться Государю-императору.

Святейший Синод, желая избавить лучшего из архиепископов того времени от неприятностей и столкновений с сильным вельможей и не находя полезным бороться с начальником целого края, где господствующее население иностранные, немецкое, назначил преосвященного Евгения к перемещению в Тобольск».

Иначе рассказывали о перемещении преосвященного Евгения в Пскове.

«В Пскове до преосвященного Евгения Казанцева архиепископом был Евгений Болховитинов, который в 1822 году со званием митрополита, перемещен в Киев. Застав епархию рассстроенной при преосв. Иринее Клементьевском в высшей степени, Евгений Болховитинов своей неутомимой деятельностью в 5 лет управления многое и многое исправил.

Но все же многое и после него оставалось еще не в надлежащем порядке, а иное и исправленное преемнику его казалось, требующим нового улучшения. И преосв. Евгений исправлял, делал перемены, между прочим и в распоряжениях предшественника. Само собой разумеется, что ми-

трополиту Евгению это не нравилось, так что раз он писал к одному из своих псковских приближенных о преемнике своем: «Если бы он знал, что я застал в Псковском архиерейском доме, то он бы ужаснулся». Это разногласие однако не препятствовало этим иерархам изредка вести между собой переписку; и вот один раз будто бы Киевский митрополит написал Псковскому архиепископу, что в Петербурге есть предложение вызвать его для присутствования в Святейшем синоде. Псковский преосвященный в ответе своем будто бы сказал, что он лучше бы поехал в Сибирь, чем ехать в столицу, намекая этим на неприятность столичной жизни. Митрополит, говорят, воспользовался последней фразой, и, когда открылась в Тобольске архиерейская вакансия и в Святейшем Синоде стали рассуждать, кого бы перевести туда, указал на Евгения, как на выразившего уже, в письме к нему, желание ехать в Сибирь. Так он, добавляет Псковское предание, и уехал в Тобольск к крайнему сожалению псковичей» [5, С.8-9].

Так это или не так, но 30 сентября 1825 г. в Таганроге император Александр I подписал указ о переводе Евгения Казанцева из Псковской епархии в Тобольскую.

В последний раз Евгений Казанцев служил в Пскове 22 ноября 1825 г.: «Свидетельствуя Богом, что моя к вам благодарность совершенная. Не могу никогда забыть того усердия, с каким вы окружали меня, того благочестивого безмолвия, с которым вы внимали скучному слову вашего недостойного пастыря. Все сословия привязали меня к себе неразрывной цепью: духовенство – повинением, готовностью и мирным поведением; дворянство – предупреждающим вниманием, приветливостью и лаской; служащие чиновники – уважением моих отношений и обязательным обращением; граждане – всегда и везде оказываемой приверженностью и радушем. Словом, я могу искренно приложить к себе слова Давидовы: «аще забуду тебя, Псков, забвена буди десница моя; прильпни язык мой к гортани моему, аще не помяну тебя». Так для чего же оставлять

Псков, вопрошают меня, для чего удаляешься, ежели истинно был здесь всем и всеми доволен? Братия и чады возлюбленные! оставьте испытывать судьбы Божии и сердце человеческое. Все, что могу я сказать при сем случае и в мое и в ваше назидание заключается в оных словах ангела» «Но аще и внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется» [5, С.12-13].

Евгений Казанцев не объясняет причину своего перемещения, но вот что он пишет в письме Ярославскому архиепископу Аврааму: «Весь преосвященный свет смеется снам. Духовный регламент запрещает производить во священники, которые верят снам, а я должен открыть Вашему Высокопреосвященству, что не иная причина моего перемещения, как сон, это без сомнения изумит Вас: но прошу выслушать, какого сорта мой сон. Их было три, первый и второй через два дня, один после другого, третий после второго спустя три дня. В 1-м видится покойная матушка; сон очень ясен. Я, говорит, пришла к тебе нарочно посоветовать, чтобы просился из Псковской епархии. Много было разговоров про и конtra, но закончила она тем; я этого от тебя требую и непременно приказываю; этого требует польза души твоей. С этими словами она простилась со мной, и, что потом снилось, не помню. Приснувшись, я забыл об этом. Спустя 2 дня видится мне отец, покойный же, которого я во сне никогда не видел; будто стоит он у церкви на паперти и говорит: Евгений, пойди сюда, Я подошел: он меня благословил и поцеловал. Говорит: была у тебя мать? Я отвечаю: была. – Что же ты ее не послушал? Ее я послал к тебе. Я говорю ему: зачем же мне из Пскова? Мне и здесь хорошо. Он в ответ: «Для того то и уезжай, что хорошо; этого требует польза души твоей».

Я спросил: куда же мне уехать? – Теперь много архиерейских вакансий. Послушайся, прости же, мне время служить. И простясь, ушел в церковь, а я проснулся.

Этот сон произвел на меня сильное впечатление. Я думал и передумывал, и окончил тем, что основываться на сне было бы странно, а других причин, чтобы проситься, не мог придумать. Спустя 2 дня видится мне митрополит Платон, будто ко мне зашел в кабинет. Я очень смешался, что мне не сказали. Хватаюсь за рясу и камилавку. Он мне: не заботься о пустом. Я пришел о деле: что не слушаешься отца и матери; – В чем?

– Для чего не просишься из Пскова?
– Куда же проситься? Неужели о понижении?
– Неправда, есть высшая: Тобольская.
– Ваше Высокопреосвященство, это Сибирь!
– Но ты не достоин и епископской. Повинуйся, я тебе повелеваю именем Божиим (при сих словах у меня поджили задрожали).

– Повинуюсь <...> Что напишу?
– Ничего, только просись.
– Но неужели уважится без причины?
– И будет принята и исполнена.

Потом снял он со стены образа, подавая, сказал: целуй в знак клятвы. Я поцеловал, и потом он благословил меня и, сказав: «теперь, если не послушаешь, будешь под клятвой», вышел вон с последними словами. Я проснулся, и поверите ли, почтеннейший архипастырь, я слышал их проснувшись, и видел его выходящего из двери. Я вскочил посмотреть далее, но более уже ничего не видел. Вот Вам исповедь моя совершенная. Посудите, мог ли я противиться?» [5, С.11].

Итак, архиепископ Евгений Казанцев пробыл в Пскове неполных 4 года.

С тяжелым сердцем покидал он Псковскую епархию. Об этом свидетельствует его стихотворение:

Любезную епархию оставить должен я,
В ужасные Сибирские отправиться края;
Но если безошибочно мне сердце говорит,
То вами и в отсутствии не буду я забыт ...

Прости навек, любезный Псков! Не зреть тебя уж мне,
Но не разлучен я с тобой и в дальней стороне [6].

В Тобольске Евгений Казанцев пробыл неполных 6 лет. 1 августа 1831 г. назначен он был уже в Рязанскую епархию. О выезде из Тобольска так он пишет в письме: «... *Из Тобольска я провожен с честию не хуже Белгорода и Пскова. Более награды я пожелать не мог.*» В № 18 «Московского Телеграфа» за 1831 г. была уже помещена статья о его проводах, о его благочестии, скромности, просвещенности, доброте, смирении, о море слез и т.д. [7, С.29-30].

В Рязани живет он очень скромно, даже до государя доходят слухи, что он «*крайне беден, и будто зимняго платья не имеет, будто даже нечем платить за лекарства*» [7, С.33]. Здоровье его ухудшается, резко слабеет зрение. В Рязани он был около 8 лет. В 1837 г. следует перевод в Ярославль. Опять пышные и трогательные проводы, о которых сообщают «Московские ведомости» № 48.

В 1844 г. он пишет Синоду прошение об увольнении (зрение) и «*и желал бы провести остаток жизни или в Сергиевской Лавре или в каком-нибудь из Московских монастырей*» [7, С.47]. Ему уже 70 лет.

Наконец, 16 декабря 1853 г. его увольняют с пенсиею 200 рублей серебром и с местопребыванием в одном из московских ставропигиальных монастырей. Он становится членом Высочайшего Синода и может присутствовать на заседаниях московской конторы Святейшего Синода. Условия отставки, как видим, очень неплохие. Кроме того, Казанцев соглашается быть настоятелем Донского монастыря, где он служил много лет назад.

В 1868 г. ему исполняется 90 лет и святительного служения – 40 лет.

Его поучения не отличались ни остроумием, ни красноречием, но всегда просты, сердечны, назидательны и приспособлены по времени и обстоятельствам. Деятельность его

всегда была неутомимая, особенно она проявлялась при обозрении епархий. Ни одного лета он не пропускал без обзора каких-нибудь уездов своей паствы. Бывал во всех церквях, духовных правлениях, училищах. Преосвященный Евгений всегда уважал Московского святителя Филарета. Он писал: «Я ни от кого в жизни не имел столько писем, как от него и ни одно не писано чужою рукою» [7, С.54]. Он заступался и за священников, и за крестьян, не принимал ни от кого приношений и подарков. Воздерживался в пище, не допускал никаких излишеств, но в приемах был радушен и гостеприимен. Любил с детства сочинять стихотворения на русском и латинском языках, и эта любовь не охладела и к старости. Приведем образцы его поэзии трех его возрастов [7, С.61-62].

Одно семейство просило в какой-то скорби его утешения, еще до его монашества. К утешению он приписал

Так наш краткий век маячит голова,
Что радости стакан, печали ендова.
Где ждем мы радость, там горе нас встречает,
А где дрожим беды, там радость прилетает.
Так с нами поступая, не учит ли Творец,
Что Он нам не свекровь, а наш родной Отец?
Пусть временем Он нас не по шерсти погладит,
но после в сапоги сафьянные нарядит.
Оставим грусть тому, кто Бога позабыл.
Кого отец сечет, ужель тот сын не мил?

Вот написанные в годы служения в Рязани.

Я тринадцатый родился
От родителей моих,
И последний из детей.
Сим числом как бы нарочно
Замечательности жизни
Обозначились моей.

- 1791 г. Из села в Москву вселился
От роду в тринадцать лет
И тогда же для ученья
В семинарию поступил.
- 1804 г. С полугодом через тринадцать
Принял иноческий сан.
С полугодом через тринадцать
- 1818 г. Омофором облачен.
- В Курске, Пскове и Тобольске
Прослужа тринадцать лет,
К родине – к Москве в соседство
1831 г. Из Сибири возвращен.

А следующие написаны в Донском монастыре, почти на-
ощупь из-за потери зрения.

Летоисчисление моей жизни и службы

С четырех лет я пономарь
И пономарил *девять* лет.
Потом был в школе *девять* лет.
Учительствовал с префекторством
И инспектировал *девять* лет.
Ректорствовал в архимандритском
Кресте и сане *девять* лет.
Четыре – *девять* – *тридцать шесть*,
Не разделяя на девятки
Пяти быд паств архиереем.
Теперь мне *семьдесят шесть* лет,
И есть ли столько ж после службы
Бог даст прожить, что дал до службы:
То будет *восемьдесят* лет –
Давидский полноценный век,
И *девять девятыю*, коль год еще приложит.

Но вот Господь к этому счету приложил еще *девять* лет и составилось десять десятков. Похоронен Евгений Казанцев в Донском монастыре.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бартенев П.И.* О Пушкине. – М.: Сов. Россия, 1992. – С.367.
 2. Летопись жизни и творчества А.С.Пушкина / Сост. Цявловский М.Г. – Т.1. (1799-1826). – Л.: Наука, 1991. – С.240.
 3. *Пущин И.И.* «Записки о Пушкине. Письма». Изд-во «Худ. литература», 1950. – С.104.
 4. Дневник архиепископа Ярославского Евгения Казанцева. перевод с собственноручного латинского. С добавлением: «Сведения о жизни преосвященного Евгения, архиепископа Ярославского, в дополнение к его дневнику. Протоиерей И. Благовещенский».
 5. Диакон Роман Гуцу. Псков. Рукописи.
 6. *Гордин А.М.* Пушкин в Михайловском. – Л.: Лениздат, 1989. – С.243.
 7. Сведения о жизни преосвященнейшего Евгения архиепископа Ярославского, в дополнение к его дневнику. Протоиерей И. Благовещенский.
-

В.К. ИВАНОВА

«Домик няни» в Михайловском: легенды и жизнь

Главная прелесть Михайловского парка – в обрыве над Соротью и в домике няни Арины Родионовны, единственном домике, оставшемся от времен Пушкина. Домик так мал и трогателен, что даже страшно подняться на его ветхое крыльцо.

**Константин Паустовский
«Михайловские рощи»**

К небольшому флигелю, который мы называем «Домиком няни», еще с давних пор сложилось особое отношение со стороны приезжающих в Михайловское паломников. И в этом есть своя причина. Это была единственная постройка, видевшая в своих стенах Пушкина, «скромный обломок архитектурного прошлого».

«Нас привлекает «домик няни». Это единственное, что теперь осталось от Пушкинских времен ... Больше в Михайловском нет ничего, чтобы могло своей наглядностью служить трамплином, от которого оттолкнулась бы наша мысль для работы по теме «былое и народное». Осталась одна природа», – писал Ф.А.Васильев-Ушакийник в своей книге «Пушкинские уголки Псковской губернии» (1924)

Все это послужило причиной возникающего время от времени стремления сохранить дорогой сердцу русских домик. В начале XX века на него даже хотели поставить «деревянную покрышку», чтобы он не превратился в «гнилушку». Накануне Великой Отечественной войны и вовсе предполагалось сделать его «вечным», т.е. привести древесину в окаменелое состояние. По окончании войны остатки домика няни извлекали из немецких блиндажей и окопов: предполагалось, что поскольку он связан с Пушкиным, то каждая доска от него была дорога, восстанавливали его первым и открыли для экскурсантов в 1949 г.

Конечно, не сразу домик няни обрел статус своеобразной святыни, стал местом почитания. В пушкинское время он был просто баней* или «баенкой», как называли его дворовые и крестьяне. «Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бane...», – писал поэт, вспоминая свой первый приезд в имение матери в 1817 г.

Служил ли он только бaney? Судя по письмам родителей Пушкина, им случалось порой использовать домик не только по прямому назначению. Так, 5 сентября 1828 г. Сергей Львович писал дочери Ольге: «Твое последнее письмо мы получили в Новоржеве. – Мы были там с г-жой и г-ном Шушеринными проездом к госпоже Креницыной, у которой ночевали две ночи, и оттуда на один день съездили к г-же Тимировой. Вчера после обеда воротились и находимся в величайшем затруднении. – Все это общество, числом 12 человек, напросилось завтра, в четверг, приехать в Михайловское. Можешь вообразить, что у нас голова кругом идет от забот об их размещении и пропитании. Они все будут вповалку, а мы – в бane, которая разваливается. Но что поде-

* Русская бана. В такой бane вода действует в виде пара, образующегося от поливания водою раскаленных углей, в ней человек выдерживает гораздо высшую температуру, чем в водяной... Для образования пара устраивается особая печь под названием каменки. (Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А.Брокгауз, И.А.Ефрон. – СПб., 1891).

лать. Так они пожелали, и мы их предупредили обо всех неудобствах».

Что касается самого Пушкина, то, согласно рассказам очевидцев, поэт порой использовал баню в качестве «кабинета». Это подтверждает свидетельство Данилы Сергеева-Ремезова, лично знавшего Пушкина, которое приводит А.Мошин в своей книге «Новое о великих писателях»:

«Поэт летом устроил себе кабинет в «бане» и там работал. Когда Пушкин в этой «бани» за-пирался, слуга не впускал туда никого, ни по какому поводу; никто не смел беспокоить поэта. В эту баню Александр Сергеевич удалялся часто совершенно неожиданно для лиц, с которыми он только что беседовал. В барском доме было однажды вечером много гостей. Пушкин с кем-то крепко поговорил, был очень раздражен и вдруг исчез из общества. Кто-то, зная привычки поэта, полюбопытствовал, что он делает, и подкрался к освященному окну бани. И вот что он увидел: поэт находился в крайнем волнении, он быстро шагал из угла в угол, хватался руками за голову, подходил к зеркалу, жестикулировал перед зеркалом, сжимал кулаки. Потом вдруг садился к столу, писал несколько минут. Вдруг вскакивал, опять шагал из угла в угол и опять размахивал руками и хватался за голову».
(А.Мошин «Новое о великих писателях»).

Итак, изначально домик использовался: в качестве бани; как место для уединения и размышлений для Пушкина; как место для вынужденного ночлега хозяев или размещения неожиданно нагрянувших гостей.

Но потом произошла путаница. Под влиянием рассказов дворовых из соседних имений, в частности Василия Кунтузова из Дериглазова и др., видевших иногда во время их по-

ездок в Михайловское «барина» в баньке, пошла гулять по свету версия, что якобы «Пушкин в этом флигеле и жил».

— Я, изволите-ли видеть, — рассказывал бывший дворовый господ Шелгуновых Кунтузов, посетившим Михайловское паломникам, — родился и жил в детском возрасте в сельце Дериглазове, почти-что рядом с Михайловским, верстах в двух с небольшим. Долго я живу на свете, с 1817 г., помню даже, хоть еще мал был, как горевали все, когда отошел Государь Александр Павлович ... Отец и мать мои, надо вам сказать, — были дворовые люди господ Шелгуновых. В прежние времена, вы изволите знать, было обыкновение отдавать крепостных людей в малом возрасте в ученье какому-нибудь ремеслу. Вот так-то и меня послали в Петербург учиться у портного. Потом опять вызвали в деревню и взяли во двор. В это-то время я и видел Александра Сергеевича Пушкина: мы езжали по соседям, — и помнится мне, что в то время, когда мне было лет пятнадцать-семнадцать, он жил в Михайловском, в маленьком домике, который все называли «баенкой» (выделено автором).

Версия, не находящая подтверждения даже с точки зрения простого здравого смысла. Вышеприведенный рассказ Ремезова, как видим, подтверждает тот факт, что Пушкин просто удалялся туда от назойливых соседей, что вовсе не значит, что он там жил. Любой, кто занимается поэзией, знает, что уединение для поэта — совершенно необходимое условие, что в тот момент, когда приходит к нему вдохновение, хотя бы какая-нибудь творческая мысль, ему нужно скрыться от людей, чтобы они не перебивали и не мешали видеть то, что проходит перед его внутренним взором, чтобы это переложить в рифмы и записать.

С годами эти рассказы обрастили новыми подробностями: оказывается Пушкин не только жил в баньке, но и «готовил себе обед».

«С бесцеремонностью, свойственной русскому человеку, мой ямщик вызвал, за отсутствием урядника, жену его, потребовал от нее ключи от дома, в коем жил сын поэта Григорий Александрович, и от домика Александра Сергеевича Пушкина, находящегося вблизи дома, и повел меня все осматривать. Домик, в котором жил Александр Сергеевич Пушкин, действительно не мог быть иначе назван, как «смиренный» и как его назвал Александр Сергеевич в своей элегии «Опять на родине». Он представляет собою ни что иное, как (принято у нас на Руси называть) «светелку» или флигелек небогатый, состоящий из двух комнат, отделенных одна от другой сенями, в которых уцелела плита, на которой Пушкин готовил себе обед». (выделено автором) (Г.Я.Есипович, 1902).

Тем не менее, на основе «апокрифов» наподобие кунтузовских рассказов о домике как месте постоянного пребывания поэта и создалась легенда о том, чего на самом деле не было. И как следствие, в некоторых изданиях конца XIX – начала XX вв. появились изображения домика няни, имеющегося «домиком А.С.Пушкина». А поскольку истинный дом поэта был к тому времени за ветхостью снесен сыном поэта Г.А.Пушкиным, а на его месте построен другой, то с некоторой точки зрения назвавшие домик няни домиком поэта были и правы – в том смысле, что домик был действительно пушкинский (вернее, тот, которым иногда пользовался с разными целями А.С.Пушкин). Но версия о проживании в нем постоянно просто смешна: вспомним квартиры Пушкина в Петербурге и Москве или представим себе евро-

пейца по образованию и привычкам (каковым безусловно был Пушкин), заключенного в маленькую баньку-лачужку, где даже трудно было бы как следует разложить свои бумаги и книги.

«Мы видели этот флигель. Это крохотный домишко о двух маленьких комнатах, разделенных сенями... При виде этого домика сразу возникает вопрос: зачем бы Пушкину жить в этой будке, когда в двух шагах от нее стоял целый барский дом?» (К-н, «Исторический вестник», 1909).

Поскольку дом Пушкина был снесен, а почитателям нужно было поклониться тому, что имело к любимому поэту реальное отношение, маленький флигель, стены которого, в отличие от других построек, еще хранили память о пребывании в Михайловском Пушкина, начинает постепенно превращаться в место особого почитания.

Однако произошло это уже в 60-е годы XIX в., так как для паломников, приезжавших сюда в первые десятилетия после смерти поэта (Мацкевича, Розберга и др.), памятные вехи были другие: их внимание было полностью сосредоточено на доме поэта, «столь же драгоценном для русских, как для англичан дом Шекспира, для французов дома Вольтера и Руссо, для немцев Шиллера и Гете». Банька, как и прочие хозяйствственные постройки, не привлекала их внимание: они проходили «мимо служб, мимо конюшен». Это и понятно: есть главное, а есть второстепенное. Но именно полуразвалившийся дом поэта вызывал у них грустные размышления о том, что мы, русские, не умеем беречь свои святыни.

«В грустном раздумье вы долго смотрите на дом, так много изменившийся с тех пор, как в нем нет его хозяина, то на противоположное зрелице вечно прекрасной, вечно юной природы. Вам хотелось бы унести на память посещения хоть цветок; но вы напрасно станете искать

его: вы окружены ковылем да бурьяном. С тяжелою грустью в сердце вы оставляете жилище поэта, и через двор входите в знакомый вам парк, на который вы, **в нетерпении скорее видеть дом** (выделено автором), прежде мало обращали внимания. Но здесь вас поражает тоже запустение, то же отсутствие заботливости и порядка.» (Д. Мацкевич, 1848).

Существует достаточно много описаний «домика Няни». Они сделаны различными людьми в разное время, в основном начиная с 1896 г., т.е. накануне 100-летнего юбилея со дня рождения А.С.Пушкина. Эти воспоминания открывают нам окно в прошлое, рассказывают то, что не могло получить отражения ни в каком другом виде исторических источников. С годами эти свидетельства далекого прошлого приобретают еще большую ценность, так как время, события и люди вносят много неизбежных изменений в облик «пушкинского уголка».

Многим интересно, как выглядел этот домик раньше снаружи и внутри, и это нетрудно установить по воспоминаниям паломников.

«Недалеко от жилого помещичьего дома мы заметили в густой чаще жасмина и сирени небольшой деревянный домик, который наши ребята приняли вначале за исторический домик (где жил поэт). Домик состоит из двух крохотных комнат с кухней и передней, мебели вовсе нет, стены с облупившейся штукатуркой, на полу кучи мусора. Садовник говорит, что этот домик служит помещением для приезжающих к поэту гостей». (Ф.А. Васильев-Ушкуйник, 1896).

«Мебели в домике теперь нет никакой, исключая доски от биллиарда, на котором Пушкин играл в

одиночестве двумя шарами сам с собою. Сукна почти уже нет и доска сильно изуродована безжалостно рукою неделикатных посетителей, откалывающих себе на память от нее куски. Кроме биллиардной доски в домике находится обрубок пня от одной из трех сосен, упоминаемых Пушкиным в элегии «Опять на родине». Такой-же обрубок взял с собою в Вильну сын поэта Григорий Александрович Пушкин. Обрубок этот от времени значительно истлел и тоже подвергается ампутации со стороны немилосердных посетителей и представляет собою обструганный со всех сторон кусок соснового дерева. Комната в домике низенькие, высотою не более трех аршин с половиною, в три небольших окна каждая, оклеены они обоями в день чествования памяти поэта, также пол выкрашен был тогда. Спереди домика крытое крылечко, а позади дома открытое крылечко, выходящее в сад, спускающийся к озеру. С этого крылечка открывается великолепный деревенский ландшафт, и при заходящем солнце, освещавшем поверхность вод озера, он так был чудно хорош, что не хотелось отрывать от него глаз и мне воочию представлялась картина, которая изображена так поэтично в элегии Пушкина». (Г.Я.Есипович, 1902).

«Но вот и Михайловское. Мы въезжаем в аллею старинных елей, современниц поэта, раскидистых, нахмуренных, словно поседевших от времени и непогоды.

Вот домик, в котором, как говорят, жил поэт. Крошечный, словно игрушечный, он почти совсем затерялся в зелени обступивших его кустов.

— Дом как есть старой постройки, — поясняет подошедший к нам мужичок, — весь топором рублен, нигде пиленого нет». (Е.Шведер, 1909).

«Единственной реликвией поэта в Михайловском, кроме липовой аллеи, является флигелек, где он любил жить со своей няней — Ариной Родионовной.

— Нынче будут ставить на флигелек деревянную покрышку, — говорит управляющий (управляющий — эстонец, сопровождает нас в нашем паломничестве по Пушкинской вотчине).

Прекрасная мысль — иначе через 10-15 лет от флигелька остались бы одни гнилушки». (В.Г.Вейденбаум, 1911).

Мы привели лишь несколько отрывков из воспоминаний паломников прошлого, но мнения о том, как выглядел домик, как правило, едины. Вот основные характеристики: «небольшой, скромный», «крохотный домишко», «крошечный», словно игрушечный», «маленькая и даже мизерная постройка» — это внешний вид. А вот взгляд изнутри: «убогие, низенькие горенки», «окошки крошечные, низкие потолки», «комнаты в домике низенькие, высотою не более 3-х аршин с половиною.»

Еще: «он так мал и трогателен», «зарос густой зеленью», «наполовину спрятанный в зелени», «он почти затерялся в зелени обступивших его кустов» и т.д.

Кстати, что касается использования домика в качестве бани, то все паломники второй половины XIX в. об этом не говорят, наоборот они сообщают, что «никаких банных приспособлений, в роде полка или каменки в нем нет.» Все дело в том, что когда на усадьбе поселился сын Пушкина Григорий Александрович в 1866 г., он сделал перепланиров-

ку домика и использовал его уже не в качестве бани, а как жилое помещение, которое иногда предоставлялось для ночлега личным гостям, а также приезжающим издалека почитателям поэзии Пушкина. С той же целью использовался флигель и после продажи имения государству в 1899 г.

«Управляющий показал мне крошечный домик рядом с большим домом; он так мал и так зарос густой зеленью, что я не заметил его раньше. Там две комнаты, и в одной из них хранятся обломки бильярда Пушкина. По моей просьбе, мне устроили ночлег в этом домишке», — писал С.Меч в записках о посещении Михайловского в 1907 году.

Домик поддерживался постоянными ремонтами, и это способствовало долгому продлению его исторической жизни.

Сохранились высказывания Г.А.Пушкина о домике няни, сделанные им во время бесед с различными петербургскими литераторами. Считаем целесообразным их привести, чтобы уяснить наверняка некоторые сведения об этой постройке.

«Скажите, пожалуйста, — спросил его посетивший Михайловское весной 1899 г. писатель Евгений Опочинин, — уцелели здесь какие-нибудь постройки времен Александра Сергеевича или нет?

— Почти ничего, — все выстроено и перестроено вновь, за исключением маленького флигеля или, как его называют — «баенки». Он только ремонтирован, т.е. поправлена крыша, полы и проч., остальное в нем все в прежнем виде.

— В этом флигеле и жил Александр Сергеевич во время своих приездов в Михайловское?

— Не думаю. Лично я помнить не могу, так как, когда умер отец мне не было двух лет, но судя по рассказам многих лиц, знавших отца, он всегда останавливался в большом доме. Несомненно, что он бывал во флигеле, может быть, сидел там на крыльце, но только не жил.

— Не позволите ли сначала прочитать вам то, что я записал со слов стариков, рассказавших мне об Александре Сергеевиче? Может быть, там есть какие-нибудь неточности...

— Сделайте одолжение!

— Я прочитал уже известные читателям отрывки воспоминаний Кунтузова и Лощенина.

— Все это верно, — сказал, выслушав эти отрывки, Григорий Александрович, — за исключением того, что отец мой останавливался в Михайловском в маленьком флигеле. Это, как я уже говорил вам, едва ли верно. По крайней мере, все кто знал его, утверждают, что он жил в доме». (Опочинин Евгений, 1899).

Журналист А.Яблоновский, посетивший Михайловское в том же 1899 г., приводит в своих путевых заметках следующий разговор с сыном поэта по поводу домика:

«Из дома мы пошли осматривать знаменитый флигель, в котором, по преданию, живал Пушкин. Это очень маленькая и даже мизерная постройка, разделенная внутри на две комнаты. От времен пушкинских дней сохранилось немногого; она и при поэте была ветхой, а после его смерти пришла в совершенный упадок и была реставрирована уже его сыном.

— Вот, — сказал Григорий Александрович, — указывая на этот флигелек, — уверяют, что здесь жил мой отец: в одной половине он, а в другой няня. Но это чистейший вздор, никогда отец здесь не жил, а была здесь в его время простая баня, совсем не приспособленная для житья. Разделил ее на две комнаты уже я.»

Следует отметить, что в путевых заметках паломников фактически до 1911 г. название флигеля как «домика няни» не

встречается. И только с 1911 г. это название вошло в оборот, привилось и прочно закрепилось за этим маленьким флигелем. Связано это с тем, что в 1911 г. был открыт первый дом-музей поэта. Единственная пушкинская постройка получила статус музеиного объекта под названием «Домика няни».

С этого времени и многочисленные паломники, и почитатели великого поэта стали называть флигель, расположенный слева от музея, «Домиком няни».

*«Вот **домик няни**, хоть и пустой совсем, дышит прежним духом. Истовый запах старинного жилья все еще держится в этих убогих, низеньких горенках со старинными окошками и печами, с покосившимися полами и изодранными обоями, напоминающими старинные ситцы. Я поискала под ними чего-нибудь вроде «Телеграфа», «Северной пчелы» или «Домашней беседы», но и тут оказалось не без контрафакций; на толстенные бревна наклеены под обоями целые страницы «Московских Ведомостей» и целые фельетоны «Голоса». (В.В.Тимофеева-Починковская, 1911).*

*«Наиболее интересен в этом отношении уже упомянутый **домик няни Арины Родионовны**. Он состоит всего из двух маленьких комнат, разделенных сквозными сенями, выходящими одним концом на запущенную лужайку, где находился, как говорят, собственный садик няни, а с другого конца открывающимся на крылечко, на котором часто сиживала Арина Родионовна, а с нею и ее великий питомец. В одной из комнат флигелька сохранились остатки прежней обстановки – круглый белый стол и два кресла, обитые полинялой матерней, с прямыми стенками и белым деревом». (Д.Мышецкий, 1912).*

«Во всей усадьбе от прежнего осталась одна только постройка — маленький флигелек, с крытым крылечком — так называемый **«домик няни»**. Он стоит с левой стороны от «дома-музея», наполовину спрятанный в зелени. Мебели в нем никакой уже давно не было, окошки крошечные, низкие потолки. Прямо из входной двери кухня — она же коридор. Стояла в ней еще небольшая плита, вероятно недавно переделанная, потому что кирпичи были старательно выбелены. Направо и налево две комнатки с облупившимися обоями, из которых местами выглядывала потрескавшаяся штукатурка.

В одной из этих комнаток стоял на подоконнике обрубок сосны, высотой около полуаршина, который все называли частью **«Пушкинской сосны»**...

«Домик няни» некоторые совершенно ошибочно считают тем самым, где во время своего изгнания жил поэт. Пушкин жил в давно исчезнувшем доме, который стоял на месте нынешнего «музея». (Гаррис, 1914).

Большое значение в изучении жизни и творчества А.С.Пушкина имеют документы и материалы, почерпнутые в архивах. Но воспоминания, устные рассказы очевидцев вдруг неожиданно открывают **«материалы и краски»**, которые позволяют по-новому взглянуть на события и дела давно минувших дней. Проникаясь ими, мы постигаем живое прошлое. «...Все это прошлое, столь близкое по времени, теперь с каждым годом, кажется, будто удаляется на несколько столетий» (Н.Н.Врангель **«Старые усадьбы»**).

В.Ю. КОЗМИН

Михайловское: «рассыпанные хаты» — «рассеяны деревни»

В 1819 г. в стихотворении «Деревня» А.С.Пушкин впервые в своем творчестве обратился к описанию окрестностей сельца Михайловского:

Я твой: люблю сей темный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины;
Здесь вижу двух озер лазурные равнины,
Где парус рыбаря белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
Вдали рассыпанные хаты...

В этой пейзажной зарисовке много заимствований из поэтического лексикона предшественников. «Темный сад», «луг», «светлые ручьи», «овины», «мельницы» — присутствуют в произведениях М.Н.Муравьева, Н.М.Карамзина, В.А.Жуковского и многих других поэтов. Необычно здесь слово «хаты». Точнее, не само слово, а то значение, в каком оно употреблено в пушкинском стихотворении, а именно: «хаты» — жилые постройки местных крестьян.

В поэтическом языке Пушкина слово «хата» до 1819 г. обозначает скромное жилище поэта. В таком значении оно употреблено в стихотворении 1814 г. «К Н.Г. Ломоносову»:

Увижуся я, мой друг, с тобою
Укромной *хаты* в тишине;
За чашей пунша круговою
Подчас воспомнишь обо мне.

Наряду с такими словами, как «сень, чердак, хижина, приют, шалаш, келья, (в значении «маленькая бедная комната»), кров, уголок, домик, лачужка, кабинет, обитель, камелек» [1], – *хата* становится весьма абстрактным обозначением жилища поэта. В таком значении это слово присутствует, например, в стихотворном послании Н.И.Гнедича «К К.Н.Батюшкову» (1807):

Когда придешь в мою ты *хату*,
Где бедность в простоте живет?
Когда поклонишься пенату,
Который дни мои блюдет?*

У А.А.Дельвига есть стихотворение, которое так и называется «Хата» (1815):

Скрой меня, бурная ночь! заметай следы мои выюга,
Ветер холодный, бушуй вокруг *хаты* Лилеты прекрасной
Месяц свети не свети, а дорогу наверно любовник
К робкой подруге найдет.**

И в Михайловском в 1819 г. поэт предполагал «жить» в подобной же литературной «хате». В стихотворении «Орлову», созданном непосредственно перед поездкой в свою родовую вотчину, он писал:

Под сенью дедовских лесов;
Над озером, в спокойной хате,
Или в траве густых лугов,
Или холма на злачном скате...

Но по приезде ограничился «счастливым домиком» в стихотворении «Домовому»...

Изредка в поэзии слово «хата» употреблялось в значении «крестьянская постройка, находящаяся в Малороссии». Так, например, Ф.Н. Глинка в стихотворении 1825 г. «Хата, песни, вечерница» поясняет ареал употребления этого слова:

* Гнедич Н.И. Стихотворения. – Л., 1956. – С.80.

** Дельвиг А.А. Сочинения. – Л., 1986. – С.66.

...Вошли; то хата
Малороссийская была:
Проста, укромна, небогата,
Но миловидна и светла... [2].

В том же значении (*хата* – жилая крестьянская постройка) это слово присутствует в пушкинском стихотворении «Деревня». Но сельцо Михайловское находится в Псковской губернии, которая весьма удалена от Малороссии. А жилые постройки в Великороссии традиционно называются избами. Откуда же тогда появляются псковские *хаты* в пушкинском произведении?

Ответ на этот вопрос отчасти дает «Словарь живого великорусского языка» В.И. Даля. Автор в статье *хата* предлагает следующий комментарий: *Южн. Зап.* Хатка, хаточка, хатина, – нка, хатишко, хатища, изба, домишко, халупа; *хата* бывает турлучная или плетневая, камышевая, мазанка, битая, земляная и лимпачная, бревенчатая, из дикого камня, // *хата, вят.* Горница, комната. // *Твр.* Изба, зимовка, скотная изба во дворе для дойных коров и телят. // *Ряз.* Клеть. // *Улица-то прямая, да хатка кривая* [3]. Следовательно, это слово имело множество значений, но лишь в южном и западном регионах в пушкинское время оно зафиксировано в значении – «крестьянский дом». Псковская губерния принадлежит именно к западному.

О том, что на территории Опочецкого уезда Псковской губернии употреблялось именно слово *хата* свидетельствуют и современные исследования: «Наиболее типичными на Псковщине названиями жилой постройки являются слова *изба* и *хата*. *Изба* – слово общеславянское, чаще всего называет однокамерную постройку с сенями. Оно распространено повсеместно на территории Псковской области. Слово *хата* называет постройку южнорусского типа, без подклета, часто этим словом называют постройку небольшую или ветхую. Слово *хата* распространено главным образом в южных районах Псковской области (Себежский, Невельский,

Бежаницкий, Великолукский, Новоржевский, Пушкиногорский районы)» [4]. То есть, именно так в близлежащих к Михайловскому деревням назывались крестьянские постройки. Поэтому, на наш взгляд, *хаты* «пришли» в пушкинскую «Деревню» из того живого языка, на котором говорили местные жители. И это, возможно, один из первых случаев вхождения в «идеальную» поэтическую лексику Пушкина диалектного слова, а точнее слова, употребляемого в местном значении.

Возможно, именно этот факт знакомства Пушкина с народным словоупотреблением повлиял на ход стилистических правок, сделанных поэтом в 1828 г. в процессе работы над поэмой «Полтава». Место действие пушкинской поэмы – Малороссия. Для того, чтобы передать колорит местности, автор сопровождает описание целым рядом примечаний, относящихся к местным (украинским) речевым особенностям. Так, например, к строке «Кругом Полтавы хутора / Окружены его садами (V, 19) он замечает: «Хутор – загородный дом»; «Пред бунчуком и булавой Малороссийского владыки» (V, 22) – «бунчук и булава – знаки гетманского достоинства».

В первом черновом варианте «Песни первой» появляется и слово *хата*:

Казак не смеет отдохнуть
Ни в белой *хате* ни в дубраве
(V,331)*

Но впоследствии после стилистической обработки текста это слово исчезает:

Казак на север держит путь,
Казак не хочет отдохнуть
Ни в чистом поле, ни в дубраве,
Ни при опасной переправе.
(V,29)

* Ссылки даются по полному собранию сочинений А.С.Пушкина (1937-1944); том указан римскими цифрами, страница – арабскими.

Почему автор отказывается от варианта «белой хаты»? По всей видимости, поэт при перебелке вспомнил, что хаты – это не только принадлежность «Украины», но и России. И, следовательно, не являются принадлежностью местного колорита.

В 1835 г. в элегии «...Вновь я посетил» поэт возвращается к изображению лежащих за Соротью заречных деревень:

...По брегам отлогим
Рассеяны деревни ...

Определения «рассыпаные» и «рассеяны» по отношению к населенным пунктам и жилищу ранее встречалось в поэзии. Так, например, в переводе поэмы Жака Делиля «Сады» (1816) А.Ф. Войков предлагает следующее описание:

Здесь мельница! С колес ея вода шумит
И дымом волн древа Церерины кропит.
Другая, ветров, бурь по прихотливой воле
Стучка, гигантскими руками машет в поле
И миллион кругов описывает там.
В дали – градской стены зубцы – и по холмам
Рассыпаны дома, деревни, замки, селы;
Над колокольнею петух там виден смелый;
Шпиль золотой ея как жар вдали горит [5].

Переводчик предлагает весьма абстрактное определение «рассыпаны». Абстрактное – потому, что переводя с французского на русский, он не знает той местности, о которой сообщает Делиль в оригинале. Напротив, Пушкин в 1835 г. отображает в стихах тот пейзаж, что находится перед его глазами.

«Рассыпанные хаты» теперь обозначаются, как «рассеянные деревни». Изменения в способе поэтического отражения практически не изменившихся со времени второго приезда в Михайловское становятся еще одним шагом в процессе по-

знания Пушкиным этнографической специфики этого уголка Псковской земли.

Для читательского слуха определение «рассеяны» по отношению к деревням звучит несколько странно. В нашем современном понимании деревня – это населенный пункт в сельской местности, в котором находится как минимум десяток домов. Поэтому представить то, каким образом подобные населенные пункты могут быть рассеяны на небольшом пространстве, попадающем в поле зрения поэта, достаточно проблематично. Но, тем не менее, пушкинское определение по отношению к псковским деревням первой трети XIX в. достойно того, чтобы войти в лексику специалистов в области этнографии.

В 1819 г. автор «Деревни» обратил внимание на местную строительную терминологию и выделил слово «хаты». Возможно, что стимулом стало желание автора подчеркнуть, хотя бы лексически, разницу между Петербургом и Царским Селом, где общепринятым было употребление слова «изба» и «псковской деревней матери». В 1835 г. сказалось знание Пушкиным особенностей расселения крестьянских хозяйств в Псковской губернии. В пушкинское время псковские деревни – это небольшие поселения, в нашем современном понимании больше похожие на хутор. Зачастую «деревней» назывались два – три дома с хозяйственными постройками. Свидетельство тому, хотя бы опись деревень, приписанных к сельцу Михайловскому (1838). Согласно описи деревни состояли из 1-4 крестьянских дворов [6]. Причина подобного расселения – в крайне скучной почве. В многонаселенных деревнях крестьянам в этих условиях просто не хватило бы земли для получения урожая, способного их прокормить. О том же свидетельствует «Описание Опочецкого уезда Псковской губернии» корреспондента Русского Географического Общества А. Брандта за 1852 г. Описание, звучащее как прозаическое переложение пушкинского «рассеяны деревни»: « ...Две – три избы, редко число их доходит до шести,

составляют деревню; в очень больших деревнях крестьянин не любит жить. Почти всегда деревни лежат у озера или реки, или на возвышенном месте, дурные дороги соединяют их, иногда же деревни бывают разбросаны по полям на равнине и очень близко одна от другой как это часто встречается видеть на Северо-Западе уезда» [7].

Если в 1819 г. Пушкину посредством слова «хаты» провел разграничительную линию между «Севером» и «Западом», то в 1835 г. «рассеянные деревни» заостряли разницу между «Западом» и «Востоком» России. «Восток» – это Нижегородская губерния, где существовал совершенно иной способ расселения. Так, например, в Болдино было 127 крестьянских дворов, в Малом Болдино – 102, и т.д. Понятно, что в отношении подобных населенных пунктов определение «рассеянные» неприемлемо. А «рассеянные деревни» становятся специфической деталью местного колорита Михайловского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. – М., 1959. – С.375.
2. Глинка Ф.Н. Избранные произведения. – Л., 1957. – С.219.
3. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1955. – Т.IV. – С.543.
4. Андреев В.К. Название построек в псковских говорах / Михайловская пушкиниана. Вып. 7. – М., 2000. – С.126.
5. Делиль Жак. Сады. – Л., 1987. – С.128.
6. Щеголев П.Е. Пушкин и мужики. – М., 1928. – С.265-278.
7. Бранд А. Описание Опочецкого уезда Псковской губернии. Архив Российского Географического Общества (АРГО), Разряд 32, Оп.1, д. 24, л.18,19.

Л.И. ГУСТОВА

Архетип усадьбы

Главные составляющие усадьбы: усадебный дом и парк или сад*. По нашему мнению, каждый из них имеет свой архетип [1] (К.Г.Юнг) или «идею»** (Платон). Поясним, что мы подразумеваем под этими понятиями.

Платон утверждал, что все чувственные вещи обязаны своим причинам. Эти причины – формы вещей, не воспринимаемые чувствами, постигаемые только умом, бестелесные и нечувственные. Платон называет их «видами» и «идеями». Каждому классу предметов чувственного мира, например, «классу усадеб», соответствует в бестелесном мире некий «вид» или «идея» усадьбы. Этот вид не может быть постигаем чувствами, как обычная «усадьба», но может быть созерцаем с помощью «интуиции ума». И эта «идея», по Платону, – общее для всех обнимаемых ею предметов. По отношению к чувственным вещам их «виды» («идеи») – одновременно и их причины и образцы, по которым эти вещи были созданы, и цели, к которым стремятся существа чувственного мира. Ме-

* До XVIII в. в России сад назывался словами «вертоград», «огород». Термин «парк» имеет английское происхождение и появился в России в XVIII в. в связи с развитием пейзажного стиля. Вначале «парк» противопоставлялся регулярно устроенному «саду» как достаточно крупная естественная роща с живописными аллеями, полянами, водоемами свободных очертаний и т.д. Позже смысловые различия терминов стали менее определенными. Под словом «парк» стали понимать любую обширную территорию, благоустроенную и украшенную скульптурой, малыми архитектурными формами и т.д. Парк может включать в себя несколько малых садов (А.П.Вергунов, В.А.Горохов. Русские сады и парки. – М., 1988).

** Термин «архетип» впервые ввел в научный оборот швейцарский психолог и философ XX в. Карл Густав Юнг.

стопребывание «идей», утверждает Платон, – «занебесная область... Эту область занимает бесцветная, бесформенная, неосязаемая сущность, подлинно существующая, зrimая лишь кормчemu души – разуму» [2]. Таким образом, «идея» – это причина и образец. Но они должны «материализоваться», т.е. воплотиться в зrimые, земные образы и формы.

Теперь обратимся к философской трактовке понятия «архетип» К.Г.Юнга. **Архетип** – (гр. «архе» – «начало», «типос» – «образ»), по Юнгу, есть общечеловеческий первообраз, лежащий в основе мифов, сновидений, символики художественного творчества. Он недоступен непосредственному восприятию и осознается через его проекцию на внешние объекты.

«Понятие архетип... вытекает из многократных наблюдений, в частности, над мифами и волшебными сказками, которые содержат устойчивые мотивы, обнаруживающие себя всегда и всюду.... Эти типичные образы и ассоциации я называю архетипическими идеями. Их свойства проявляются тем отчетливее, чем более окрашены в чувственные тона... Они берут начало в архетеипе, беспрецедентной, бессознательной, предсуществующей форме... архетипы определяются не содержанием, но формой. Изначальный образ наделяется содержанием только тогда, когда он становится осознанным, и таким образом наполняется материалом сознательного опыта... [1, С.369].

...подлинная природа архетипа не может быть осознана, ...она трансцендентна» [1, С.370].

Определив понятие «архетип», предположим, что:

1) архетипом сада в усадьбе является **Райский сад**;

2) архетипом усадебного дома является **История рода (генеалогическое древо)**. Усадебный дом хранил фамильный герб, жалованные грамоты, портретную галерею рода, семейные реликвии, передаваемые из поколения в поколение, являющиеся носителями духа рода. Дом зачастую являлся «колыбелью», т.е. местом рождения будущего ее владельца, и здесь, в доме, он «покидал мир сей», т.е. умирал.

Вследствие этого понятие дома выходит за рамки частного и приобретает значение символа – **символа Рода**.

Из Библии следует, что Господь Бог «произрастил из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи». «Из Эдема выходила река». Также «Господь Бог образовал из земли всех животных и всех птиц небесных и привел (их) к человеку» (Библия. Книга Моисеева., гл.2: 8-11).

Необходимая принадлежность Рая – деревья (и прочая растительность), вода, животные. Эти же обязательные условия мы обнаруживаем и в обустройстве русской усадьбы. Любовь к земле, к саду, к деревьям – ко всей природе – была всегда сильна у русского человека. Вода (река, пруды, озера) выполняла в усадьбе скорее эстетическую и сакральную функции, чем хозяйственную, хотя последняя ни в коем случае не отрицается.

Читая мемуары или поэтические описания усадеб, встречаем непреодолимое желание ее владельцев придать своей усадьбе подобие райского сада: с коллекцией редких растений и диковинными животными, населявшими его, а также создать взаимоотношения гармонии между всеми ее обитателями. Даже крепостным крестьянам придавался облик мифологизированных героев.

Спешат кругом тебя прилежные селяне,
И нимфы вьют тебе венки из васильков.
С зарею восстают восхода солнца ране,

.....
Такие дни текли вселенные в начале...» [3].

Используя некоторые из многочисленных литературных источников XVIII – нач. XIX вв., составим некий обобщенный образ усадьбы.

Усадьба Горенки под Москвой, где с 1816 г. поселился бывший министр народного просвещения граф Алексей Кириллович Разумовский: «В подмосковном своем имении, среди царской роскоши, заперся он один со своими расте-

ниями» [4]. «Дом и английский сад графа прекрасны, – богатства природы, собранные в теплицах и оранжереях, приводят в восторг: невольно изумляешься, как частный человек мог соединить в немногие годы столько сокровищ природы из всех стран света» [5, С.129].

Дача А.А.Нарышкина около Санкт-Петербурга: «В садах его находятся ... пеликаны, лебеди, чужестранные утки. Одна часть леса составляет небольшой зверинец для красивых зверей» [6, С.790].

Усадьба Левентала близ Санкт-Петербурга: «...главный сад...состоит в увеселительном лесу в английском вкусе, с прудом, храмом, великолепным китайским мандаринным двором» [6, С.714].

Мыза барона А.Г.Демидова – «...смешанный лес с содержанными в оном красивыми зверьми» [6, С.712].

Дачи Львова и Нарышкина (1838) «...имеют огромные сады...со зверинцами, где некогда содержали зверей редких и драгоценных».

Усадьба Г.Ф.Грушецкого (начало ХХ в.): «От подъезда в дом вела широкая деревянная лестница, увитая виноградом. По ней поднимались на террасу, с которой открывался вид на цветущий партер. Здесь дед вырастил великолепный розарий, состоящий из 30 сортов роз. Площадь партера занимала не менее 15 соток. Вокруг были высажены всевозможные цветущие кустарники. Там были и жимолость, и жасмин, и сирень, и рябина. Вдоль северной стороны дома как рыцари-стражи стояли пирамidalные тополя. Широкая терраса на западной стороне дома была обсажена липами... В парке гуляли павлины, а в вольерах обитали попугаи и еще какие-то редкие птицы» [7].

Представленные выше описания характеризуют усадьбу как явление неземного, идеального порядка, выполненное красоты и гармонии. Что является прообразом усадьбы? Где истоки этого страстного желания «...на десятине снять экстракт вселенной всей» (И.Долгорукий. «Прогулка в Савин-

ском»). В архетеипе усадьбы. Итак, архетип или прообраз усадьбы, включающий в себя архетип дома (Род.) и архетип сада (Рай), – это идеальная модель мира, занесенная на землю из «занебесной области», образ которой каждый на свой лад пытался воплотить или материализовать на своей «десятине». Можно утверждать, что природа архетипа усадьбы – «идеальна» (Платон), «трансцендентна» (Юнг) и в этом отчасти разгадка феномена русской усадьбы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Юнг К.Г. Воспоминания, сновидения, размышления. Глоссарий. Киев. Air land. 1994
2. Платон. Федр / Платон. Избранные диалоги. – М., 1965.
3. Муравьев Н.Н. Сельская жизнь / Русская литература. Век XVIII. – М.: Худ. лит., 1990.
4. Вигель Ф.Ф. Записки. – М., 1892. – Ч. III. – С.83.
5. Отечественные достопримечательности, издаваемые Павлом Свиньиным. – М., 1823. – Ч. III. – С.129.
6. Георги И.И. Описание столичного города Санкт-Петербурга. Ч.3. – СПб., 1794. – С.790.
7. Меленевская М.Ю. В усадьбе деда Г.Ф.Грушецкого. Извлечение «из корня» // Русская усадьба. – № ... – С. 272, 275.

Г.П. СЕРГЕЕВА

Феномен цикла и циклизации в экспозициях литературно-мемориальных музеев-заповедников (к постановке проблемы)

Начиная с конца 70-х годов XX в. в работах отечественных музееведов настойчиво повторялась мысль о необходимости развития теории музеиного дела. В частности, неоднократно указывалось, что отсутствие хорошо прописанной теоретической базы обесценивает многие направления музееведения как науки и создает трудности для развития прикладной музейной деятельности [1-3].

Кое-что к концу двадцатого столетия изменилось, так, например, вычленился и оформленся ведущий принцип исследования – коммуникационный подход. Музейная коммуникация изучается сейчас весьма широко и разносторонне. Однако, к сожалению, до сих пор работы музееведов представляют собой статьи и диссертации, которые так и не вырастают в монографий. В библиографических обзорах в разделе «теория» по-прежнему представлены, главным образом, работы зарубежных авторов.

Может быть, движение теоретической мысли замедляет требование, заявленное в большинстве статей на эту тему, чтобы теория создавала конкретные ориентиры и чуть ли не указания для музейщиков-практиков, ибо «нет ничего практическое хорошей теории». Спорить с этим утверждением трудно, но нельзя не отметить, что такая «практичная» теория не создается одномоментно, а формируется постепенно, иногда в течение десятилетий. В гуманитарных сферах деятельности и знания развитие теории начинается с осмысле-

ния уже существующих в практике феноменов, а не с попыткой создать некую программу предполагаемых действий. Лишь со временем складывается корпус теоретических оснований, способных ориентировать практическую деятельность на разработанные в теории подходы и модели.

Именно в такой логике развивается в отечественном музееоведении теория экспозиции. Пик публикаций по этой проблеме относится к концу 80-х годов [4]. В то время, как известно, широко дискутировался вопрос, какова природа музейной экспозиции, принадлежит ли она к сфере науки или искусства, какие подходы к ее созданию наиболее приемлемы в современном музее. Широко высказывались практики, создавались теоретические модели (см. работы Е.К.Дмитриевой, Т.П.Полякова и др.).

Главным результатом дискуссий и исследований тех лет можно считать окончательно возобладавший и оформившийся в экспозиционной теории и практике сюжетно-образный, сценарный подход, изменение «методологии экспозиции, проявляющееся в так называемом концептуальном подходе или «сценарии», предлагающем разработку как научной, так и художественной концепции презентируемого материала», в основе которого лежит «драматургически осмыслиенный визуально-пространственный текст» [5]. Экспозиция литературно-мемориального музея была признана принадлежащей как научно-документальной, так и к художественной сфере культуры.

Нам представляется, что, во-первых, эти результаты не могут полностью исчерпать интереса к столь сложному синтетическому феномену культуры и объяснить сущность непреходящего внимания со стороны посетителей (несмотря на все совершающиеся в нашем обществе перемены). Во-вторых, в работах отечественных музеееведов справедливо звучала мысль о том, что развитию музейной науки мешает и «замкнутость самого музееоведения, отгороженность его от многих других дисциплин, связь с которыми могла

бы способствовать его развитию на междисциплинарной основе» [1, С.9]. Чаще всего в таких случаях поминается принадлежность музея к числу социокультурных феноменов. Но не менее важно, на наш взгляд, рассматривать искусство музея в художественном контексте. Признав за литературно-мемориальный экспозицией право на художественность, следует, видимо, двигаться дальше – в частности, смелее анализировать ее поэтику, не боясь заимствовать инструментарий анализа у тех наук, в которых он давно разработан, и, прежде всего, у литературоведения и искусствознания.

Литературно-мемориальная экспозиция сочетает в себе научные и художественные компоненты, визуальный и вербальный планы, предметный и документальный мир – для того, чтобы проанализировать это многокомпонентное единство, необходим метаучастый культурологический подход, способный синтезировать и освоить приемы и способы анализа, существующие в самых разнообразных сферах гуманистического знания. Одним из возможных перспективных подходов к изучению поэтики литературно-мемориального музея представляется исследование феномена цикличности.

Интерес к проблеме цикла и цикличности в современной науке считать сложившимся. В философских исследованиях последних лет представлены работы, рассматривающие цикличность как некий универсальный закон бытия, разрабатывающие циклическую модель мироздания, исследующие интерпретацию циклических процессов в трудах представителей разных философских систем от древнего мира до наших дней [6]. Подобный глобальный подход к идеи циклизма также может иметь непосредственное отношение к музейным проблемам, так как он напрямую связан с вечно актуальной для музейщиков и экскурсоводов проблемой-проблемой адекватности восприятия, коренящейся в специфике психологии человека.

Однако мы хотели бы привлечь внимание к более частной проблеме: циклу как явлению художественной целостности, существующей в самых разных видах искусства: музыке, кино, литературе. Проблема литературного цикла успешно исследуется в работах как отечественных, так и зарубежных ученых (см. работы Л.Е. Ляпиной, М.Н. Дарвина, Фоменко). Результаты ими полученные могут быть продуктивно использованы в междисциплинарных исследованиях, так как они давно уже вышли за рамки чисто филологические. В нашем случае обращение к ним тем более оправдано, поскольку литературно-мемориальные музеи-заповедники имманентно связаны с литературой.

Литературные музеи-заповедники традиционно развиваются как сложно организованные комплексы, сочетающие многочисленные экспозиции и объекты показа.

Пушкинский заповедник включает в себя три усадьбы, мемориальное пространство возле Успенского собора Святогорского монастыря с могилой Пушкина, водяную мельницу в Бугрове, Савкину Горку и городище Воронич. Тверские пушкинские места организовывались как «Пушкинское кольцо», включавшее усадьбы Берново, Павловское, Малинники.

Чермонтовские Тарханы – это дом-музей, усадебная церковь Марии Египетской, церковь Михаила Архистратига, часовня-склеп, церковная сторожка, разнообразные усадебные постройки.

Чеховское Мелихово включает полтора десятка мемориальных построек, Ясная Поляна – около 30 (хотя не во всех из них существуют экспозиции). Восстановление Блоковского Шахматова изначально мыслится как разветвленная система экспозиций [7].

Все музеи-заповедники располагают в качестве объектов показа парки, сады, пруды и другие природные объекты. Все они, кроме того, сочетают мемориально-бытовые экспозиции с литературными, историческими или историко-бытовыми, этнографическими.

В последние годы проявилась тенденция к созданию в рамках литературных заповедников некоего варианта музея литературного героя «дом Анны Снегиной» в есенинском Константинове, или интересный проект экспозиции в болдинской Львовке, как воспроизведение мира болдинской прозы Пушкина («Повестей Белкина» и «Истории села Горюхина») [8].

Все это позволяло утверждать, что «музей-заповедник, по сути дела, является наиболее универсальной музейной организацией» и требует от своих создателей умения добиваться органического слияния «нескольких музеев в одном» [9]. Таким образом, идея системности и целостности музейно-экспозиционного пространства оформилась давно и никем не оспаривалась. Однако системный принцип организации экспозиций может быть реализован по-разному. Нам представляется, что в литературно-мемориальных заповедниках в систему экспозиций и объектов показа имманентно заложен принцип цикла.

Цикл – термин достаточно многозначный, хотя в конечном счете все его значения пересекаются в общей плоскости. Однако сейчас мы будем опираться на определение цикла как явления художественного ряда, большинство авторов определяет его как художественную целостность, состоящую из отдельных произведений. Так, еще в 1946 г. американским исследователем были выделены два признака цикла общезаводского характера: 1. Целостность и самостоятельность каждого из составляющих цикл произведений. 2. Целостность цикла, возникающая как результат взаимодействия между собой произведений, составляющих цикл [10].

К созданию подобной двойной целостности стремились и стремятся создатели всех литературно-мемориальных экспозиций: «Все экспозиции самостоятельны, каждая представляет собой законченное идеально-тематическое и художественное целое... В то же время экспозиции взаимосвязаны, объединены в экспозиционную тетralогию» [11, 12].

Таким образом, сам механизм циклизации в музейной практике освоен, что дает возможность сделать его объектом теоретической рефлексии и в какой-то степени внести уточнения в целый ряд проблем формирования, функционирования и восприятия экспозиций.

Прежде всего, это **проблема целостности музеиного экспозиционного цикла**. Целостность цикла строится по иным законам, чем целостность отдельного произведения. Самостоятельный феномен искусства – это органическое целое, каждый элемент, его составляющий, вне рамок произведения существовать не может. Отдельные части цикла вполне самостоятельны – каждый из музеев, входящих в состав заповедника, останутся для посетителя, не сумевшего познакомиться с другими экспозициями, развернутыми законченным сюжетом. Но целый ряд смыслов и ассоциаций будет утрачен, система образов обеднена. То есть, целостность цикла имеет двойную природу, она создается «не за счет утраты первичной целостности составляющих ее элементов», а, скорее, на ее основе, возникает «своеобразная двухмерность» цикла: относительное равновесие частей... и целого» [13]. Соотношение отдельной экспозиции и всего цикла – это отношения текста и контекста, каждая экспозиция своим сюжетом и образным рядом «работает» на общую идею-концепцию.

Авторский цикл в любом виде искусства – скажем, лирический цикл в литературе или сонатный в музыке – как правило, отличается завершенностью. Его состав, размеры, последовательность произведений определены авторской волей. Экспозиционный цикл имеет другой генезис. Тут возникает еще одна проблема формирования и функционирования экспозиции- **проблема авторства**.

Авторство музейной экспозиции – вопрос дискуссионный, так как он связан с проблемой меры субъективного и объективного в экспозиционной концепции, с проблемой интерпретации, которая до сих пор не решена окончательно. Од-

нако возобладавший в экспозиционной работе сюжетно-образный подход предполагает определенную степень личностного начала в осмыслении образного ряда, все более уверенно высказываются мнения, что «полноценная экспозиция может быть только авторской» [14]. Музейная практика показывает, что многолетнее существование экспозиций, содержащих в себе несомненное авторское начало, вполне возможно и успешно. А.З.Крейн, С.С.Гейченко и многие другие создатели музеев это доказывают, хотя отношение к их экспозиционному творчеству и было, и остается весьма неоднозначным, что совершенно естественно. Но та же музейная практика доказывает и неизбежность реэкспозиций, что для авторства в индивидуальных видах художественного творчества абсолютно исключено. Видимо, авторское начало может быть лишь одним из компонентов в системе коллективного музейного творчества. Циклическая художественная форма создает модель, которая позволяет, на наш взгляд, упорядочить систему представлений об авторстве в музее. Л.Е.Ляпина указывает на явление «двойного авторства» – имеются в виду циклы, скомпонованные не автором, а редактором или издателем текстов. Специфика их заключается в том, что в основе такого цикла может лежать не художественная идея, а некая рациональная программа, вносящая в структуру цикла коммуникативный момент, так как в создании цикла участвуют и автор, и реципиент его творчества [15]. Экспозиционный цикл – конструкция разомкнутая, тяготеющая не к кругу, а к спирали, ему свойственна некая экспансия, стремление к созданию все новых компонентов, обогащающих его образную систему рядами новых ассоциаций, новых смыслов и оттенков. Отсюда тенденция к увеличению числа экспозиций и объектов показа. Они не дробят идею, а развивают ее (конечно, при условии ее адекватного воплощения).

Проблема автора и реципиента в музейной сфере – это проблема музея и посетителя, проблема адекватности вос-

приятия, иными словами – одна из центральных **проблем музейной коммуникации**. Мы не ставим себе задачу проанализировать ее сколько-нибудь подробно, заметим лишь, что циклическая форма бытия экспозиций включает посетителя музея в некий вариант со-творчества. Концепция экспозиционного цикла обычно включает в себя определенную последовательность компонентов, т.е. предпочтительную последовательность посещения музеев, входящих в состав заповедника. Однако эта последовательность не имеет жесткой формы. В заповедниках нет традиции вывешивать таблички «начало осмотра», «продолжение осмотра». И не только потому, что подобный этикетаж неприемлем в мемориальной обстановке. Циклический принцип экспозиции пластичен, трансформен. Композиция его мобильна, она допускает перекомпоновку состава, выдвижение на первый план то одного, то другого компонента, уровня текста или образа. Посетитель музея создает в воображении собственный образный ряд, творит свою картину мира: «богатый, хорошо организованный цикл способен породить большое количество обоснованных интерпретаций, предложить новые и новые проблемы прочтения» [16]. При этом надо отметить, что посетитель – рационально или подсознательно – стремится к целостности цикла так же, как и его создатели. Всем музейным работникам и экскурсоводам знакомо категорическое желание экскурсанта «увидеть все» – все пункты и объекты, указанные на схеме маршрутов заповедника. Очень ярко это стремление отражено в книгах впечатлений музеев. Система цикла тяготеет к завершенности, если не кольца, то витка спирали.

Совершенно не случайно циклическая форма системы экспозиций получила столь благоприятные условия развития в музеях-заповедниках, т.е. музеях деревенских, воспроизведящих бытовую и культурную обстановку дворянской усадьбы. Усадьба – это локус, заключающий в себе весь жизненный круг, это модель целостного бытия в миниатюре. При-

родные циклы, в которых она существует, ее хозяйствственный ритм, ее бытовой уклад, архитектура и литературные пристрастия, отразившиеся в усадебных библиотеках, неразрывно связаны и образуют уникальный историко-культурный феномен, породивший целые эпохи в развитии русской мысли, науки, искусства, культуры в целом. Воссоздание столь противоречивого, изменчивого и вместе с тем устойчивого образа невозможно средствами отдельного, пусть и развернутого, крупноформатного произведения. Форма цикла для решения такой сложной задачи оказалась более оптимальной.

Столь же не случайно циклическая форма экспозиций оказалась связанный с музеями, смыслом и содержанием которых является человеческая личность – центральная фигура, чей жизненный и творческий цикл определяет тематику, сюжетику и стилистику музея.

Все проанализированные выше черты полностью укладываются в сетку циклообразующих признаков, выделенных одним из исследователей:

- строго локализованный единый пространственно-временной континуум, точно обозначенный топонимом;
- наличие общего центрального образа;
- общность содержательных элементов: проблемы, тематики, идеи;
- общность стилистики и поэтики отдельных произведений цикла;
- возникновение метаединства цикла [17].

Наблюдения, представленные в этой статье, имеют отношение и к еще одной чисто музееведческой проблеме – к вопросу о классификации музеев. М.Б. Гнедовский указывал в одной из своих статей, что «несмотря на то, что многие типы музеев давно и хорошо известны и даже звучат в названиях музеев, соответствующие типологические группы являются, на наш взгляд, недостаточно изученными... ощущается явный дефицит исследований типологических, сопоставительных, направленных на систематическое выявление черт,

характерных для определенных типов музеев...» [18]. Представляется, что для более точного выделения типа (или жанра?) музея следует более внимательно отнестись не только к его внешним признакам («интерпретация определенной части собрания как реликвий; организация экспозиции как мемориального пространства»; особый ритуал посещения музея, в котором эмоциональное преобладает над рациональным) [18], но и к его внутренним формально-содержательным характеристикам, к художественному ряду, создающему образную систему его экспозиции. Тогда мы сможем более строго определить разницу и общность таких явлений современной музейной культуры, как музей-квартира, дом-музей, музей-усадьба, музей-заповедник, которые при всей общности представляют собой различно организованные модели.

Естественно, рамки статьи позволили лишь наметить некоторые, наиболее важные аспекты исследования явления цикличности в литературно-мемориальном музее-заповеднике. Однако позволим себе кратко суммировать наиболее важные, на наш взгляд, выводы:

- форма экспозиционного цикла имманентно присуща такому типу современного музея, как литературно-мемориальный музей-заповедник;
- цикличность экспозиций музея-заповедника создает особую форму художественной целостности музея-заповедника и составляющих его отдельных компонентов;
- циклический подход позволяет применить к экспозициям музея-заповедника сетку циклообразующих признаков, являющихся для него типологическими и тем самым внести уточнения в типологическую систему музеев;
- циклический подход позволяет внести уточнения в представления об «авторской» модели экспозиции, а также уточнить ряд моментов проблемы восприятия, имеющей важное значение для развития представлений о формах музейной коммуникации;

— использование понятий цикловедения позволяет уточнить и закрепить место музейной экспозиции среди феноменов современной художественной культуры и ввести музееведческую теорию в контекст актуальных общенаучных проблем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гнедовский М.Б., Дукельский В.Ю. Музейная коммуникация как предмет музееведческого исследования // Музейное дело: музей, культура, общество. — М., 1992. — С.7-19.
2. Никишин Н.А. «Язык музеев» как универсальная моделирующая система музейной деятельности // Проблемы культурной коммуникации в музейной деятельности: Сб. науч. тр. НИИ культ. — М., 1989. — С.7-15.
3. Мосолова Л.М. Современный музей в едином культурно-образовательном пространстве России // Музеи России: поиски, исследования, опыт работы. — Вып. 5. — СПб., 1999. — С.66-70.
4. Соллертинская Е.Д. Количественный анализ отечественной литературы, посвященной проблемам музейной экспозиции // Музей в современной культуре: Тез. науч. конф. СПбГАК. — СПб., 1995. — С.49-51.
5. Щляхтина Л.М. Музей в современном мире: новые подходы к музейной работе // Музей в современной культуре. — СПб., 1997. — С.234.
6. Циклические процессы в природе и обществе. — Ставрополь, 1993.
7. Арзамасцев В., Именнова Л. Магия небесного садоводства (Размышления о первой профессиональной экспозиции в окрестностях Шахматова) // Мир музея. — 1995. — №6. — С.2-15.
8. Михайлова Н.И. Экспозиция во Львовке. Очерк концепции // Болдинские чтения. — Нижний Новгород. — 1995. — С.159-163.
9. Ванслова Е.Г. Основные проблемы деятельности литературного музея-заповедника // Вопросы деятельности литератур-

- ных музеев-заповедников (по материалам социологического обследования): Тр. НИИ культ. Вып. 105. – М., 1981. – С.5-38.
10. Mustard H.M. The Lyric Cycle in German Literature. New York. 1946.
11. Арзамасцев В.П. О мемориализации в литературном музее-заповеднике- создании системы экспозиций // Вопросы деятельности литературных музеев-заповедников. Тр. НИИ культ. – Вып. 105. – М., 1981. – С.123.
12. Парчевская И.Ю. Михайловское как система музеиных экспозиций // Михайловская пушкиниана. – Вып. 4. – М., 1999. – С.46-49.
13. Дарвин М.Н. Цикл // Введение в литературоведение. – М., 1999. – С.486.
14. Арзамасцев В.П. На очной ставке с прошлым. Историческое бытие и современный мемориальный музей // Мир. музея. – 1998. – №3. – С.15.
15. Ляпина Л.Е. Циклизация в русской литературе 19 века. – СПб., 1999.
16. Sloane D. Aleksandr Blok and Dinamics of the Lyric Cycle. Colubus, Ohio. 1988.
17. Музалевский М.Е. Циклы и цикличность в сюжетно-композиционном составе произведений Н.В. Гоголя. Автограф.... канд. филол. наук. – Саратов, 2000. – С.13.
18. Гнедовский М.Б. Анализ музейной сети и проблема классификации музеев // Музейное дело в СССР: Музейная сеть и проблемы ее совершенствования на современном этапе: Сб.науч. тр. / ЦМР СССР. – М., 1985. – С. 55.

Л.И. ГУСТОВА

«Славлю сельскую жизнь на лире» Образ русской усадьбы в поэзии XVIII века

*В чувстве сельской жизни мирной
Чистым сердцем зрится Бог.*
И.Долгорукий.
«Прогулка в Савинском»

Представление о русской усадьбе будет не полным, если не определить тот ее поэтический образ, который сложился в поэзии времени создания и расцвета усадебного строительства, т.е. конце XVIII – начале XIX вв. Само явление русской усадьбы породило целое направление в поэзии, которое можно условно назвать «усадебная поэзия». Поэты, авторы «усадебных» стихов, сами были «детьми русской усадьбы» и в своих стихах воспевали не только реалии усадебной жизни, но во многом мифологизировали ее. Этому способствовали те внутренние идеалы, которые владели умами просвещенных людей, выросших под сенью «Манифеста о вольности дворянства» (1762) и «Жалованной грамоты дворянству» (1785).

Во второй половине XVIII в. мир усадьбы привлек внимание дворянина как идеальное место тишины и покоя, где хозяином он был сам, а не другие. Противопоставление соблазнов света, пышной городской жизни и сельских мирных забав, непрятательных уютов отдыхновения и граций – мотивы, ставшие одно время чуть ли не поэтическим штампом. Во главу угла ставится частная жизнь с ее удаленностью «от суеты столицы праздной», с тихим семейным уютом, гармоническим слиянием с природой, философским познанием мира, стремлением развить в своей душе весь душевный и духовный потенциал.

В поэзии конца XVIII в. был распространен жанр послания. В нем поэт мог говорить о своих философских взглядах, о своих впечатлениях от какого-то события, наконец, просто о своем настроении или самочувствии. В этом жанре написаны многие усадебные стихи. Адресуя стихотворение другу или возлюбленной, автор отстаивал свое право говорить о том, что близко и дорого его «душе» и «сердцу».

Чаще всего авторы «усадебной» лирики создавали произведения, посвященные описанию конкретных усадеб, например «Обуховка» В.Капниста, «Евгению. Жизнь Званская» Г.Державина, «Осуга» А.Бакунина и т.д.

В них рисуется образ усадебного дома:

И дом большой, но беспаркетный –
Ни цельных стекол, ни ковров,
Ни прочей рухляди заветной,
Ни даже карточных столов.

(А.Бакунин. «Осуга»),

воссоздается круг семейных интересов и традиций, а также выявляются те жизненные ценности, которые определяют смысл бытия ее владельцев.

Необходимо отметить общий для названных поэтов мотив, идущий еще от древнегреческих поэтов Феокрита и Горация, – противопоставление цивилизации и уединенной жизни «на лоне сладостной природы», жажды чинов и званий и желанию самопознания и самореализации.

Например, у Г.Р.Державина:

Блажен, кто менее зависит от людей,
Свободен от долгов и от хлопот приказных,
Не ищет при дворе ни золата, ни честей
И чужд сует разнообразных!

.....
Возможно ли сравнять что с вольностью златой,
С уединением и тишиной на Званке?

У М.Н.Муравьева:

Не слава, о мой друг, не шум оружий бранных,
Жизнь сельская зовет согласия мои, ...

Горацианские идеалы, его «похвалы сельской жизни» находили живое сочувствие и отражение в русской действительности. Основоположником традиции русского горацианства в поэзии явился В.К.Тредиаковский. В стихотворении «Строфы похвальные поселянскому житию» (1752) он основательно русифицировал всю бытовую обстановку и социальную окраску латинского первоисточника. Под поэтическим пером Тредиаковского* рождается поэзия домашних радостей и мирного семейного уклада дворянского поместья средней руки. У него появилась и зима со снегами, и «избы», и «псовая охота на волка и медведя», и «овин», и «гумно» и «светлица».

Но зимою нападут как снеги
И от стужи избы станут греть,
Много и тогда ему там неги:
Начнет род другой забав иметь.

А описание яств на столе носит чисто русские черты:

Сытны токмо щи, ломть мягкий хлеба,
Молодой барашек иногда;
Все ж в дому, в чем вся его потреба,
В праздник пиво пьет, а квас всегда.

Идеалом мироустройства Тредиаковского является «златый век» с отсутствием «сует» и с возделыванием полей, садов в гармоническом слиянии с природой.

Лирическому герою Тредиаковского противостоит государственная служба, где «...строй по барабану; Флот и море...» – «свой дом... лучше для него». В своем саду герой любовно занимается его возделыванием: «Вяжет лозы к тычкам и листам», «очищает ветви все негодные с дерев,

* Стихотворение В.Тредиаковского «Строфы похвальные поселянскому житию» цит. по кн.: Русская поэзия XVII века. – М., 1972. – С.113-116.

Смотрит, в хлебе нет ли вредных плев». Известно, что в философской интерпретации понятие «возделывать свой сад» синонимично понятию «возделывать свою душу». И в этом герой находит главный смысл существования. Начальная и заключительная строфы стихотворения начинаются восклицательным кратким прилагательным «Счастлив!» Стихотворение строится на определении того, что составляет понятие «счастья» для героя. Возделывание сада отзывается обилием плодов: «много яблок, груш и много слив; О! как полным сердцем веселится, Их величину, их зря налив». Это обилие плодов он дарует и «храму», и «гостям», и «сродникам», и «брату». Щедрость природыозвучна щедрости души героя. Медитативное созерцание природы «под старым дубом, Иногда на мягкой траве» предопределяет духовное очищение («нет в нем скверных мыслей зле о грубом») и философское осмысление мироздания («Что естьдельно, то все в голове»). Быстротечность времени определяется образом «речки». И в этих несущихся потоках времени автор отмечает «зарницы» счастья. Он находит их в самых простых явлениях – в любящей и любимой жене, в незатейливом деревенском обеде, «насыщаясь кушаньем природным», зимней охоте:

В поле ездит он или собаки,
Боязливых зайцев в сеть ловя;
То с волками смотрит псовы драки,
То медведя оными травя.

Такое мироустройство, такая модель мира, созданная им самим, где «простота святая» противопоставляется «пышности», достойна, по мнению Тредиаковского, прославления и утверждения:

Дай бог, чтоб исчезло все, что пышно,
Всем бы в простоте святой жилось.

Эта идея будет доминирующей в усадебной поэзии XVIII в. и получит развитие в творчестве последующих авторов.

К середине XVIII в. в нравоучительных трактатах, литературных и поэтических произведениях русских авторов складывается своеобразная «жизнестроительная теория», которую можно назвать «философией сельской жизни».

Поэт Антиох Кантемир в стихотворении «О жизни спокойной» строит свою философскую систему мироздания. Уже в названии стихотворения раскрываются устремления автора. В первых его строках Кантемир заявляет о своей симпатии к Сенеке, утверждая то, что именно он, Сенека «должен быть образ нынешнего века». В развитии повествования автор проводит очевидные аналогии между собой и римским философом. Волею судьбы удаленный от службы, Кантемир пребывает в деревне: читает Сенеку, встречает восход солнца, наблюдает изменения и законы природы и приходит к главному – гармонии с самим собой и Творцом, а также к пониманию смысла жизни:

...Сенека!

Я тебе подобну жизнь хочу провождати.

пусть клянет кто несчастье, а я им доволен

И когда мя забыли, так остался волен.

Ах! дражайшая воля, с чем тебя сравняти?

Жизнь, так покойну, можно ль несчастием звати?

Подобно Сенеке, Кантемиром решает вопрос о сравнительной ценности «государственной жизни», от которой его оторвали, и жизни сельской, усадебной, т.е. долга перед государством и долга перед самим собой. Выполнение долга перед государством ничего не приносит кроме тревог и волнений, оно отнимает всякую возможность обратить взгляд на себя.

Сто раз в себе размышляю, коль блаженна воля
Ниже желание чести и богатства мучет.

Мысль Сенеки: «... лишившись обязанностей гражданина, пусть выполняет обязанность человека»* в полной мере соотносима с жизненной философией Кантемира.

Принцип оппозиции: «служба-воля» выявляет основу композиции стихотворения. Вынужденная отставка воспринимается как возможность приобретения внутренней и внешней свободы и не является для него «несчастьем»: «волен я живу по своим уставам». Свобода и уединение мыслятся как состояние внеобщественное, в тесной связи с миром природы, которая не только пробуждает душевную чувствительность и утонченность, но и культивирует лучшие свойства души человеческой. Перед лицом природы человек сбрасывает с себя весь налет придворной жизни. В деревне он прост и искренен.

Когда уже надлежит домой возвратиться
Где все так просто, но чисто, пища мне готова;
Говорю, что попало, нет коварна слова».

Именно в усадьбе находилось пристанище частного человека, временно или постоянно покинувшего государственную службу. Здесь, под защитой закона и обычая он мог «жить как хочется, не так... как велят» – заметил поэт Хемницер.

Идея вольности, столь важная для дворян в XVIII в., ощущивших ценность и значение своего «я», сочетается в «философии сельской жизни» с темой уединения. М.Прокудин-Горский пишет: «Блаженное и приятное уединение, не имеющее в себе пороков, вожделения и страстей, заражающих сердце человеческое; напротив того поселяющие умеренность – причину спокойствия нашего: оно отгоняет все суетные мысли, которые творят в нас желания бесчисленных надобностей, так что человек никогда доволен не бывает живучи в пространном городе, где единая только наружность является»**.

* Луций Анней Сенека. Нравственные письма к Луццию. – Кемерово, 1986. – С.410.

** Прокудин-Горский М.П. Уединенное размышление деревенского жителя. – 1770. – С.72.

Уход Кантемира в частную жизнь способствовал развитию поэтического дара, философского отношения к жизни, созерцанию и осмыслинию безграничности сотворенного Богом, величия его творения.

Ты Творец, от тебе все сие стало,
Небесное пространство, купно в нем светилиы,
Смертным нашим очам и жизни столь милы,
Движение законы от тебя приемлет,
Всяко тело небесно ум наш не объемлет.

Стихотворение завершается размышлениями о смерти. Она воспринимается автором как проявление божественной воли: «Безмятежно свои дни к концу направляю». И здесь усматривается влияние римского философа. По мысли Сенеки, смерть предустановлена мировым законом и потому не может быть безусловным злом. Таково отношение к смерти и Кантемира.

Тленность века моего ныне познаваю,
Не желаю, не боюсь, смерти ожидаю.

Безусловно, достижению такой духовной высоты способствовали не только идеи Сенеки, но прежде всего та усадебная атмосфера, которая располагала к глубокому самопознанию.

Таким образом в стихотворении А.Кантемира начинает складываться образ усадьбы как места философского осмыслиния жизни и обстоятельств в ней протекающих.

Этот мотив развивает и углубляет в усадебной лирике поэт Василий Васильевич Капнист. Он родился в своем родовом поместье «Обуховка» на реке Псел. Оно питало детские интересы и формировало поэтический вкус будущего поэта.

После недолгой военной службы, увлеченный творческими размышлениями, Капнист возвращается в Обуховку, которая стала для него «приютом спокойствия, трудов и вдохновенья».

«Местоположение Обуховки и окрестные виды самые прекрасные, — писал историк А.И.Ермолаев, посетивший

Капниста в Обуховке в начале XIX в. – Меня, как северного жителя, чрезвычайно занимают здешние сады. Куда ни посмотрю, везде или дуб от 12 до 15 саженей вышиною и в три моих обхвата толщиною, или вяз, или клен, или яблоня или грушевое дерево в 1/2 аршин в диаметре, или слива разных родов или греческие ореховые деревья, или шелковицы»*.

Таково документальное свидетельство современника – взгляд на усадьбу «извне».

Для Капниста его «Обуховка» является собой некое подобие рая, гармонию внешнего и внутреннего бытия, обретение слияния с Высшим. В письме к Г.Р.Державину от 20 июля 1786 г. Капнист признается: «Сказать вам мое житье бытье? Вот оно: душевно отстал я от всяких великосветских замыслов. Сыскав свое истинное счастье в уединении, в содружестве Сашеньки, в воспитании детей, в созерцании прекраснейшей девственной природы, лелеющей обитель мою., в погружении себя иногда в недра души моей и в воспарение оттуда иногда к источнику ее и всей твари. Вот мои упражнения душевые. Руками упражняюсь то в очищении и украшении сада моего, какого прекраснее и редкие цари имеют, в обозрении хозяйства, в построении нового домика, во всех сельских приятных и, можно сказать, покойных трудах. Часто, и лучше сказать каждый день мы ходим с Сашенькой прогуливаться в прекрасных при реке Псле лежащих рощах, водим с собою Ганюшку, на травке ребячимся с ним, то ляжем под густою и расширевшею тень и ветви грушею, читаем беседуем и прочее... Прямо вам сказать живем счастливо. Ежели бы вы могли оторваться от вашей цепи и приехали видеть нас, то бы удивились и позавидовали верно тишине нашего пустынножития...»**.

* Капнист В.В. Стихотворения и пьесы: В 2 т. – М.-Л., 1960. – Вступительная статья Бабкина Д.С. – Т.1. – С.18.

** Капнист В.В. Стихотворения и пьесы: В 2 т. – М.-Л., 1960. – Вступительная статья Бабкина Д.С. – Т.2. – С.287.

Здесь Капнист занимается не только переводами Горация, но и в полной мере разделяет его миросозерцание, его жизненную философию. В стихотворении «Обуховка»* сделана попытка запечатлеть черты русского быта, имеющего, по мнению поэта, непреходящее значение, увидеть вечное в национальном. Стихотворению Капнист предпослал эпиграф из Горация: «Потолок моего дома не блещет ни слоновой костью, ни золотом». Этим поэт сразу же поставил очень важный акцент: не в богатстве земном лежит круг его интересов и ценностей. Созерцание вращения мельничных колес вызывает у поэта ассоциацию со светской внешней жизнью, лишенной внутренней цели, подчиненной лишь поискам «честей и злата».

Так призрак счастья движет страсти;
Кружится ими целый свет
Догадлив, кто от них уйдет;
Они все давят, рвут на части,
Что им под жернов попадет.

По законам высших нравственных идеалов строится жизнь Капниста в усадьбе:

В миру с соседями, с родными
В согласии с совестью моей,
В любви с любимою семьей...

«Знатность» для Капниста является своего рода антиподом его ценностей. Человеческое общение в Обуховке происходит лишь по принципу «равенства».

Приютный дом мой под соломой,

.....
Для дружбы есть в нем уголок,
А к двери, знатным не знакомой,
Забыла лень прибить замок.

* Капниста В.В. Стихотворения и пьесы: В 2 т. -М.-Л., 1960. - Т.1. - С.250-254.

Идея единства и равенства всех перед Богом и природой отвечала философскому мироощущению просвещенных представителей русской культуры XVIII в.

Размышления о преходящности всего земного вызывает созерцание склоненного над водой дерева, которое «скоро, в бурну непогоду / Вверх корнем ринется ко дну»:

Так в мире времени струями
Все рушится, средь вечной при;
Так пали древни алтари...
.....
И царства пали и цари».

Но вопреки этому продолжается жизнь «природы вечной» со всеми ее эстетически выявленными в стихотворении нюансами:

Уж солнце скрылось за горой,
Уж над эфирной синевой
Меж туч сверкают звезды ясны
И зыбаются в реке волной.
..... луна златая
На легком облаке всплыла
И верх текучего стекла,
По голубым зыбям мелькая,
Блестящий столп свой провела...

Стихотворение «Обуховка» имеет замкнутую композицию. В первых его строках закладывается как бы «остов», фундамент бытия, который представляет собой нравственные идеалы. И своеобразным символом их является «умеренности скромный храм». Он, как известно, доминанта архитектурно-пространственного построения усадьбы, но храм также и духовная доминанта. Здесь крестили поэта, отсюда, по сути, он сделал первые шаги в мир. Вместе с поэтом созерцая в потоке жизни и времени «приютный дом... под соломой», «обширный многосенный лес», – «покрытый тенью теремок, равнину с оградой пурпурных кустов», «Вакхов вертоград» мы вновь возвращаемся к храму:

А под навесом древ ветвистых,
Как мрамор, – белые кресты.
..... ты зришь твоих предтеч;
Священна се господня нива;
Ты должен сам на ней возлечь.

Здесь начало и конец земному бытию. Круг замкнулся. Деревенский покой располагает к раздумьям о вечном покое. Описание родного дома логично завершается мыслями о дому последнем. Подводя итог своей жизни, своим действиям, которые были связаны именно с Обуховкой, Капнист утверждает, что жизнь ему дана «не напрасно, не случайно», он оставил в ней свой след, исполнив свою миссию:

Друг Муз, друг родины он был;
Отраду в том лишь находил,
Что ей, как мог, служа, трудился.

Даже не касаясь более глубинных подробностей биографии Капниста, в процессе анализа стихотворения «Обуховка» возникает определенный образ автора и его идеалов в усадебной жизни. Его интересы далеки от радостей и забав обычного помещика, он устремлен к высшему: познанию мира и себя в нем. Именно в Обуховке Капнист в течение многих лет занимался научными исследованиями об истоках и корнях русского народа и отечественной культуры. Этот труд известен под названием «Краткое изыскание о гипербореанах. О коренном российском стихосложении». Из этого следует, что усадьба для Капниста не только место семейного уюта, философских и поэтических размышлений, но и кабинет ученого. Так, в русскую поэзию входит представление об особом одухотворенном усадебном быте.

«Жизнь сельская зовет согласия мои...», – это и своеобразный эпиграф, и основной лейтмотив усадебной поэзии середины и конца XVIII в.. Он в полной мере свойствен творчеству Михаила Никитича Муравьева. Стихотворение «Итак, опять убежище готово...» рисует поэтический образ усадьбы

Берново. Это конкретный образ конкретной усадьбы. Отдавая дань времени и идеалам, царившим в среде просвещенного дворянства, М.Н.Муравьев прославляет «лобег» из Твери «под сень свою, спокойное Берново». Пространство этой усадьбы поэт населяет образами невидимых духов (гури, нимфы, феи, дриады), которые своим присутствием создают атмосферу таинственности, вечности («древние пенаты, Не отягчив морщинами чела...»), радости («младая пляшет гури / И зрителей обворожает круг»). Этот мир невидимый, но безусловно существующий, имеет непосредственное отражение в мире земном. В усадебном доме и в семье царит гармония и любовь. Так «госпожа» «гостеприимна дома» с «веселостью и лаской на лице...»

...гостей своих встречает на крыльце
По древнему российскому поверью
Не из чинов, а прямотой души.

Вследствие этих условий и жизнь здесь «безмятежна». М.Н.Муравьев поэтически воссоздает классический усадебный мир, рисуя целый усадебный комплекс:

И древний дом, и плодоносный сад,
И этот холм, что рощи глыбъ сосновой,
И мельницы шумящей водопад.
Смиренна Тма, какой своей просlugой
Название ты сие приобрела?
Вияся сей прекрасною окружой
Ты льешь струи прозрачнее стекла...

Эту безмятежность и гармоничность усадебной жизни охраняют нимфы и феи, обитающие в «рощи сосновой», в «сени густых деревьев, у падающих вод.» Поэт сознательно усиливает значимость невидимого мира в мироощущении обитателей усадьбы:

* Русская литература. Век 18. – М., 1990. – С.397-399.

Нам мал тот мир, что видим каждый день,
В невидимый мы любим посещенья,
Прелестных снов мы осязаем тень.»

Все здесь исполнено красоты и приобретает значение поэзии. Ритуальные прогулки «по аллее» завершаются изысканным, эстетически утонченным обедом «во светлой сей большой оранжерее.» В описании яств М.Н.Муравьев является предтечей Г.Р.Державина. Берново – подобно райскому саду:

Здесь персики румянятся пушистые
И розы здесь теряют позже цвет,
Там птички вокруг порхают голосисты...

Завершается стихотворение прославлением любимой жены «Любаси», хозяйки и, по сути, прославлением любви и радости бытия.

Стихотворение Муравьева «Итак, опять убежище готово...», можно рассматривать с точки зрения ценного исторического документа, воспроизводящего атмосферу и быт русской провинциальной усадьбы середины XVIII века.

Литературное творчество князя Ивана Михайловича Долгорукого также является прославлением и воспеванием «сельской жизни мирной.» В стихотворении «Весна» автор резко противопоставляет столичную, светскую жизнь с ее большей нормативностью поведения и усадебную, где свойства личности имеют возможность глубоко и свободно раскрыться, где человек больше сосредоточен на своих переживаниях, где он ближе к природе. Антитеза «деревня» – «Москва», настоящего и эфемерного – здесь антитеза усадебной жизни («В полях все нежит наши чувства») и столичной («В Москве все маска и наряд»).

Истинность и богатство чувств для автора превыше богатства земного:

Мое село, мое именье
В саду песчаном и пустом;
Но где любви есть услажденье,
Не нужен там и царский дом.

Стихотворение «Прогулка в Кусково» (1817 г.) – восторженный гимн подмосковной усадьбе: «где жизни день бывал дороже... чем год в иной стране прекрасной!».

Поэтическая оригинальность князя И.М.Долгорукого была отмечена еще современниками поэта. Она объясняется тем, что он писал свои произведения, отдаваясь единственно своему душевному настрою. «Я писал не для образования системы нового вкуса, а собственно для удовлетворения своего и тех, кому мое перо нравится»*, – признавался автор.

Внешняя форма, в которой изливал Долгорукий свои мысли и чувства, весьма разнообразна и не подходит под условные рамки поэтики «Его стихотворения, – пишет А.М.Дмитриев – чисто лирические, содержат в себе иногда чувство элегическое, иногда философское... Одним словом. он дал себе простор, которым не смели пользоваться современные ему стихотворцы. Это выводило его из ряда других, которые смотрели на него более как на дилетанта, не принадлежащего к их корпорации... Язык его стихотворений – чрезвычайно простой, безыскусственный, лишенный обветшальных славянизмов, пересыпанный живыми, чисто русскими народными оборотами речи».

Рождение стихотворения «Прогулка в Савинское» было вдохновлено посещением роскошной подмосковной усадьбы второй половины XVIII в. – Савинское, принадлежавшей Лопухиным. Этой усадьбы уже давно не существует. Но стихотворение Долгорукова, обладая историко-документальными особенностями и богатым эстетическим строем садово-паркового искусства, сохранило яркий, индивидуальный образ русской усадьбы периода ее расцвета.

Стихотворение погружает читателя в атмосферу романтического пейзажного парка лунной ночью.

Закатилось солнце красно,
Месяц встал – и побледнел,
Небо вызвездило ясно...

* Русский биографический словарь. – С-Петербург, 1905. – С.540.

Ощущение таинственности, предстоящего восторга передано с помощью такого приема, как звукопись. Образ природы рисуется на ассоцансе, где поются гласные А и Е.

В поэтической форме автор провозглашает мотивы просветительской идеологии в иконологической интерпретации XVIII века. Ведь в «саду обширном» —

«Каждый взгляд — есть поученье,
Каждый шаг — иероглиф.»

Многие постройки в усадьбе, описываемой И.М.Долгоруким, олицетворяют дух истории, напоминают о судьбе великих людей и великих странах. Древняя история соединялась с современностью в форме довольно прихотливой и необычной:

...Там во храмине широкой...

На столе четырех свод,
Он героя вспоминает,
Богатырский век златой,
Репнина изображает...

.....
Здесь угрюмый озирался
С удивлением Сократ...

Здесь и «Конфуция гробница», и «Юнгов остров», и «лагун был незавидный Тот, в котором Диоген нагишом блажил бесстыдный...», тут и изображение Ломоносова («по витийству — слава Россов, А по лире — Сын богов»). Все эти «мильенькие затеи», связывающие воедино мудрецов древности и современности, прошлое и настоящее, рисуют образ великолепной подмосковной усадьбы, отражая черты просвещенного и культурного его создателя.

Таким образом, усадебная поэзия XVIII в. создает своеобразную модель усадьбы в пространстве русской культуры, и что важнее, в пространстве русской литературной традиции.

И.Н.СЛЮНЬКОВА

К вопросу об особенностях архитектурной формы православного и инославного монастыря и храма

Церковное строительство России нашего времени требует ответа на множество вопросов, которые решаются специалистами в процессе повседневной работы при возведении новых сооружений, реставрации и восстановлении разрушенных или уничтоженных памятников храмового и монастырского зодчества. Среди таких наиболее актуальных задач современной практики можно назвать поиски иконографических образцов, разработку новых конструктивных и технических решений, адекватных современным строительным материалам и технологиям. Не менее важным, однако, представляется также и обращение к историко-теоретическим проблемам, в частности проблемам, связанным с особенностями архитектурной формы монастыря и храма, опирающимися на христианские церковные традиции.

В науке сложились определенные общие и фундаментальные представления о специфике сакрального сооружения христианской церкви. Общепринятым положением стало утверждение, что характерными чертами церковного искусства является консервативный характер развития архитектурной формы. Очевидно, в дополнение к данному утверждению, можно говорить о свойственном для церковного строительства и, прежде всего, монастырского зодчества, ином характере развития времени, а именно, – о «другом», продолженном времени эволюции архитектурной формы. За двухтысячелетнюю историю христианства сложились определенные

устойчивые, сохраняющиеся на протяжение многих веков принципы архитектурной организации монастыря и храма.

Исследование памятников христианского зодчества, очевидно, должно учитывать фактор обусловленности архитектурных форм монастыря и храма богословскими учениями церкви, богослужебными правилами, положениями монастырских уставов. Важнейшим направление исследований остается определение значения, семантики архитектурной формы сакрального сооружения или комплекса сооружений.

Вопросы символики архитектурных форм храма в последнее время разрабатываются достаточно активно, при этом чаще всего за основу принимаются произведения свято-отеческой литературы. Так, согласно В.В.Бычкову, «по образу Бога (Троицы) храм имеет трехчастное членение и соответствующую семантику. Членение это осуществляется в нескольких взаимно пересекающихся измерениях – вертикальном, горизонтальном и изнутри вовне. В вертикальном измерении храм является образом видимого мира. Самые верхние части его изображают видимое небо, нижние – то, что находится на земле и земной рай, внешние части (здесь уже переход к движению изнутри вовне) – только землю и ведущих неразумную жизнь» [1].

Таким образом, для архитектурной формы церковного сооружения важно, что внутреннее пространство храма существенно первично, особенно значимо, а внешнее имеет подчиненное, отраженное значение. Иерархическое превосходство архитектурного убранства внутреннего пространства над оформлением внешнего облика храма в целом остается свойственным и православной, и католической традициям храмостроения, в которых внешнее, декоративное оформление всегда уступает внутреннему.

Вместе с тем исторический опыт храмового и монастырского строительства западной и восточной церквей складывался достаточно обособленно. Так, к периоду романской архитектуры восходит традиция особого внимания к оформ-

лению портала входа в храм и наделение его сложным символическим значением. Причем сакральное значение, придаваемое «двери» в храм, имеет некоторые параллели с сакральными символическими образами алтаря-престола, что, в частности, Т.Буркхардт трактует следующим образом: «ниша портала соответствует хору церкви. Как и хор (в древних романских западнохристианских храмах место перед алтарной частью в зоне средокрестия, первоначально предназначалось для певчих, позднее отводилось для духовенства), это место Богоявления, и в этом качестве ниша портала соответствует символике небесной двери, представляющей не только вход, через который души направляются в Царствие Небесное, но также и вход, откуда божественные вестники «нисходят» в «пещеру» мира... Таким образом, портал с нишней – это алтарная преграда, которая одновременно и скрывает и обнаруживает тайну святая святых, и в связи с этим он представляет также триумфальную арку и престол славы» [2].

Фундаментальные основы различий византийской и римской церквей заключаются в разнотечениях Символа Веры: «Вставка «Филиокве» в Троичный догмат повлекла за собой учение о тварности благодати, догмат о непорочном зачатии, догматы о непогрешимости и вселенской юрисдикции римского папы. Личный (вторая ипостась безличного) образ Христа, как свидетельство, теряет свое решающее значение. Отсюда в искусстве отсутствуют различия между образом Боговоплощения и его ветхозаветными прообразами. Западное христианское искусство на деле отвергает самую возможность обожения, приоравливая само откровение к природным человеческим данным. Тварная благодать может иногда улучшить природу человека, но не преображает его, не приобщает к нетварному бытию Святой Троицы. Детище филиоквизма, учение о тварности благодати пресекает пути уподобления человека своему Первообразу» [3].

Говоря о богословии образа, различные авторы говорят примерно об одном и том же. В восточной православной христианской культуре человек определялся через причащенную вечности (вертикаль). По Л.Успенскому, православное христианское искусство несет приятие новозаветного откровения во всей полноте, с обожением твари как основной и конечной целью. Сохраненная православной Церковью вера первых веков, вселенских Соборов и святых Отцов, а также форма исповедания веры как словом, так и образом. В западно-христианской традиции историзм реального бытия, человеческого и божественного, проявлялся в горизонтальной направленности развертывания системы символов храма или в «западно-христианской культуре человек определяется через индивидуальность, участвующую во всех перипетиях своего времени (горизонталь)» [3].

По-своему формулировал проблему Востока и Запада в контексте богословского понятия *Filioque* А.Ф.Лосев, который писал, что католицизм «освобождает земную устремленность человеческого субъекта к богу, тем самым превращая ее в романтизм. Но византийское келейное подвижничество не есть романтизм. Восточный подвижник, сидя в своей келье в непрерывном посте и молитвах, смиренно ждет нисхождения к нему божественных энергий, но романтически не рвется к ним и драматически спокоен» [4].

Наконец, Ален Безансон считает, что византийское искусство, в частности икона, предназначены для созерцания, уревания духом сверхчувственной действительности, реалий потустороннего мира и «уже нет нужды смотреть вниз, на землю, на мир, полный материи, на мир, который грех лишил формы» [5]. В Римской церкви «церковное изображение поучает верующего. Оно апеллирует к его интеллекту, памяти, чувствам, к его *componctio*. Оно воспламеняет благочестие. Оно направляет страсти к добродетели. Оно убеждает, научает, трогает и нравится. То есть изображение ри-

торично в самом сильном и самом традиционном смысле слова» [6].

Однонаправленным и горизонтальным развитием композиции храма от нартекса к алтарю отвечала раннехристианская базилика, а «тенденция дополнить вектор запад-восток, заданный движением к апсиде, вектором низ-верх» [7] – обычно связывается со становлением храмовых форм ранневизантийской архитектуры.

Таковы сложившиеся в современной русскоязычной науке несколько фрагментарные и носящие самый общий характер представления о двух системах архитектурной формы христианского храма.

Фундаментальные богословские расхождения Византийской и Римской церквей заключаются в разнотечениях Символа Веры. Отсюда различия духовного состояния молящегося в храме: стремление «представить образ Домостроительства спасения», созерцание невидимого – в Византийской церкви; активное действенное движение к благочестию – в Римской церкви. В восточной православной христианской культуре основным направлением развертывания символов храма является «вертикаль». В западно-христианской традиции особое значение приобретает горизонтальная направленность развертывания системы символов храма. Принципиальное различие векторных направлений движения формы, направлений развертывания символов, обозначенных как «вертикаль» и «горизонталь», собственно являются фундаментальными понятиями архитектурного построения храма, и в разной степени они получают отражение в архитектуре каждого храма. Поэтому в дальнейшем речь может идти только об определенном соотношении вертикальной и горизонтальной динамики в композиции архитектурного произведения.

Рассмотрим соотношение вертикальной и горизонтальной динамики построения формы, исходя из богослужебных правил. Речь идет о лингвистических различиях и их влиянии

на архитектурно-пространственную организацию и внутреннее убранство храма. В православной церкви литургия на одном престоле в течение дня может совершаться только один раз, и литургическая служба происходит в утренние часы. По правилам византийской церкви храм обращен алтарем на восток, и во время литургии наиболее освещенным местом всегда является алтарь. В католической церкви алтарная часть храма зачастую имеет произвольную, в том числе и западную ориентацию, храм не имеет иконостаса и содержит два, три и более открытых престола – алтаря, устроенных непосредственно в пресбiterии, боковых капеллах, иногда возле опорных столбов. Следуя порядку литургии, которая в костелах осуществляется в любое время дня, архитектура естественного света в католическом храме не приобретает той знаковой и регулирующей силы, как в православном богослужении.

Отделение, закрытие алтаря от остального храма алтарной преградой и завесами (получившие распространение в XI в. при поддержке в монашеской среде), а также осуществление во время литургии входов, наделяют центр православного храма особой сакральной значимостью. Центральное, образуемое в месте средокрестия пространство в соборных храмах завершается куполом или, как принято в клетских храмах, условное место средокрестия извне всегда обозначено главой с крестом.

В пространственной организации католического храма выделение центра характерно для купольных храмов, однако, соподчинение окружающих пространств центральному пространству не имеет такой целенаправленной доминирующей роли, как это принято в православных церквях. В большинстве базиликальных бескупольных костелов центральному пространству не придается особого значения, а извне храма кресты устанавливаются по преимуществу над местоположением главного алтаря в пресбiterии и над глав-

ным порталом. В результате подчеркивается осевая, горизонтальная направляющая построения храма.

По-своему отражались в архитектуре монастырей и храмов черты и формы частной литургии (личного благочестия). В костелах по частному заказу устраивались встроенные, пристроенные, в иных случаях сооружались отдельно стоящие капеллы (каплицы) со своими престолами.

Существует мнение, что активное дополнение архитектуры костелов капеллами и развитие в русском храмостроении высокого иконостаса являются разными сторонами общих тенденций в развитии богослужебной практики католической и православной церквей конца XIV-XVII в. [7]. Повышение роли частной литургии в православной церкви свое косвенное выражение получило посредством утверждения высокого многоярусного иконостаса. Необходимо отметить только, что в монастырских храмах (в отличие от храмов вотчинных, нередко посвящавшихся по желанию ктиторов тезоименитым святым) фактически не встречаются частные посвящения престолов, в том числе престолов отдельных приделов.

Рассмотрим символические толкования, одновременно приложимые как к храму, так и к монастырю. Следует обратить внимание на одно весьма существенное в этом отношении суждение, сформулированное А.М.Лидовым. По его мнению, православный церковный канон предоставлял возможность для свободного воплощения мифологического образа. В восточно-христианской интерпретации образ Небесного Иерусалима трактуется как метафора, а не как иллюстрация конкретного текста или события Священного писания. Отличительной чертой православного монастыря является включение в его комплекс не одного, а нескольких храмов. Образ Небесного града несут собор, система храмов монастыря, весь комплекс сооружений монастыря как единое целое [8].

Данное наблюдение в полной мере согласуется с такой характерной особенностью православного монастыря, как

включение в комплекс не одного, а нескольких храмов. Условно говоря, к архитектурной организации православного монастыря приложим принцип «многохрамие», в большинстве случаев отличающий его архитектуру от монастыря инославного.

Очевидно существует также определенная зависимость между увеличением числа алтарей католического храма и приращением, сосредоточением в границах православного монастырского комплекса нескольких храмов, решающими задачи увеличения числа престолов монастыря.

Западно-христианская традиция символическими чертами Небесного града наделяла не монастырский комплекс в целом, а по преимуществу его главный сакральный объект – храм. На самом деле храм и кляштор (от польского *klasztor* – наименование системы корпусов для исполнения монашеских обетов в инославных монастырях Украины и Беларуси, существовавшее в словарном обиходе русского языка на протяжении XVIII – начала XIX в.), всегда упоминаются отдельно, обособленно. Вместе с тем в католических монастырях храм и кляштор слиты в единый, монолитный блок, составляющий пристроенные друг к другу храм и замкнутую систему корпусов с внутренним двором-клуатром. Такой принцип компактного эксцентрического расположения монастыря и кляштора генетически восходит к опыту строительства древних монастырей ордена цистерцианцев. Ядром цистерцианских монастырей являлся монолитный блок сооружений храма и пристроенного к нему замкнутого комплекса монастырских корпусов. Между храмом и монастырскими корпусами, через сакристию, был устроен отдельный от непосвященных проход для монашества в пресбiterий храма, на отведенные ему во время богослужения места. Подобный принцип сохранялся на протяжении многих столетий. Позднее он получил свое продолжение в таких известных памятниках, как постройки иезуитов Коллегиум Романо с церковью св. Игнатио и Иль Джезу в Риме, соотносимых с образ-

цами, наиболее полно отвечающими правилам организации храма, принятым на Тридентском соборе.

В западно-христианской традиции функционально храм неотъемлем от монастыря, а пространственно еще более тесно связан с ним, нежели в восточной церкви. В то же время костел может рассматриваться как независимая структура, более открытая к общественной, реальной жизни. То есть храм условно, в большей степени мирянами, мысленно воспринимается вне системы корпусов католического монастыря. В описях и инвентарях XVIII – начала XIX в. чаще всего именно слова «монастырь» и «кляштор» употребляются как синонимы, а «костел» и «кляштор» обозначают самостоятельные сооружения.

В истории отечественного зодчества XVII–XVIII вв. известно немало примеров заимствования отдельных архитектурных элементов, относящихся к западной традиции монастырского строительства. Одним из них, в частности, может служить построенный в ознаменование победы над Наполеоном в войне 1812 г. Михайловский собор Псково-Печерского монастыря (1827, проект Л. Руска). При сооружении нового собора здесь был использован прием встраивания храма в систему монастырской стены и раскрытие его западного фасада вовне монастырского комплекса, в сторону дороги, проложенной вдоль внешних стен монастыря. Примечательна дальнейшая история использования храма. Такое, традиционное для католического монастыря, но не свойственное для православной обители архитектурное решение собора, быть может, даже и неосознанно, оказалось отторгнутым монашеской общиной. Впоследствии главные, западные двери храма были наглухо закрыты, и постоянно действующий вход в Михайловский собор устроен через обращенные в сторону центра монастырского комплекса южные двери.

Существенное влияние на сложившиеся конфессиональные особенности архитектурной организации монастырских

комплексов оказали различия правил монастырских уставов восточной и западной христианских церквей.

Процесс формирования монастырских уставов, общность принципиальных положений и постепенное проявление различий, повлиявших на последующие расхождения правил общинного жительства восточного и западного монашества, основательно рассмотрены в научном исследовании А.П. Каждан. Монастырское сообщество рассматривалось как подобие ангельского состояния (Устав Христодула), монастырь также уподоблялся раю. Поэтому уход в монастырь в идеале означал разрыв со всеми мирскими связями и умерщвление в себе человеческой жизни и земных устремлений (это настоятельно подчеркивал Симеон Богослов). Специфику монастыря определяет идеальное (дубликатное) бытие монастыря, которое составляют, с одной стороны, монашеская теория и практика, размышления о божестве и церковном обряде, с другой стороны, аналог земельной общины или ремесленной артели. Другое ключевое качество уставов – свобода и самостоятельность монастыря, независимость от царских и вельможных властей, которые постоянно подчеркивались в жалованных грамотах монастырям. Эти формулы обычно рассматриваются как свидетельство реальной свободы и независимости монастырей и их экономической автономии [9, С.48-50, 53-68]. Общими для восточной и западной христианской традиции принципом оставалась и замкнутость монастыря – «монастырь отделял себя от внешнего мира, возбраняя посторонним доступ внутрь монастырских стен... Переход из монастыря в монастырь осуждался» [9, С.56]. Расхождения начались на рубеже VIII-IX вв. С этого времени на Западе монахи постепенно были освобождены от сельскохозяйственных работ и в уставах появились положения, впоследствии приведшие к социальному, профессиональному, имущественному расслоению членов общины.

Первоначально возникли и получили распространение два типа монастырей – особенnoжительные (идиоритмия) и об-

Цежительные (киновия), а со временем наиболее распространенной формой монашеской жизни стала киновия. В сбщежительном православном монастыре уставом закреплялось единство духовной жизни и быта, принципиальное равенство монахов, нестяжательство, беспрекословное повинование игумену, т.е. абсолютное социальное и имущественное равенство, распространявшееся также и на отношение к физическому труду. Физический труд продолжал оставаться обязанностью монахов, тогда как на Западе уже Бенедикт Анианский на рубеже VIII и IX вв. освободил монахов от сельскохозяйственных работ, а клюнийцы еще последовательнее отвергали ручной труд.

На Западе аббата в принципе выбирала монастырская братия: либо единогласно, либо большинством голосов, либо через коллегию выборщиков. Последняя – представительная система – византийским монастырям, видимо, не была известна. Зато здесь – монархическое назначение преемника настоятелем, автоматическое замещение должности и «Божие избрание» [9, С.52].

В православных монастырях выкристаллизовалась единообразная форма жизни общины, в католических монастырях – множество форм, на основе законов различных орденов, индивидуальных форм монашеских движений, оказавших влияние и на традиционалистский характер архитектуры отдельных орденов.

Детерминированные указанными условиями архитектурные формы монастыря и храма необходимо рассматривать с учетом двух аспектов: первое, – исходя из канонических и общехistorических различий западной и восточной христианских церквей, второе – с учетом национальной и региональной специфики, связанной с конкретно-историческими условиями распространения монастырского строительства в крае.

Не имея возможности в краткой публикации обосновать намеченные тезисы на основе развернутого историко-архитектурного материала и рискуя представить выводы как

отвлеченные рассуждения, в итоге, в общих чертах все же можно попытаться определить некоторые отличительные и неизменяемые черты архитектуры православных и инославных монастырей.

Существуют определенные различия в тенденциях развития внешнего оформления храма западной и восточной церквей. В католическом храме часто превалирует главный фасад и портал входа, декоративное оформление которых, порой, не уступает внутреннему убранству костела. Оформлению нартекса предписаны наиболее эффектные архитектурные формы и приемы декоративной обработки стены, нередко украшенной круглой скульптурой, в то время как другие фасады храма могут иметь весьма скромный декор, а на алтарном фасаде декор, случается, и вовсе отсутствует.

Особенно отчетливо горизонтальная ось костела выявлена в построении внутреннего пространства. На концах этой оси, уравновешивая друг друга, выделяются два кульмиационных пункта. На каждом из них устроены свои художественные и световые акценты — максимально освещенный, особенно во время литургии, помещенный в пресбiterии, главный алтарь и с противоположной стороны, в верхней части — хоры с органом. Орган получает архитектурные формы, созвучные алтарным композициям. Здесь, перед выходом в нартекс или притвор, дополнительно дифференцирован и ярко выражен контраст «верх и низ» как свет и мрак (тьма). В них как бы получает выражение энергия (надежда), которая дается литургией костела. Главная горизонталь в организации внутреннего пространства усложнена системой ответвлений, связанных с устройством боковых капелл с их понижеными по высоте пространствами, но всегда возвращающихся к главному организующему началу линии оси центрального нефа, еще более подчеркнутой коридором прохода между лавками для молящихся. Вертикальная динамика свойственна по преимуществу устремленным вверх формам алтарей, органа, главного фасада. В западную церковь упот-

ребление органа при совершении литургии прочно вошло в XVI в., восточная церковь не позволяла употреблять никаких музыкальных инструментов.

В православном храме образы восточной и западной стены контрастно противопоставлены друг другу. Богато убранному образом и блистающему серебром и позолотой иконостасу, который представляет собой «напоминание о горнем первообразе» во всей доступной верующему полноте, противостоит западная, чаще всего темная стена, расписанная сценами «Страшного Суда».

Во внешнем оформлении православного храма декоративные пояса и другие элементы украшения стены чаще всего распространяются на все четыре фасада храма, тем самым утверждается значимость каждого из них. Это свойство церковного здания особенно отчетливо читается в процессе кругового обхода сооружения или при восприятии его в панораме, извне, фактически из любой произвольно выбранной точки обзора. Входящие в обряд православного богослужения крестные ходы вокруг храма неразрывны с сохранением традиции отдельно стоящего культового сооружения и закономерно, что внешний объем храма по своим свойствам становится подобен «круглой», «скульптурной», равносторонней форме. Здесь можно заметить, что православный храм в определенном смысле наследует идеальной круглой форме раннехристианского храма, редкими сохранившимися примерами которого являются знаменитые Ротонда Воскресения в Иерусалиме (IV), Санто Стефано Ротондо в Риме (467-483), причем последний католической церковью трактуется как образное воплощение Небесного Иерусалима.

Следует подчеркнуть следующие противоположные качества – *многосторонность и односторонность внешнего объема* (многофасадность и однофасадность), принципиальные *несопоставимость и сопоставимость внешнего и внутреннего убранства храма* как одно из основных различий мона-

стырского зодчества православной и католической церкви на протяжении Средневековья и Нового времени.

Самой неподвижной и неизменной основой монастырей обеих конфессий оставалась архитектурно-планировочная организация всего монастырского комплекса, в православном и католическом строительстве имевшая принципиальные канонические различия. В первом случае – это синтетическое соединение локальных пространственных структурных элементов в концентрическое целое (полем богослужебного действия является область сосредоточения нескольких храмов), во втором – пристраивание друг другу различных по сакральной значимости и функциональному назначению пространственных протяженных структур: храм – монастырь – служебные и хозяйственные дворы различного функционального назначения (полем богослужебного действия является храм как место сосредоточения престолов). Различия заключались в *интегрированном и дифференциированном построении пространства* архитектурного комплекса, истоки которого таятся в организации жизни христианских монашеских общин VIII-IX вв.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бычков В.В. Духовно-эстетические основы русской иконы. – М., 1995. – С.45,46,47.
2. Буркхардт Т. Сакральное искусство Востока и Запада: Принципы и методы. – М., 1999. – С.109.
3. Успенский Л.А. На путях к единству? // Философия русского религиозного искусства XVI-XIX вв. Вып.1. – М., 1993. – С.354, 363, 364.
4. Лосев А.Ф. Владимир Соловьев и его время. – М., 1990. – С.420.

5. Безансон А. Искусство и христианство // Русская мысль. № 4275 – 24-30 июня 1999. – С.19-20.
6. Щенков А.С. Характерные иконографические черты православного храма // Щенков А.С., Вятчанина Т.Н. Об иконографии и тектонике православного храма (Опыт содержательной интерпретации архитектурных форм). – М., 1996. – С.10.
7. Лидов А.М. Иконостас: итоги и перспективы исследования // Иконостас: происхождение – развитие – символика. Международный симпозиум 4-6 июня 1996 г. в Москве. Тезисы докладов. – М., 1996. – С.12.
8. Лидов А.М. Образ Небесного Иерусалима в восточнохристианской иконографии // Иерусалим с русской культуре. Составители А.Баталов, А.Лидов. – М., 1994. – С.17.
9. Каждан А.П. Византийский монастырь XI-XII в. как социальная группа // Византийский временник. – М., 1971. – С.48-50, 53-68.

И.К. БАХТИНА

«...Приют спокойствия, трудов и вдохновенья...»

(некоторые впечатления о реставрации
музея-заповедника)

Так случилось, что на протяжении последних лет я была невольным свидетелем того, сколько душевных и физических сил было потрачено учеными, архитекторами, ландшафтными архитекторами, инженерами и другими специалистами во главе с директором Г.Н. Василевичем на реставрацию и восстановление Пушкинского заповедника.

Программы работ по реставрации музея-усадьбы «Тригорское» утверждались на заседаниях ученых советов. Перед началом реставрационных работ было много негативных публикаций, кипели и бурлили разногласия. Многие предложения встречались в штыки. Боролись различные мнения, каким путем вести реставрационные работы. Я очень хорошо помню, что все вызывало протест. Даже расширение экспозиции дома-музея Тригорского – присоединение к восьми комнатам музея еще четырех.

Особенно запомнился доклад В.А. Агальцовой о реставрации Тригорского парка ученом совете, прошедшем в Тригорском доме-музее, который в то время внутри был весь разобран – очень экзотическая была обстановка.

Все предложения по реконструкции и восстановлению были основаны на серьезных научных исследованиях, изучении и тщательном натурном обследовании парка.

Валентина Александровна Агальцова говорила о восстановлении характера парковой композиции на мемориальный период; сохранении и продлении жизни дошедших до наших

дней старовозрастной древесной растительности; формировании паркового типа ландшафта, выявлении композиционных особенностей на основе мемориальной части насаждений, восстановление исторической планировки.

Доклад В.А.Агальцовой о восстановлении Тригорского парка

В процессе обсуждения сообщения В.А.Агальцовой высказывались различные мнения. Горячо в защиту проекта выступила главный хранитель Павловского парка М.А. Флит.

При следующем посещении музея-усадьбы Тригорское я увидела, как уже кипела работа по реставрации дома-музея, баньки и парка. Я наблюдала, с каким терпением и настойчивостью Валентина Александровна Агальцова заставляла рабочих переделывать дорожки, площадки, лотки дренажной системы и т.п. Показывала, как надо правильно дерном выкладывать края зеленой беседки у баньки. Я была свидетелем, с каким вдохновением, азартом и любовью хранитель-биолог парка С.В. Федорова руководила посадкой молодых деревьев и кустарников, восстановлением газонов и цветников.

Выступление М.А. Флит с горячей поддержкой предложений по реставрации Тригорского парка

Как тщательно и заботливо Ю.Б.Петерсон спасал от гибели множество мемориальных старовозрастных деревьев. Как В.А.Никитин, главный архитектор проектов Псковского института «Спецпроектреставрация» – автор реставрации дома-музея, внимательно следил за реставрационными работами. И, конечно же, вдохновителем, серьезным и вдумчивым ученым, а также крепким хозяином Тригорского, который в своих руках держал решение всех вопросов, всех проблем, был хранитель музея-усадьбы «Тригорское» – И.Т.Будылин. Ему также принадлежит идея расширения экспозиции во второй половине дома-музея. (В 2000 г. хранителем «Тригорского» стала Р.В.Бурченкова, И.Т.Будылин возгласил проект издания «Пушкинской михайловской энциклопедии». – Прим. ред.).

Благоустройство парка велось как силами рабочих, так и добровольными помощниками – в основном, школьниками, туристами. И мы, туристы – постоянные посетители Пушкинского заповедника, также выходили на субботник в Тригорское.

В юбилейном, 1999 году мы уже могли увидеть отреставрированную усадьбу.

Прежде всего хотелось бы сказать о том неожиданном и сильном впечатлении, которое производит вновь раскрытая величественная панорама и перспектива на обширную долину р. Сороти. Это как мощный аккорд замечательной музыки. Берег от усадебного дома до «баньки» приведен в то состояние, которое мы можем увидеть на рисунках А.С. Пушкина.

Субботник туристов в Тригорском

Очень хорошее впечатление произвела восстановление системы каскадных прудов и расчистка берегов долины ручья, на котором они образованы. В парке появился четкий композиционный узел, а с дорожек, проложенных вдоль и через долину, открылись живописные постоянно меняющиеся картины и целый ряд разнообразных перспектив. Очищенные от зарослей каскадные пруды образовали единую водную систему, необыкновенно обогатившую пейзаж.

В целом воссоздана композиционно-планировочная структура парка, восстановлена его историческая планировка.

Новые дорожки через долину ручья с каскадными прудами

Отреставрированная парковая композиция включает сочетание большого количества видовых точек на окружающие ландшафты с закрытыми внутренними композициями, рассчитанными на определенную последовательность в процессе движения через ряд сменяющихся картин – «зеленых залов». А когда подрастут саженцы, заложенные по границам «зеленых зал», то эти картины станут еще более выразительными.

Эти последовательные картины включают многие уголки парка, связанные с А.С. Пушкиным. От дома раскрывается панорама на р. Сороть, представлена «скамья Онегина» на фоне этой панорамы, показано место старого дома – центра всей исторической планировки, восстановлена банька и около нее «зеленая беседка» с деревянной лестницей, спускающейся к Сороти, а также обозначено «место под рябинами», далее восстановлен «зеленый зал», возле которого вновь растет барбарисовый куст, связанный с легендой о поэте. Далее путь ведет по мостику через каскадные пруды и подводит к «ели-шатру», затем приводит к восстановленной

композиции «солнечных часов» – ценнейшему экспонату XVIII в., в которую включен и «дуб уединенный», далее маршрут разделяется – к «аллее Татьяны» и «березе-седлу» или к плодовому саду с беседкой.

В парке выполнена дренажная система – теперь парк будет постоянно доступен, и мы забудем таблички, сообщающие, что «парк закрыт из-за плохой погоды». Выполнено гравийное покрытие дорожек, аллей и площадок, укреплены склоны и т.д. И главное – восстановлен дом-музей и «банька».

Дом-музей капитально отреставрирован, в нем расширена экспозиция. Были добавлены «парадная гостиная», библиотека (вторая комната), девичья (выставка, посвященная усадьбе Вревских «Голубово»), «классная» – выставки, связанные с псковскими усадьбами.

Как прекрасен восстановленный дом в Тригорском. Это получился живой теплый дом, обещающий посетителям, что в нем живут уютно и весело.

Непонятно, почему пушкинский дом в Михайловском не производит впечатления живого дома, хотя выполнен тем же авторским коллективом. И цвет, выбранный для покраски, неживой. Впервые я увидела восстановленный дом в Михайловском, путешествуя по берегу р. Сороти от Савкина, и страшно раз волновалась: что это еще за бетонная стена там появилась? Оказалось, что такое впечатление производит цвет стен дома.

Хотелось еще сказать о важности сохранения уникального ландшафта Пушкинского заповедника. Уже начинается его разрушение. При взгляде из Михайловского на Петровское резко выделяется новая современная застройка. Необходимо ее закрыть «зелеными кулисами».

Хотелось бы также высказать мнение многих постоянных посетителей Заповедника о том, что исчезновение с его территории пушкинских строф, тактично выбитых на камнях и мраморных плитах, разрушило поэтический путеводитель,

раскрывающий все уголки «...приюта спокойствия, трудов и вдохновенья...», воспетые поэтом.

Территория Заповедника лишилась той поэтической атмосферы, которая создавалась живой музыкой пушкинских стихов, живым голосом Пушкина. Пропал трепет, который охватывал посетителей музея-заповедника от единения и слитности пушкинских строф с неповторимыми окружающими пейзажами и ландшафтами.

Особенно это чувствовали дети – каждый считал своим долгом обязательно вслух прочитать пушкинские строфы, написанные на камнях – и поэзия звенела в воздухе детскими голосами.

Заповедник прежде всего интересен тем, что здесь был Пушкин и что ландшафт эхом отозвался в его поэзии. Сохранившийся до наших дней «пушкинский» ландшафт и посвященные ему стихи – это важнейшая и единственная достоверная часть экспозиций музея-заповедника.

Раньше поэтическое настроение, благодаря пушкинским строфам, создавалось уже на подходах к Михайловскому. А сегодня дойти до Михайловского в поэтическо-созерцательном настроении невозможно. Машины снуют по заповедным тропам, обдавая посетителей клубами пыли с головы до ног, к сожалению, сложилась практика стоянок автомашин на заповедных территориях – и самое излюбленное место для этого – берег озера Маленец.

Заменили камни и мраморные плиты с пушкинскими строфами, деликатно и умело вписанных в ландшафт, в Михайловском, увы! – громоздкие диссонирующие с ландшафтом по форме и цвету стенды. Они расставлены без учета природных особенностей местности. Так, в Бугрове стенд полностью закрыл панораму пруда. Большую часть этого стенда составляют правила поведения в Заповеднике, которые очень веселят молодежь и вызывают желание сразу же их нарушить.

«Излюбленное место» остановки автомашин – нарушителей заповедных территорий (берег озера Маленец)

Нарушена сама поэтическая атмосфера Заповедника, которая не позволяла нарушать его правила – как в храме. Эта атмосфера создавалась поэтическими строфами Пушкина, выбитыми на камнях, точно вписаных в ландшафт в тех местах, которые воспевал поэт – в усадьбах Михайловском, Тригорском, у р. Сороти, у озер, в рощах и т.д.

А между тем стихи в гармонии с ландшафтом – это традиция музея-заповедника, которая сохранялась более 60 лет. Еще в далеком 1936 г. К.Г.Паустовский в своем рассказе «Михайловские рощи» писал: «Телега въехала в вековой сосновый лес. В траве, на обочине дороги, что-то белело. Я склонил с телеги, нагнулся и увидел дощечку, заросшую выюнком. На ней была надпись черной краской. Я отвел мокрые стебли выюнка и прочел почти забытые слова: «В разные годы под вашу сень, Михайловские рощи, являлся я».

- Что это? – спросил я вознице.
- Михайловское, – улыбнулся он.

— Отсюда начинается земля Александра Сергеевича. Тут всюду такие знаки поставлены.

Потом я натыкался на такие дощечки в самых неожиданных местах: в некошенных лугах над Соротью, на песчаных косогорах по дороге из Михайловского в Тригорское, на берегах озер Маленца и Петровского — всюду звучали из травы, из вереска, из сухой земляники простые пушкинские строфы. Их слушали только листья, птицы, да небо — бледное и застенчивое псковское небо.» Прощай, Тригорское, где радость меня встречала столько раз». «Я вижу двух озер лазурные равнины».

Однажды я заблудился в ореховой чаще. Едва заметная тропинка терялась между кустами. Должно быть, по этой тропинке раз в неделю пробегала босая девчонка с кошелькой черники. Но и здесь, в этой заросли я увидел белую дощечку. На ней была выдержка из письма Пушкина к Осиповой: «Нельзя ли мне приобрести Савкино? Я построил бы здесь избушку, поместил бы свои книги и приезжал бы проводить несколько месяцев в кругу моих старых и добрых друзей».

Почему эта надпись очутилась здесь, я не мог догадаться. Но вскоре тропинка привела меня в деревушку Савкино.»

Мне кажется, лучше чем написал К.Г.Паустовский, сказать нельзя. И мы, постоянные посетители пушкинских мест, надеемся, что эта поэтическая атмосфера, создаваемая стихами «звучащими из травы», вернется в Заповедник.

И.Б. ЦИПРИС

Некоторые аспекты и проблемы реставрации заповедного паркового ландшафта

В Российском фонде культуры, чьим представителем на «круглом столе» является наша комиссия Общества изучения русской усадьбы (ОИРУ), выпускается к юбилею Д.С.Лихачева сборник воспоминаний. В связи с этим я стала свидетелем беседы двух искусствоведов. На реплику коллеги: «Дмитрий Сергеевич был прекрасный человек, но уж очень много он поучал», – последовало возражение его собеседника: «Он имел право поучать: у него хорошие корни». По-моему, эти слова можно отнести и к Валентине Александровне Агальцовой, автору проекта реставрации парковых ансамблей Пушкинского заповедника: у нее хорошие, верные корни архитектора-реставратора. Это – натурные обследования, исторические документы, археология. Это – опыт, смелость, это талант. И любовь архитектора-ландшафтника к природе.

Михайловское – чудесный пушкинский музей-заповедник с мировой славой. Русскую деревню, простую русскую природу поэт любил с самого раннего детства: каждое лето семья отдыхала в Захарове, подмосковной усадьбе бабушки поэта М.А.Ганнибала. А после лицея и Петербурга, – в Михайловском – Пушкин вновь встретился с природой среднерусской полосы, вновь ее узнал и вновь полюбил, по словам В.С.Непомнящего, ее «тихую красоту, ...дыхание пространств, колыхание лесов, шум ветра в вершинах сосен».

Поэт любовался пейзажами, окружающими Михайловское, «под сенью дедовских лесов», но особое притяжение имели усадебные парки – «приют задумчивых дриад»,

«приют спокойствия, трудов и вдохновенья», «приют, сияньем муз одетый». Именно поэтому воссоздание, реставрация исторических парков – Пушкинских мемориалов – огромная ответственность и для нашего времени, и перед грядущими поколениями.

Пушкинские пейзажи «знакомы вдохновенью» поэта.
Рисунок автора

Проделанная архитекторами работа грандиозна. Бессспорно, это ценный вклад как в современную науку и практику усадебной реставрации, так и современную культуру. Восстановлена историческая планировочная композиция, выявлены новые парковые территории, ранее заросшие и давно невидимые. Замечательно, что освободились от зарослей пруды, являющиеся важным элементом ландшафта. Цель реставрации – воссоздание исторической объемно-пространственной композиции парка. Но в настоящее время отдельные парковые ландшафты оказались излишне открытыми. Мне приходят на память лекции нашего известного педагога

Софьи Николаевны Палентреер, ее уроки по садово-парковому искусству (в 2001 году ей исполнилось бы 100 лет). С.Н. объясняла нам, что парк – это чередование открытых и закрытых пространств. Она говорила об эффекте контрастов, эффекте неожиданности при раскрытии дальних панорам и перспектив.

Сегодня отдельные парковые композиции кажутся невыразительными, несколько аморфными. Отсутствуют акценты, доминанты, исчез контраст компактных мощных групп на куртинах и открытых полян. А у Пушкина – сад «сени расширял густые», «люблю сей темный сад». Слишком часто и много открыты дали – «луга и нивы золотые» по берегам Сороти, внешние видовые панорамы не имеют кулис.

В процессе реставрации исчез целый ярус – подрос. Здоровый парк – это птицы. Они живут, гнездятся по ярусам... Какие-то виды птиц могут исчезнуть в таком парке, но нужно надеяться, что время исправит положение, время «дополнит» структуру парковых ландшафтов, появится вновь исчезнувший подрост и птицы вернутся.

Вместе с тем, хотелось бы отметить бережное, тактичное отношение реставраторов к деревьям ценных пород – памятникам природы, современникам поэта, достигшим критического возраста. Это – мемориал парка, его культурное наследие, его «достоверность», и хорошо, что отдельные (особенно декоративные) экземпляры оставлены «на доживание».

Парки Михайловского, Тригорского представили после реставрации очень нарядными, с эффектным цветочным оформлением. Конечно, понятно желание архитекторов привнести в парковые композиции Пушкинских мемориалов яркую красоту цветов. Ведь для тысяч паломников свидание с Михайловским – это встреча с любимым поэтом – Пушкиным, с его поэзией, это – праздник, это торжество, радость. И здесь так уместно пышное цветочное убранство.

a)

б)

Кулисы видовых панорам

а. Вид на Сороть с городища Воронич

б. Вид на Сороть из парка Тригорского

Старые липы Тригорского.
Рисунок автора

Но нет уверенности, что в мемориальных парках уделялось достаточно пристальное внимание воссозданию исторического старинного цветочного ассортимента. Какие цветы выращивали в парках при Пушкине? Хотелось бы, чтобы цветочная экспозиция была также мемориальной. Тем более, что, как известно, сохранился гербарий местной флоры, который собрала когда-то вдова поэта с детьми.

Красивый парк – это дань музеефикации, музеологии. Дань памяти Пушкина. Но не чрезмерно ли все-таки обилие цветников?

Поэт называл в стихах свое жилье «наша ветхая лачугка»... Он унаследовал от своих родных привычку и вкус к скромному достатку и никогда не жил в обстановке аристократической усадьбы. Лиричные, поэтичные пушкинские пенаты «Под сенью хаты скромной» были в его время столь же просты и неброски, как и окружающая их природа. И вряд ли кому из дворовых полагалось заниматься в парках таким количеством цветов. Пушкин воспевал «скромную семью моей обитель».

Деревья – современники поэта.
Фото автора. 2000

Но если это цветочное оформление именно сада-музея, это «музейное шоу», то странно, что в парках исчезли надписи – пушкинские стихи на камнях. Еще К. Паустовский в 1936 г. в очерке «Михайловские рощи» писал, что редкие места обладают «такой внезапной лирической силой, как Михайловское». Его умиляли «дощечки со стихами в самых неожиданных местах»... «Поэзия всюду, даже в траве... Всюду звучали из травы, из вереска, из сухой земляники простые пушкинские строфы». Паломники, туристы – взрослые и дети, и в наши дни читают – и часто вслух – пушкинские строфы. Ведь это подлинное приобщение к поэзии.

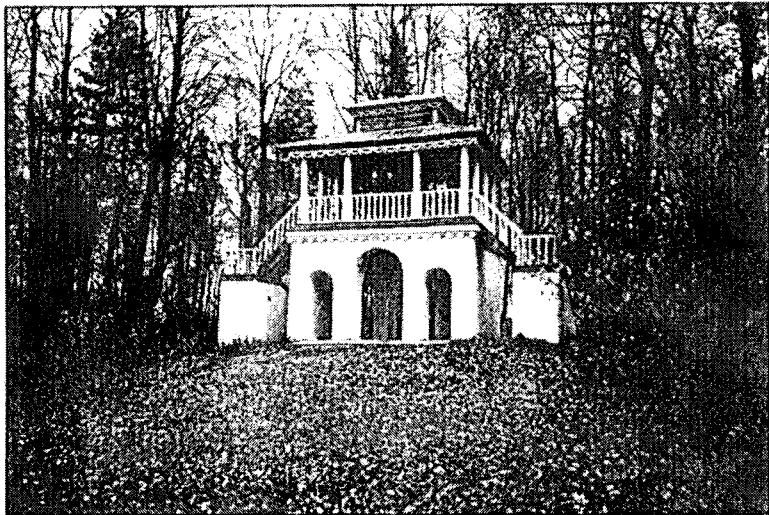
Мне довелось привезти однажды в Михайловское итальянку-филолога, знающую русский язык. Она замирала у каждого камня, просила подождать — и, радостно улыбаясь, громко и старательно декламировала поэтические шедевры.

«Каменная цитата» из Пушкина.
Рисунок автора

Может быть, реставраторы сочли эти каменные цитаты несколько нарочитыми, театральными, разумеется, их не было при Пушкине. Но ведь в музее, в музейной экспозиции всегда уместна некоторая демонстрация информации. И здесь необходим голос самого поэта: его мысли, его чувства, его живая речь.

Вероятно, следует как-то скорректировать форму табличек, их скромный образ, но бесспорно, «каменные цитаты» Пушкина нужно вернуть. Кстати, об этом много записей в книге отзывов посетителей Заповедника.

Грот-беседка в парке Петровского
Фото автора. 1995

В усадьбе Петровское реставрация идет полным ходом*. На значительной территории парка выявлен и восстановлен исторический ландшафт. Но, к сожалению, с главной аллеи парка снесена двухъярусная беседка, с верхнего яруса которой открывались великолепные дальние многоплановые видовые панорамы... Огромный просторный мир Красоты, необъятное «зерцало вод» озера Кучане... Вдали – парковый массив Михайловского, выразительный силуэт Савкиной Горки.

На плоскостном рельефе Петровское совершенно естественно расположение по оси главной аллеи этой традиционной для классической русской усадьбы беседки – «Миловиды». Необходим взлет над озером, ландшафтом: именно с высоты второго яруса особенно впечатляет распахнутая живописная панорама... Ощущение парения, легкости. Чувство полета – это важно, это прекрасно. И в этом – «Гений места».

* Петровское открыто после реставрации 1 июня 2001 г. (Прим. ред.).

Но архитекторы-реставраторы объяснили, что беседка будет восстановлена: уже выпущены проектные чертежи Псковским институтом «Спецпроектреставрация». «Миловида» станет легче, изящней прежней, и достойно украсит отреставрированный парковый ансамбль.

Путешествие комиссии ОИРУ по усадьбам Заповедника началось, по предложению В.А.Агальцовой, с Воскресенского, где автору проекта хотелось показать «начало начал», с чего все начиналось. Жуткое, угнетающее впечатление производят заросли заброшенной усадьбы. Но все-таки хотелось бы напомнить, что в основном Михайловское и Тригорское никогда до такого состояния не доводились. Это всегда была благословенная земля, поэтическая Мекка. И живший здесь сын поэта, Григорий Александрович, и последующие обитатели старались сохранять культурный ландшафт, беречь исторический образ Пушкинской усадьбы... В 1922 г. был подписан декрет Совнаркома о создании в Псковской губернии Государственного Пушкинского Заповедника. Несколько раз заново отстраивали дом поэта в Михайловском. После Отечественной войны бережно восстановили усадьбу, где жил и творил великий русский поэт.

И вот сейчас, наконец – подлинно научная реставрация. Поэтический мемориал рождается вновь для будущих поколений. Все в становлении...

Присутствие Пушкина, мне кажется, раньше чувствовалось больше... Но, конечно, Дух поэта вернется на эти любимые им земли, на пологие скаты холмов, «под липовые своды», под «кленов шумный кров» и в мирный шум дубрав, знакомый вдохновенью.

Ведь его всегда ждут «и берег Сороти отлогий, и полосатые холмы», и «тени прибрежных ив, и мир и сон тригорских нив».

...И возрождаемые заповедные усадьбы.

Г.А. ПОЛЯКОВА

Проблемы восстановления и содержания старинных усадебных парков

На конец XX – начало XXI столетия на территории России, скорее всего, нет ни одного парка, который соответствовал бы своему первоначальному проекту. Все они в той или иной степени требуют проведения работ по реставрации или реконструкции. Отчасти это объясняется тем, что возраст многих из них превышает 150-200 лет, наиболее молодые из усадебных парков созданы около 90 лет тому назад. Второй и не менее важной причиной является отсутствие должного ухода в последние 80-150 лет.

Многие усадьбы в России после отмены крепостного права стали приходить в упадок. К началу ХХ в., по воспоминаниям современников [1-4], во многих усадьбах царило запустение, то есть, заброшены были и парки. Например, в Подмосковье в хорошем состоянии в начале ХХ в. находились лишь несколько больших усадеб, таких как Архангельское, Узкое, Вороново, Михайловское, Поречье, Морозовка и некоторые другие. На территории ряда усадеб появились дачи. На рубеже XIX-XX вв. во многих усадьбах создавались мануфактуры, различные заводы и прочие предприятия,искажавшие облик усадьбы и парка. Местами ущерб загородным паркам наносили пастыба и прогон скота. За последние 80 лет должного ухода не получал ни один парк. В несколько лучшем состоянии находится часть из усадеб, в которых расположились санатории и музеи.

Имеется достаточно большое количество литературных источников, в которых дается описание старинных усадеб, в том числе и некоторые сведения о парках [5-10]. Про-

блема сохранения и восстановления памятников садово-паркового искусства стала особенно актуальной в XX столетии [11–14].

В настоящее время в значительной степени утрачена культура усадебного паркостроения, методов их содержания и ухода. Старинные парки в большинстве случаев были расценены на использование их относительно небольшим количеством людей. Сейчас во многих из них рекреационные нагрузки оказались слишком велики. Около половины парков не используется по своему прямому назначению. Неблагоприятные факторы окружающей среды, характерные для многих районов, усугубили неудовлетворительное состояние растительности, в том числе и парковой.

В русских усадебных парках существуют участки регулярного и пейзажного стилей. Состояние их зависит от возраста и методов ухода. Регулярные парки долгие годы должны были сохранять определенный, почти не изменяющийся внешний вид, что достигалось постоянным формированием крон деревьев и кустарников. Но в большинстве из них давно, иногда около 200 лет тому назад, полностью была прекращена стрижка древесных пород, в результате – полное изменение их внешнего облика.

Одним из основных элементов регулярного парка являются аллеи. Аллеи, даже в старые времена, иногда ремонтировали. В регулярной части подмосковного парка Вороново были обнаружены такие посадки. Первоначально в этом парке аллейные посадки были созданы около 260 лет назад, стрижка их была прекращена очень давно. Более 90 лет тому назад в рядах на места выпавших старых деревьев были посажены молодые липы (возраст деревьев был определен точно по кернам, взятым возрастным буравом). Они прижились и в настоящее время по высоте мало уступают своим более старым соседям, но отличаются меньшим диаметром стволов. Стрижка деревьев возобновлена не была. Кроны лип сильно деформированы, большей частью их диаметр не

превышает 3,5-4,5 метров, лишь отдельные деревья, в просветах древесного полога, имеют диаметр кроны до 8 метров. Ширина аллеи – 5 метров, шаг посадки в рядах около 1,5 метров.

Типичной для регулярных парков является «аллея Керн» в Михайловском (Заповедник, Пушкинские Горы). Она сравнительно не широкая, на старых деревьях хорошо видны следы давней стрижки. Как и обычно, в таких аллеях, практически все деревья имеют явные признаки наличия стволовых гнилей. В последние годы реставраторы пришли к выводу, что мемориальные аллеи подобного состояния, следует сохранять до тех пор, пока в них живы не менее четверти деревьев.

В московском парке «Петровско-Разумовское» парадная аллея, идущая по главной оси парка, была создана когда-то из сдвоенных рядов стриженых лип. После прекращения стрижки деревьев, по мере их роста, они стали затенять друг друга. В результате чего один ряд лип с каждой стороны аллеи выпал. За последние десятилетия, по крайней мере, три раза, делались дополнения. Но молодые липы, посаженные в тени старых деревьев, через несколько лет отмирали.

В Павловске под Санкт-Петербургом во время войны дворец и окружающий его парк сильно пострадали, и должный уход не осуществлялся. В послевоенные годы была проведена обрубка старых лип на парадной тройной аллее [12]. После реконструкции стрижка аллеи была возобновлена, эта аллея приняла подобающий ей вид и до сих пор украшает парк. Такую реконструкцию аллейных посадок можно проводить только при относительно хорошем их состоянии. В очень старых парках, где возраст деревьев превышает 200 лет и многие из них больны, обрубка стволов, скорее, всего приведет к их гибели.

В московских усадьбах Кусково, Останкино и Архангельское сравнительно недавно были восстановлены регулярные части парков. Здесь можно увидеть посадки лип, кроны ко-

торых формируются в виде шаров или кубов. В Кусково формирование крон ведется грубо. Неоднократно выпиливались крупные ветви, причем в последний раз на стволах остались обрубки длиной менее 0,5 метра. Липы с трудом восстанавливают кроны. Об ослаблении деревьев можно судить по появлению многочисленной прикомлевой поросли. В Санкт-Петербурге формирование крон в регулярных парках ведется щадящими методами, и они имеют более декоративный вид, даже в безлистном состоянии.

В усадьбе Петровское (Пушкинский заповедник) в центре парка, где сходятся основные аллеи, деревья стригли когда-то на высоте около 10 метров, что необычно для старинных парков России.

Характерны для регулярных парков и шпалеры, которые формировались путем постоянной стрижки очень близко посаженных друг к другу деревьев или кустарников. Для шпалер чаще всего использовалась липа. После прекращения стрижки деревья образующие шпалеры, начинают быстро расти и из-за густого стояния (шаг посадки был около 1 аршина), значительная часть их выпадает. Но местами (Ясенево, Царицыно) фрагменты этих некогда зеленых стен видны до сих пор. Причем в Царицыно сохранились как единичные очень старые липы, так и более молодые, посаженные при ремонте шпалер более 100 лет тому назад. Сохранившиеся фрагменты шпалер в настоящее время не могут выполнять свои прежние функции – образование зеленых стен. Восстановить шпалеры из старых деревьев невозможно. В первоначальном виде такие декоративные формы можно создавать только посадкой молодых деревьев и их последующей, регулярной стрижкой. В настоящее время в усадьбах Кусково и частично Архангельское восстановлены липовые шпалеры.

Регулярная стрижка в течение долгого времени приводит к ослаблению и сокращению сроков жизни деревьев и кустарников. В верхнем парке Петергофа, восстановленном сра-

зу после войны, к 90-м годам началось отмирание части стриженых деревьев и кустарников.

В дореволюционных питомниках, как известно, специаль-
но выращивали деревья для различных типов посадок: шпа-
лер, аллей, пейзажных групп и т.д. Таким образом, форми-
рование крон начиналось уже в питомниках, то есть до по-
садки на постоянное место. Это обеспечивало большую де-
коративность и долговечность насаждений. В богатых усадь-
бах обычно в питомниках имелись деревья тех же пород и
соответствующих размеров, как те, из которых создавался
парк. При необходимости ремонт, особенно в первые годы
жизни парка, проводился такими деревьями, которые не на-
рушали облик созданного ландшафта.

Для пейзажных парков также характерны аллеи, но они
обычно не подвергались стрижке и ширина их, а также шаг
посадки между деревьями был значительно больше, чем в ре-
гулярных парках. Знаменитая липовая аллея в Воронове соз-
давалась гораздо позднее, чем аллеи регулярной части этого
парка, и шаг посадки лип в рядах был около 4 метров. Часть
аллей пейзажных парков создавалось с учетом размеров, ко-
торые деревья могут достигать в зрелом возрасте. Например,
в московской усадьбе Ясенево в великолепной и очень широ-
кой липовой аллее деревья достигают максимальных разме-
ров, особенно по диаметру, как стволов, так и крон, которые
к тому же спускаются по стволу достаточно низко.

Еловая аллея в Михайловском (Пушкинский заповедник)
была посажена с учетом того, каких размеров достигают
взрослые деревья этой породы. Сейчас от самых старых по-
садок сохранились лишь единичные деревья, они достигают
максимальных для этой породы размеров, как по высоте, так
и по диаметру ствола. Кроны их отлично сформированы и
имеют в плане форму почти правильного круга, причем они
довольно низко опускаются по стволу. Второе поколение
елей в аллее имеет возраст около 100 лет, эти деревья также
выглядят хорошо. Третье, самое молодое поколение посадок

требует особого ухода. Необходимо следить за тем, чтобы соседние деревья, растущие вдоль аллеи, не затеняли молодые посадки и не деформировали их кроны. Обычно в старых парках, по обе стороны аллеи, до других посадок, оставлялась свободная полоса не менее 10 метров шириной.

Еловая аллея в подмосковном Воронове имеет ширину 4,5 метра, а между деревьями в ряду всего 2 метра. К 100-летнему возрасту кроны елей сильно деформированы, в плане имеют эллипсоидную форму, максимальный размах кроны 4,5x8 метров. Нижние части стволов лишены живых ветвей. Многие деревья выпали. Аллея в таком виде мало декоративна.

Дубовые аллеи не часто встречаются в усадебных парках. В усадьбе Алтун (Пушкинский заповедник) такая аллея имеет величественный вид. Ширина ее 20 метров, то есть ее создатели хорошо знали, каких размеров дуб достигает в зрелые годы. Сейчас это крупные деревья с раскидистыми хорошо сформированными куполообразными кронами, которые лишь соприкасаются с соседними деревьями.

Какой вид имеют старые дубы в разных условиях произрастания, хорошо видно в знаменитой дубовой роще в Коломенском (Москва). Один из них стоит несколько в стороне от других деревьев и явно практически всю жизнь растет на свободе. Диаметр ствола его – 165 см, высота – 26 метров, огромная куполообразная крона имеет диаметр более 20 м. Неподалеку в этом же ряду стоят дубы, расстояние между которыми 4,5 метра. Диаметры стволов 80-90 см, высота 22-28 метров, проекция кроны 10x15 метров, то есть крона сплюснута, и ветви соседних деревьев проникают в крону друг друга.

Таким образом, при создании и ремонте аллей необходимо не только учитывать схему старинной посадки, но и каких размеров могут достигать эти деревья в зрелом возрасте. Регулярные парки практически не подлежат ремонту. В пейзажных парках, если аллея достаточно широка и расстояние между деревьями не менее 4,5 метров, возможны подсадки молодых крупномерных деревьев. Кроме того, следует сле-

дить за тем, чтобы вдоль аллей шла полоса не менее 10 метровой ширины, свободная от деревьев, которые могли бы затенить аллею. Ремонт отдельно идущих аллей, например въездных, редко бывает удачным. В такой аллее даже издали резко бросается в глаза разница в размерах старых и молодых подсаженных деревьев и аллея напоминает расческу с обломанными зубцами. Такую картину можно видеть в подмосковных Горках, где отремонтированная березовая аллея идет через поля.

Несколько слов о березовой аллее в парке Михайловское (Пушкинский заповедник). Трудно предположить, что аллея шириной менее 2 метров когда-то была парадной, ведущей к старому главному дому. Обычно по парадной аллее можно было не только подойти, но и подъехать к дому. По такой узкой аллее хозяйка дома, в платье по моде тех времен вообще не могла пройти. Сейчас тонкие черные стволы березы пушистой с маленькими плохо развитыми кронами, задавленные соседними, крупными деревьями, выглядят весьма странно. Узкая аллея, к тому же проходящая через небольшую беседку, скорее всего, напоминает о различных парковых штуках, принятых во времена Петра I.

Пейзажные парки представляют собой имитацию самых красивых участков естественного ландшафта. В них обычно чередуются группы деревьев и кустарников с луговыми газонами, причем все они могут иметь различные размеры, состав и конфигурацию. Дорожки пейзажных парков были, как правило, извилистыми и вели от одной поляны к другой, огибая группы деревьев и кустарников. На каждом повороте перед посетителем парка открывалась новая картина. С точки зрения ландшафтной архитектуры пейзажный парк это сочетание открытых, полуоткрытых и закрытых ландшафтов, причем соотношение их зависело как от вкусов владельца, так и от природных условий. Так, в северной столице площади открытых пространств обычно были более значительными, чем в более солнечной и теплой Москве [11, 12].

Самые старые пейзажные парки, которым 150-200 лет, к настоящему времени без должного ухода во многом потеряли свою первоначальную планировку. Значительно обеднился видовой состав всех ярусов насаждений, так как часть пород не может жить столь долго. Долгожителями старинных парков являются, в основном, липа мелколистная, дуб черешчатый, вяз гладкий и лиственница европейская. Деревья других пород либо выпали полностью, либо сохранились единичными экземплярами. Часть кустарников, особенно в тени разросшихся деревьев, также отмерла.

В пейзажных парках группы, куртины, рощи, массивы и некоторые другие посадки большей частью формировались загущенными, потому что такой прием обеспечивал более быстрое достижение сомкнутости насаждений, соответственно и декоративности молодого парка. Во многих парках, особенно созданных незадолго до 1917 г., не проводились удаления лишних деревьев после смыкания крон, в результате чего часть из них стала отставать в росте и постепенно отмирать. В настоящее время в центре групповых посадок всегда имеются экземпляры, отставшие в росте и потерявшие декоративность. В таких группах необходимо удалить лишние деревья, но сделать это трудно, так как по периферии растут крупные экземпляры, которые необходимо сохранить и не повредить при рубках. Нередко группы деформировались, из-за того, что вовремя не производились посадки деревьев на месте выпавших. Сейчас качественно восстановить такие группы сложно, из-за больших размеров сохранившихся деревьев.

Для многих пейзажных парков характерны букетные посадки, которые очень уязвимы и страдают большей частью от ветровала. Реконструкции букетные посадки не подлежат, а воссоздание их крайне трудоемко. Также трудно повторить посадки трех срашиваемых вместе деревьев, которые применялись в московском парке «Покровское-Стрешнево» [14].

В большинстве парков долгие годы не убирался появляющийся подрост. Известно, что в усадьбах в прошлом веке нанимали детей, которые выдергивали молодой самосев с корнем. В настоящее время в старинных парках большая часть полян, а иногда и газонов заросла подростом. Полностью изменилась структура парковых насаждений. Образовались многоярусные, сомкнутые древостоя, которые по составу пород и структуре не похожи на то, что создавалось первоначально. В сомкнутых насаждениях обычно выпадают отстающие в росте деревья, такие как, например сосна сибирская кедровая и тuya западная. В тени плохо растут, либо погибают большинство посаженных интродуцированных кустарников. Изменяется также и первоначальный напочвенный покров.

В заросших парках работы по реконструкции должны проводится в несколько этапов, с тем чтобы не вызвать распад старых насаждений. Один из классиков лесоводства М.Е. Ткаченко [15] предупреждал, что ветровалу особенно подвержены старые деревья, выросшие в густом насаждении, которое подверглось сильному разреживанию. В подмосковном Шахматове единственное мемориальное дерево – тополь белый сломался при сильном ветре. Старый тополь рос на самом высоком месте усадьбы, в кроне его было много крупных сухих ветвей. При реставрации парка была произведена вырубка всех окружающих его молодых деревьев. Это вырубка, а также не проведенное, несмотря на нашу рекомендацию, удаление сухих ветвей в кроне, послужили основными причинами гибели этого дерева.

Во многих случаях предварительно необходимо принять решение, о том какого облика парк будет восстанавливаться и как при этом сохранить большую часть имеющихся старых посадок. При реставрации в первую очередь должны убираться усыхающие, отставшие в росте и сильно наклоненные деревья, а также неблагонадежный подрост. Затем постепенно восстанавливаются поляны и опушки. Причем опушки, вокруг групп деревьев, на первом этапе могут формировать-

ся из существующего подроста, например клена. Благона-дежный подрост и деревья из II яруса, находящиеся в хоро-шем состоянии можно использовать при формировании дре-весных групп. После восстановления полян, опушки древес-ных групп можно создать вновь из кустарников старого уса-дебного ассортимента [16].

При всех работах, проводимых в парках, необходимо учитывать, каких размеров могут достигать деревья разных пород, в том числе размеры и форма крон, изменяющихся с возрастом. При создании усадебных парков, к сожалению, архитекторы и даже садовники, не всегда знали, каких па-раметров может достигнуть по мере роста та или иная поро-да деревьев и кустарников. В настоящее время накоплены сведения о высоте, диаметре ствола и размерах крон большинства древесных пород, произрастающих в парках [17, 18]. Но как будет расти то или иное дерево в конкретных условиях предсказать трудно.

Обычно деревья резко изменяют свой облик при выращи-вании на открытом месте, по сравнению с густыми насажде-ниями. Как правило, на открытом месте деревья имеют больший диаметр ствола, но меньшую высоту, а крона уве-личивается как по диаметру, так и по протяженности по стволу. Особенно сильно изменяется дуб, несколько меньше липа, вяз и ясень и еще меньше пихта сибирская, ель обык-новенная и сосна обыкновенная. Что касается берез, то обычно не учитываются не только различные требования к экологии двух видов растущих в парках берез, но и совсем забывают о различиях в их внешнем облике. У березы по-вислой или бородавчатой побеги последних лет тонкие, пла-кучие. Именно такие березы хороши для аллей. Береза пу-щистая имеет более компактную крону, молодые побеги бо-лее плотные, не свисающие к низу, кора у этого вида бере-зы, особенно с возрастом, становится темной, почти черной. Возрастные изменения происходят и с кустарниками. При создании парков не всегда учитывалась различная скорость

роста и разная долговечность пород, что также привело к изменению структуры и внешнего облика насаждений.

В густых парковых насаждениях в настоящее время перед взором посетителя предстоит масса темных стволов с небольшими высоко расположенными кронами. Такие насаждения мало декоративны. Гораздо лучше выглядят несколько разреженные группы, а также отдельно стоящие деревья. Густые насаждения можно разреживать постепенно, учитывая состояние и внешний вид каждого оставляемого дерева.

В старых заброшенных парках, при реставрационных работах подрост всех древесных пород обычно удаляется, хотя из благонадежного подроста можно формировать новые группы пейзажного парка, для замещения распадающихся групп старых деревьев. Это позволит сохранить декоративный облик парка и продлить его существование. При этом общая планировка и структура старинного парка не изменится.

Сплошная вырубка подроста и подлеска делает парк полностью просматриваемым, что нарушает главный принцип пейзажного стиля – его естественность. В пейзажных парках группы и куртины деревьев обычно были замкнутыми, так как были окружены опушками из кустарников. Дорожки, вьющиеся между такими группами, не просматривались на всем своем протяжении. Это создавало интимную обстановку в парке и позволяло человеку уединиться. Подсадка кустарников, в такой равномерно прочищенный парк, обычно заканчивается неудачей. Сирень обыкновенная, посаженная в Тригорском (Пушкинский заповедник), скорее всего никогда не будет цвести и сохранится в виде отдельных тонких побегов. Ирга ольхолистная будет иметь тонкие стволики с небольшими кронами, а цветение ее будет единичным.

В реставрируемых парках Пушкинского заповедника многое ярусное, сложное насаждение, образовавшееся в результате отсутствия должного ухода, было равномерно прочищено. Практически нет закрытых пространств и кроме единичных, больших полян, отсутствуют небольшие прогалины, так украшаю-

щие среднерусский пейзаж. А в Тригорском, по берегу реки, насаждение также равномерно разрежено и не раскрыты видовые точки, которыми так славятся старинные усадьбы.

В большинстве как регулярных, так и пейзажных парков основной породой, применяемой при реставрации, стала липа мелколистная. При создании усадебных парков кроме липы, как известно из документов, высаживалось много клена, бересклета, дуба, а из хвойных – ель, сосна и можжевельник. Так как липа оказалась наиболее устойчивой и долговечной породой, то она лучше всего сохранилась в старинных парках и ее охотно вновь сажают, часто забывая о других породах.

Кустарники, некогда посаженные в усадебных парках, вели себя по-разному, в зависимости от биологических особенностей той или иной породы и условий их произрастания. В загущенных насаждениях часть кустарников выпала из-за затенения, другие – значительно изменили свой облик. Большинство кустарников хорошо растут и цветут только на опушках и открытых местах. Некоторые из них в старых парках не только хорошо сохранились, но и значительно разрослись, например рябинник рябинолистный. При реставрации приходится уничтожать кустарники на тех площадях, где они не были посажены. Восстановление кустарников в густой тени практически бесполезно. Их можно высаживать лишь в условиях пригодных для их роста, например на опушках древесных групп и на открытых пространствах.

Уход за старыми экземплярами кустарников необходимо осуществлять такими же методами, которые обычно рекомендуют садоводы в подобных случаях. То есть постепенно выпишиваются отдельные самые старые усыхающие стволики, а из молодой поросли оставляются наиболее сильные побеги. Старые кусты следует омолаживать постепенно, а не сразу, как это нередко делается в настоящее время. После обрубки целиком старых кустов, они нередко погибают или долгое время имеют мало декоративный вид и долго не цветут.

Наибольшие изменения претерпел напочвенный покров. О том, как формировался покров старинных пейзажных парков известно очень мало [19, 20]. Вполне вероятно, что при использовании естественных насаждений, в значительной степени сохранялись лесные травы, произрастающие там. После разбивки парка на открытом пространстве, как это делается и в настоящее время, между деревьями могли высеваться луговые злаки. При смыкании крон деревьев, они постепенно сменялись теневыносливыми растениями, в первую очередь из местной флоры. Во многих парках сохранились теневыносливые интродуценты или культивары, что говорит о том, что теневой покров усадебных парков, по крайней мере, части усадеб, создавался [21]. Барвинок малый, фиалка душистая и лилия саранка в некоторых усадьбах, возможно, попали под полог насаждений из теплиц или клумб, но их широкое распространение, как в московских, так и петербургских парках, свидетельствует о том, что их там специально выращивали. Такие растения как мятушка Шэ и ожика беловатая, безусловно, использовались для образования зеленого фона под кронами древесных насаждений.

Перед реставрационными работами необходимо проводить полное обследование не только древесной растительности, но и напочвенного покрова. На карту следует нанести места произрастания редких и ценных растений и участки с деградированным напочвенным покровом. В настоящее время это, как правило, не делается. В существующих инструкциях [22] травяной покров лишь упоминается, в связи со степенью его рекреационной нарушенности. Ничего не сказано об одичавших интродуцентах и эфемероидах, так украшающих парки рано весной.

При реставрационных работах в старых усадебных парках существующий напочвенный покров обычно удаляется вместе с верхним слоем почвы, насыпается питательный грунт (содержащий, как правило, семена сорняков) и затем высеваются луговые злаки. На теневых участках среди мо-

лодого злакового покрова уже на следующее лето начинают появляться сорняки и через 2-3 года трудно даже установить, какие семена высыпались. Затем начинается процесс постепенного восстановления покрова, похожего на тот, что был до реставрации. Лесные травы удалять из теневых участков парков бесполезно. Такой вид как сныть отлично размножается вегетативным путем и, как показал опыт, она хорошо переносит как многолетнее скашивание так и прополку. Так, например, скашивание травяного покрова, как на свету, так и в тени в течение 5 лет (5-6 раз за сезон) не привело к уменьшению количества сныти и одуванчиков.

Мало нарушенный покров из лесных видов обычно достаточно декоративен, тем более что он нередко украшен многими красиво цветущими растениями [20]. Неплох покров с обилием копытня, живучки ползучей, зеленчука желтого, будры плющевидной. Можно выращивать и теневыносливый лесной злак – мятыник лесной. Особое внимание следует обратить на сохранение в парках эфемероидов, которые рано весной появляются на поверхности почвы и украшают своими цветами и свежей зеленью безлистный, почти бесцветный парк [23]. Особой охране в старинных парках подлежат интродуценты. Под пологом насаждений неплохо растут барвинок малый, фиалка душистая, мятыник Шэ и некоторые другие [19].

Реставрацию газонов обычно проводят такими же методами, что и восстановление покрова под пологом насаждений. В результате и здесь также появляются сорняки, в первую очередь – одуванчик, весной во многих парках можно наблюдать сплошной его желтый аспект. На реставрированных газонах в Кусково и Архангельском только через 10 лет прополки и подсева трав, газоны достигли удовлетворительного качества, большей частью за счет внедрения местных устойчивых видов, таких как овсяница красная и мятыник луговой.

К настоящему времени опубликовано много работ по методам создания и содержания газонов различного назначения

[24-35]. Основной вывод такой, что для создания долговременного газонного покрытия хорошего качества необходимо должным образом подготовить участок, высевать лучше всего смесь луговых злаков (чаще всего овсяницы красную и луговую, полевицу белую и тонкую, мяты луговой, и райграс пастбищный) и в дальнейшем осуществлять должный уход. Райграс пастбищный и овсяница луговая, обычно высеваемые на газонах в настоящее время, как показали многолетние наблюдения упомянутых выше исследователей, из-за особенностей их биологии, долговременных устойчивых покрытий не могут образовывать. Через 2-3 года после их посева такой газон начинает распадаться. Стариные газоны удовлетворительного состояния, тем более с участием растений интродуцентов, нельзя уничтожать, а следует ремонтировать [29]. Состав травосмесей, процентное соотношение в них различных видов растений определяются почвенными и климатическими условиями участка. Создание устойчивого покрова из луговых злаков под густым пологом насаждений невозможно, так как за 2-3 года луговые злаки отмирают и, как правило, заменяются сначала теневыносливыми сорняками, а затем лесными видами трав. К сожалению, злаки, доминирующие на знаменитых английских газонах в нашем климате плохо растут [25]. Практически забыты злаки старого паркового ассортимента, такие как райграс высокий и трехщетинник желтеющий, сохранившиеся в целом ряде старых парков окрестностей Москвы и Санкт-Петербурга [36]. В тени деревьев из злаков хорошо растут только мяты лесной и инродуцированный мяты Шэ, а также близкий к ним по внешнему виду интродуцент – ожика беловатая [20, 36].

К сожалению, в реставрируемых усадьбах Заповедника на большинстве газонов посеян райграс пастбищный, лишь в Тригорском обнаружена примесь других видов злаков. Луговые злаки посажены и под пологом насаждений. В тени елей они уже в настоящее время почти все выпали. Во времена А.С. Пушкина в усадьбах траву не стригли, а скашивали ее

на сено. Поэтому современные, стриженые газоны около скромных домов в заповедных усадьбах явно неуместны. Здесь больше подошли бы красочные луговые газоны. Обычно в парках не восстанавливаются красочные луговые газоны. Очень редко на полянах создаются группы из многолетних красиво цветущих травянистых растений [21].

Сложным является вопрос о режиме скашивания в старых парках. Парадные газоны регулярно стригутся по мере отрастания травы, что обеспечивает ровную и зеленую поверхность газона. В древесных группах покров из типичных лесных растений, местами с примесью или обилием интродуцентов, обычно не скашивается. Сорняки, как на свету, так и в тени подлежат уничтожению. Но, к сожалению, многие из сорных растений невозможно уничтожить даже многолетним скашиванием. Луговые газоны ксят после от цветания большинства красиво цветущих растений. Режим скашивания каждого участка старинного парка разрабатывается с учетом биологических особенностей слагающих его видов и погодных условий текущего сезона.

Состав как древесных, так и травянистых растений в старых парках за долгие годы значительно обеднел. По разным причинам выпало много видов. При реставрации обычно полностью не используется даже тот набор растений, который неплохо сохранился в усадебных парках до наших дней. При реставрации желательно как можно полнее использовать весь тот набор растений, что первоначально высадивался в парке с учетом их возможности произрастать в наших условиях. В самых старых парках (старше 200 лет) необходимо избегать посадки тех видов растений, которые появились в России лишь во второй половине XIX в.

Посадка дальневосточных видов шиповника морщинистого, спиреи японской и барбариса амурского, в Михайловском вызывает недоумение, потому что они в средней полосе России появились около 100 лет тому назад, и при А.С.Пушкине их не могло быть.

В старинных парках – памятниках садово-паркового искусства необходимо ввести более строгий режим использования территории. Прежде всего, должны быть запрещены прогулки вне проложенных дорожек. Наиболее сильно почвенный покров страдает от вытаптывания в тени деревьев, что можно увидеть, например, в парке Царицыно. Нельзя устраивать на парадных газонах праздники и спортивные игры. Рекреационные нагрузки не только *уничтожают* почвенный покров, но и *ухудшают* состояние деревьев и сокращают срок их жизни. Сбор декоративных растений на букеты заметно уменьшил количество красивоцветущих растений в парках. Так что сохранение старинных парков во многом зависит от поведения посещающих их людей.

При реставрации старинных парков обычно делают так называемую вертикальную планировку участка, при которой снимается верхний слой почвы, а уровень грунта доводится до тех отметок, которые существовали в момент создания усадьбы, то есть 100-200 лет тому назад. Таким образом, сохранившиеся постройки вновь оказываются на тех высотах, на которых они первоначально создавались. Но если на этих участках росли древесные растения, то они, по мере нарастания почвы, оказались на гораздо большей высоте, по сравнению с первоначальной. Вокруг них обычно снимают "лишний" слой. При этом совершенно не учитываются, что у многих пород значительная, а у таких пород как ель обыкновенная почва вся корневая система и особенно корневые волоски, всасывающие влагу с растворенными в ней питательными веществами, располагаются в верхнем 20-30 сантиметровом слое почвы. Что станет со старыми деревьями, у которых срезали большую часть всасывающей и значительную часть проводящей, корневой системы, мы видели в подмосковной усадьбе Марфино. В первую же осень листва на липах пожелтела на две недели раньше, чем на нетронутых участках насаждения. В подмосковной усадьбе Горки старые больные липы, после сдирания слоя почвы вокруг

них, образовали прикомлевую поросль, свидетельствующую о значительном ослаблении старых лип.

Неудовлетворительное состояние сирени обыкновенной и старой лиственницы европейской около усадебного дома в Михайловском (Пушкинский заповедник) скорее всего, связано как со снятием «лишнего» грунта, так и с большими рекреационными нагрузками.

Часть усадеб создавалась в заболоченных местностях. Хорошо известно, что в Кускове и Останкине, перед разбивкой парка были проведены значительные дренажные работы. К настоящему времени старая дренажная система уже не справляется с работой и, местами, грунтовые воды стоят близко от поверхности почвы, а в некоторых усадьбах, особенно весной, часть территории залита водой. В таких условиях корневая система всех древесных растений располагается в самых верхних горизонтах почвы, в которых нет избытка воды. При длительном пребывании корневых окончаний в воде у большинства пород они отмирают. При резком осушении почвы также может наблюдаться ухудшение состояния или даже гибель деревьев, особенно старых [16].

При создании усадебных парков участки в той или иной степени выравнивались. Как правило, вносились много органических удобрений, как в посадочную яму, так и верхний горизонт почвы, это также способствовало тому, что большая часть сосущих корней располагалась в верхнем горизонте почвы. Такая истина знакома любому грамотному садоводу. В любом пособии по садоводству не рекомендуется снимать верхний слой почвы и даже не перекапывать его, особенно на участках расположенных по краю кроны дерева. А у некоторых деревьев, особенно у ели, корни простираются далеко за пределы кроны.

В Пушкинском заповеднике на стадии предпроектного обследования не были выявлены ни сохранившиеся интродукенты, ни редкие травянистые растения местной флоры. Во время кратковременного посещения Михайловского около

еловой аллеи было обнаружено редкое растение паркового ассортимента – кольник колосистый, изредка встречающийся под Санкт Петербургом и Москвой [20, 36]. В усадьбах Алтун и Крулихино обнаружено редкое растение из семейства орхидных – кукушкин цвет балтийский, практически все орхидные являются охраняемыми видами в различных областях России. Из травянистых интродуцентов в некоторых усадьбах Заповедника сохранились такие обычные виды, как водосбор обыкновенный (Ладино, Петровское, Воскресенское), маргаритка многолетняя, гвоздика бородатая и горец остроконечный. Печеночница благородная, отмеченная в усадьбах Михайловское и Ладино, возможно, также была когда-то там посажена. Из древесных интродуцентов старой посадки можно отметить лиственницу европейскую, сосну кедровую сибирскую (Алтун), сирень обыкновенную, рябинник рябинолистный, карагану древовидную, иргу ольхолистную, терн, жестер, тополь сереющий, чубушник венечный. Одной из самых богатых по составу интродуцированных растений является усадьба Алтун.

В Заповеднике проведена огромная работа по расчистке парков от вываленных, сломанных, засохших деревьев и прочего хлама. Очищены пруды, восстановлены дорожки. Но предстоит сделать еще многое. Разреженные ландшафтные парки необходимо преобразовать в подлинно пейзажные, то есть создать группы деревьев и кустарников, перемежающиеся полянами. Стриженые газоны должны быть превращены в луговые, а светолюбивые травы в тени деревьев необходимо заменить теневыносливыми видами. Берега прудов желательно украсить как посадкой околоводных растений (ирисы водяной и сибирский, аир), так и черемухи, характерной для русского пейзажа. Кустарники старой посадки, соответствующим уходом, можно привести в должный вид.

При реставрации и уходе за старинными парками нельзя применять одинаковые подходы и методы в совершенно раз-

ных усадьбах таких, например, как богатейшее имение Архангельское (князей Юсуповых), Михайловское – усадьба обедневших Пушкиных или загородное имение, по существу дача, профессора Бекетова.

При работе в старых и, особенно мемориальных парках необходимо соблюдать основной принцип реставрации «не навреди». Парк – это живая система, которая требует особо бережного отношения. А в усадьбах, где из подлинного имеется лишь старый парк, каждое растение, сохранившееся со временем его создания имеет особую мемориальную ценность, а их повреждение или уничтожение по любой причине, можно рассматривать как нанесение ущерба памятнику истории и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шереметев С. Останкино. – СПб., 1897. – 26 с.
2. Шереметев С.Д. Кусково. – М., 1898. – 11 с.
3. Врангель Н. Помещичья Россия // Старые годы. – 1910. – №7-9. – С.5-79.
4. Детинов С. Гибнущее Царицыно // Старые годы. – 1910. – №11. – С.40-41.
5. Епанчин К.П. Ландшафтный сад. – М., 1891. – 141 с.
6. Князькова С.А. Быт дворянской Москвы конца XVIII-го и начала XIX веков // Москва в ее прошлом и настоящем. Выпуск 8. – 1911. – С. 21-64.
7. Курбатов В.К. Сады и парки. – Петроград: Вольф, 1916. – 752 с.
8. Забелин И.Е. Московские сады в XVII столетии. Т. II. – 1856. – 30 с.
9. Грабарь И. Останкино. Подмосковная графа П.Д. Шереметева // Старые годы. – 1910. – №5-6. – С.5-37.
10. Дубяго Т.Б. Русские регулярные сады и парки. – Л.: Госстройиздат, 1963. – 341 с.
11. Ерохина В.И., Макеева Л.А. Реставрация и сохранение памятников садово-паркового искусства. (Озеленение населенных мест; Вып. 3 (39)). – М., 1983. – 35 с.

12. Ильинская Н.А. Восстановление исторических объектов ландшафтной архитектуры. – СПб: Стройиздат, 1993. – 159 с.
13. Курдюк М.Г. Состояние и вопросы восстановления старинных парков // Сохранение и восстановление старинных парков. – Киев: Наукова думка, 1982. – С.20-47.
14. Боговая И.О. Реставрация парковых объектов. – Л., 1983. – С.19.
15. Полякова Г.А., Швецов А.Н. Сохранение и восстановление напочвенного покрова усадебных парков // Сохранение и восстановление природно-культурных комплексов Подмосковья. – М.: Улесс, 1995. – С.186-190.
16. Ткаченко М.Е. Общее лесоводство. – М.-Л.: Гослесбумиздат, 1952. – 600 с.
17. Волков Ф.А., Разумовский Ю.В. Исследование возрастной динамики деревьев в парковых насаждениях г. Москвы // Науч. труды МЛТИ. – Вып. 246. – 1991. – С.93-99.
18. Разумовский Ю.В., Фурсова Л.М. К вопросу о возрастных изменениях объемно-пространственной структуры парковых территорий // Научн. труды МЛТИ. – Вып. 246. – 1991. – С.84-93.
19. Полякова Г.А. Флора и растительность старых парков Подмосковья. – М.: Наука, 1992. – 255 с.
20. Полякова Г.А., Ротов Р.А., Швецов А.Н., Каплан Б.М. Напочвенный покров старых усадебных парков, проблемы его охраны и реставрации // Бюллетень ГБС. – Вып. 171. – 1995. – С.89-94.
21. Полякова Г.А., Ротов Р.А., Швецов А.Н. Современное состояние газонов старинных усадебных парков окрестностей Москвы и Санкт-Петербурга // Бюллетень ГБС. – Вып. 168. – 1993. – С.136-139.
22. Методические указания по выявлению и обследованию парков и природных ландшафтов (комплексов) на территориях памятников истории и культуры. – М., 1989. – С.35-85.
23. Полякова Г.А., Ротов Р.А., Швецов А.Н. Ранневесенние растения усадебных парков Москвы и Подмосковья // Бюллетень ГБС. – Вып. 175. – 1997. – С.63-66.

24. Гомилевский В. Как устраивать газоны в цветниках, садах и парках. – СПб.: Сойкин, 1912. – 32 с.
25. Брокгауз Д. Устройство газонов в Англии для декоративных и спортивных целей. – М.: Власть Советов, 1937. – 64 с.
26. Кланг И.И. Газоны, их устройство и содержание. – М.-Л., 1950. – 48 с.
27. Головач А.Г. Газоны, их устройство и содержание. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1955. – 337 с.
28. Доусон Р.Б. Создание и содержание газонов. – М., 1957. – 220 с.
29. Сигалов Б.Я. Долголетние газоны. – М.: Наука, 1971. – 307 с.
30. Saar M. Исследование газонов Эстонской ССР // Интродукция растений в ботанических садах Прибалтики. Рига, «Зиннатне», 1974. – С. 24-50.
31. Газоны. Научные основы интродукции и использования газонных и почвопокровных растений. – М.: Наука, 1977. – 244 с.
32. Лаптев А.А. Газоны. – Киев: Наукова думка, 1983. – 176 с.
33. Мыцык Л.П. О межвидовых взаимоотношениях газонных злаков // Бюллетень ГБС. – Вып. 134. – 1984. – С.71-76.
34. Бойко Г.А. О долголетии газонов в связи с динамикой состава фитоценозов и структурой ценопопуляций многолетних злаков // Декоративные травянистые растения для населенных пунктов Подмосковья. – М., 1990. – С.27-34.
35. Зуева Г.А. О взаимодействии видов в газонных травостоях // Бюллетень ГБС. – Вып. 178. – 1999. – С.100-105.
36. Полякова Г.А. Сравнение флоры старинных парков двух столиц и их окрестностей // Русская усадьба. – Вып. 5(21). – М.: «Жираф», 1999. – С.80-84.

Э.Л. БАЗАРОВА

Исторические ландшафты Пушкиногорья

Образы Псковской земли производят неизгладимое впечатление даже на неискушенного путешественника. В ее облике запечатлены следы длительной и насыщенной событиями истории освоения культурного пространства западных пределов Руси.

Пушкиногорье – некогда типичный уголок провинциальной дворянской России, обрел черты уникальности благодаря имени Александра Сергеевича Пушкина. Он остро и многопланово воспринимал ценности псковских пределов, связанные с этой земли со многими страницами отечественной истории. Псковщина вызывала у поэта целую гаму ^ж семейных ассоциаций, связанных со многими представителями его рода.

Приобщение к корням национальной культуры позволило поэту ощутить свою творческую зрелость и испытать драгоценные мгновения вдохновения. А.С.Пушкин, словно былинный богатырь, соприкоснувшись с «матерью-землей», обрел здесь силу и мощь культурного героя. Как и полагается культурному герою, он преобразовал культурное пространство вокруг себя. Социальное окружение было поляризовано на достойное его внимания и игнорируемое (соответственное – вошедшее в историю или затерявшееся в ней), культурный ландшафт – на места, удостоенные его посещения и отраженные в творчестве или оставшиеся вне интересов ПОЭТА.

Присутствие А.С. Пушкина в культурной среде способствовало еще прижизненной музеефикации свидетельств общения с гением благодаря коллекционированию его автографов, вещей, имевших отношение к поэту, семейных преданий об эпизодах общения с ним. Мемориальными признава-

лись уголки, связанные не только с самим поэтом, но и с персонажами, как реальными, удостоившимися его внимания (аллея Керн), так и к вымышленным – героям его произведений (скамья Онегина, дом Лариних, приют дриад).

Мифотворчество, инициированное поэтом, закрепилось в этих краях как некий благотворный вирус. Его активность назревала постепенно и развивалась неровно.

Подлинный домик, в котором жил А.С.Пушкин во время пребывания в Михайловском, сын поэта сменил за ветхостью другим. Но в соответствии с принципами мемориализации своего времени Г.А.Пушкин высадил в столетнюю годовщину со дня рождения своего отца перенесенный из Петровского вяз и окружил его 26-ю липами, запечатлев таким образом в символической форме дату рождения великого поэта.

В начале XX столетия лучшим способом признания значимости национального гения считалось создание в его усадьбе приюта для литераторов. Революционный вихрь словно отнял у нации разум, подстрекая к уничтожению без всякого разбора свидетельств традиционной культуры. В 1920-е годы имя Пушкина понадобилось для предания черт культурности новому социальному устройству. Были заложены основы государственной музеефикации трех усадеб, связанных с именем поэта.

В столетнюю годовщину смерти А.С.Пушкина Пушкиногорье явилось одним из признанных мест почитания памяти поэта. Оно стало обретать черты центра, фокусирующего культурное пространство страны, которое начало наполняться мемориями – памятными досками, памятниками, наименованиями улиц, площадей, скверов. В годы второй мировой войны Пушкиногорье оказалось в центре противостояния двух культур.

Среди сильно пострадавшего культурного ландшафта Пушкиногорья чудом уцелели могила и памятник А.С. Пушкина. После войны свидетельства вандализма, связанные с Псковской землей, наряду с другими сведениями о разрушен-

ных памятниках – национальных святынях, служили обвинительным документом на Нюрнбергском процессе. В послевоенное время, когда культурное пространство страны продолжало насыщаться символами памяти о великом русском поэте, за Пушкиногорьем по-прежнему сохраняется статус одной из главных пушкинских святынь. Его просторы превращаются в огромный зал для проведения Пушкинских праздников, которые на несколько дней ежегодно магнетически привлекают тысячи людей. Эта форма мемориализации обретает постепенно статус культурного образца, воспроизведимого в других мемориальных усадьбах. На протяжении XX столетия Пушкиногорье превратилось в лидирующий по популярности туристический центр, притягивающий не только соотечественников, но и зарубежных туристов. В историю этого края вписываются посещения мемориальных усадеб потомками великого поэта. Достойное место занимает история сохранения памятников Пушкиногорья и лиц, с нейю связанных.

Процесс музеефикации трех мемориальных усадеб сопровождался динамикой понимания структуры историко-культурной значимости места. Расширилось представление о границах мемориального ядра, а также о необходимости охвата специальным, обеспечивающим сохранность историко-культурных ценностей, режимов использования всего обширного пространства Пушкиногорья.

Был осознан как один из видов ценности культурный ландшафт, объединяющий в единую систему мемориальные усадьбы и соседние комплексы, что обеспечивает более целостное представление об образе культурного ландшафта пушкинского времени.

Освоение обширной территории потребовало большого объема историко-культурных исследований, выработки развернутой комплексной программы сохранения историко-культурных ценностей и дальнейшего наращивания культурного потенциала места, обретшего в сознании нации черты уникальности.

Проводимое в связи о 200-летием со дня рождения А.С.Пушкина восстановление исторического ландшафта в Михайловском, Петровском и Тригорском является заслуживающим внимания и поддержки экспериментом по широкомасштабному возрождению историко-культурной среды Пушкиногорья. Усадебные парки, «пораженные в правах» наравне со своими владельцами-дворянами, подобно сюжету о спящей красавице, скрыли от непросвещенного взора свою утонченную образную сущность. Многие десятилетия природа затягивала покрывалом густых порослей композиционные изыски усадебных парков, дожидаясь прихода героя, обладающего заветным знанием. Расчистки самосева, выявление системы водоемов, исследование археологическими методами очертаний форм микрорельефа и дорожно-тропиночной сети, осуществленные на основе тщательного изучения архивных материалов и натурных обследований, явили специалистам нюансы замысла устроителей парковых ансамблей. И это относится не только к трем мемориальным усадьбам, но и к другим усадьбам Пушкиногорья, в которых разворачиваются аналогичные работы.

Новые сведения обогащают наше представление об усадебной культуре, приемах отечественной ландшафтной архитектуры, достижениях садово-паркового искусства, помогают актуализации историко-культурной среды Пушкиногорья. Появление скрытого в течение десятилетий образа исторического ландшафта Пушкиногорья – несомненная заслуга сотрудников музея и специалистов, осуществлявших работы по восстановлению исторических ландшафтов Пушкинского заповедника. Перед ними стояла дилемма – оставить усадебные комплексы в виде своего рода «руин» или предпринять смелый шаг по «исторической реконструкции» усадебного ландшафта. В первом случае осознание ценности и значимости с существенной доли исторически ценного ландшафта оказалось бы доступным лишь узкому кругу специалистов, способных на основании исследовательских материалов мыс-

ленно представить с достаточной полнотой облик исторического ландшафта в целом и его отдельных элементов и деталей. Реализация проекта «исторической реконструкции» усадебных ландшафтов привела к тому, что для многих по-клонников Пушкиногорья, неоднократно посещавших эти места, открылся ныне совершенно новый облик усадеб. В ходе такого рода работ, конечно, возрастает ответственность за осуществление замыслов авторов проекта в натуре.

Особую значимость обретают такие важные для сферы отражения культурного наследия критерии, как «достоверность» и «подлинность». Исправление деформаций культурного ландшафта требует достаточно решительного вмешательства в сложившуюся к настоящему времени систему параметров. Соответствие окончательного облика воссоздаваемого культурного ландшафта упомянутым выше критериям во многом зависит от уровня квалификации и опыта участников реконструктивных работ, от степени понимания ответственности за принимаемые решения. Столь ответственное дело требует своевременной дискуссии в профессиональной среде, для уточнения как общей направленности работ, так и содержания отдельных ее разделов. Необходимо также понимание значимости проведения подобного рода работ со стороны представителей органов управления, от которых зависит организация финансирования мероприятий по реконструкции культурного ландшафта Пушкиногорья. Остается незадействованным потенциал общественности, способной принять участие в решении проблем сохранения памятников истории и культуры Пушкиногорья.

Проводимые здесь широкомасштабные восстановительные работы служат популяризации практики возвращения культурной среде утраченного за последние десятилетия качества художественности, являющегося важным ресурсом самосохранения нации. Новый облик казалось бы хорошо известных усадеб наводит на мысль (полностью подтверждающуюся предварительными исследованиями в системе усадебных

комплексов Пушкиногорья) об ожидающем нас открытии многообразия историко-культурной среды этого края, которая способна повысить его современный культурный потенциал. Недооценка возможностей использования этого потенциала в организации современной жизни оборачивается все новыми утратами в сохраняющемся культурном наследии края. Наступает естественное старение усадебных сооружений, наносится и умышленный ущерб (разборка построек, застройка композиционно важных элементов бывших усадеб случайными сооружениями и т.д.). Отличительной чертой дворянской культуры было умение облагородить среду обитания, придать ей черты культурности. Современного владельца земли, оказывающегося по недосмотру местной администрации в пределах зон охраны памятников Пушкинского музея-заповедника, ориентирована иначе – на игнорирование историко-культурных ценностей места, потребительское отношение к эстетическим качествам сформированного иными владельцами ландшафта. В этой связи можно еще раз подчеркнуть огромную просветительскую и воспитательную значимость предпринятых в мемориальных усадьбах восстановительных работ.

Е.Н. ЧЕРНЯВСКАЯ

Ландшафт Пушкиногорья как мемориал А.С.Пушкину

Как известно, в советское время многие дворянские усадьбы удалось спасти от исчезновения благодаря преклонению перед литераторами, которые когда-то в них жили. Чем крупнее писатель, тем больше уголков старой России сохраняли его именем, тем значительнее создавали мемориальную экспозицию на базе его родового гнезда. И в том и в другом нет равных Пушкину. Дворянские усадьбы в Тверской, Московской, Калужской, Нижегородской областях живут именем Александра Сергеевича. Для сохранения памяти о нем в Псковской области создан огромный заповедник, объединяющий большой куст усадеб XVIII – XIX вв.

В конце XX в. в связи с юбилеем поэта произошло очень значительное в истории Заповедника событие – проведено восстановление ландшафтов Михайловского и Тригорского, развернуты работы по реставрации Петровского, начаты подготовительные работы по возрождению Воскресенского. Такой размах реставрационных ландшафтных работ наблюдается в Заповеднике впервые. В результате их проведения в усадьбах появились участки парковых ландшафтов, совершенно незнакомые нашим современникам. Изменение привычной глазу ситуации вызвало большой разброс мнений как в среде специалистов, так и заслуженных Пушкиногорья. Крупные восстановительные работы всегда сопровождаются полемикой, что отражает сложность и неоднозначность самого явления – реставрации (от лат. *restauratio* – восстановление) и в особенности реставрации ландшафтов – «живых» быстро меняющихся памятников культуры. Ниже попытаемся разобраться в основных

подходах к восстановлению мемориальных исторических ландшафтов и предложить свой взгляд на эту проблему.

Крайнюю точку зрения на реставрацию исторических парков высказал академик Д.С.Лихачев еще двадцать лет назад, когда бурно обсуждалась правомерность уничтожения старых деревьев в дворцовых парках под Петербургом [1, 2]. Он отрицал реставрацию, цель которой – воссоздание первоначального облика ландшафта. Первоначальный облик ландшафта, по его мнению, должен быть представлен в музейной экспозиции, в натуре же восстановить его невозможно, поэтому надо поддерживать то, что сохранилось – лечить старые деревья до их естественного умирания. «Вместо реставрации следует предпочитать в наших садах консервацию...», – говорит академик [2, С.340], солидаризируясь с установкой Венецианской хартии на приоритет консервационного подхода по отношению к памятникам архитектуры. Отдавая должное этой точке зрения, заметим, что большинство наших усадебных парков без ухода настолько одичали, что утратили не только художественные качества, но признаки рукотворности, не говоря уже о каких-либо художественных достоинствах. В то же время, для «погружения в эпоху» облик усадебно-паркового ландшафта ни чуть не менее важен, чем облик исторических архитектурных сооружений, воссоздание которых при музейном использовании является обычной практикой.

Восстановление парков мемориальных усадеб – сравнительно новое явление реставрационной практики. Если архитектурные сады царских дворцов начали восстанавливать сразу после войны, в 1940-е годы, то планомерная широкомасштабная деятельность по восстановлению и воссозданию*

* Термин «воссоздание» в соответствии с «Флорентийской хартией» применяют к реставрационным работам, которые введутся в тех случаях «когда исторический сад полностью исчез или когда существуют не более чем предположительные свидетельства об этапах его последовательного развития».

[3] утраченных форм исторических парков в российских мемориальных музеях-усадьбах началась силами объединения «Леспроект» лишь в 1970-е годы, когда их ландшафты очень сильно деградировали.

При восстановлении любых мемориальных объектов, в том числе садов, принято ориентироваться на мемориальный период [4]. Для Пушкиногорья это время пребывания здесь Пушкина. Однако облик периода мемориализации можно считать лишь общим ориентиром. Полное и достоверное воспроизведение прежнего облика дворянских усадеб и окружающих их ландшафтов, как верно отметил Дмитрий Сергеевич Лихачев, невозможно. Его ограничивает ряд объективных факторов:

- а) степень информированности об облике объекта периода мемориализации;
- б) наличие ценных наслоений и объектов более позднего времени;
- в) иное (сравнительно с прежним) использование территории (не помещичьи владения, а экскурсионный объект).

В связи с этим автору проекта реставрации мемориального ландшафта приходится решать массу вопросов, исходя из знания аналогов, интуиции и требований пользователя. При осуществлении такого рода проектов используются широкий спектр видов работ: реставрация, реконструкция, воссоздание, консервация, ремонт, а также новое строительство отдельных объектов, все эти виды работ отражены в Программе реставрационно-восстановительных работ в Пушкинском заповеднике на 1995-2011 гг. [5]. В результате появляется некая новая материальная реальность, в которой неизбежно отражается личность автора проекта восстановления и нового владельца – музея.

В практике реставрации архитектурных сооружений невозможность и нецелесообразность точного их восстановления в соответствии с определенной датой привели реставрационную мысль к идее о необходимости сохранения всех

ценных напластований, дошедших до наших дней. Однако выполнение этой установки по отношению к историческим паркам еще более проблематично, чем при восстановлении архитектурных сооружений, так как ценности этого вида памятников культуры более разноплановы. К ценностям материального ландшафта относятся: великовозрастные деревья и мемориальные сооружения, травяной покров и археологический слой, гнездовья птиц и образная характеристика парковых участков, красота окружающего парки естественного ландшафта и многое другое.

Осознание ценностей парковых ландшафтов, в частности Пушкинского заповедника, происходит в разно ориентированных социальных группах, среди которых: реставраторы, работники музея, представители органов охраны памятников, дендрологи, археологи, поэты, художники, архитекторы, пушкинисты и просто почитатели поэта. Каждая группа имеет свое представление о ценности, а в целом, дополняя друг друга, эти представления создают общую картину ландшафта как конгломерата ценностей, осознанных современным обществом. В процессе реставрации происходит трансформация материальной среды и изменение сложившегося ценностного баланса ландшафта. При этом все дошедшие до нашего времен ценности сохранить практически не удается. Невозможность их сохранения продемонстрируем теоретически на уровне самых общих ценностей.

Рассматривая ландшафт исторических парков с аксиологической точки зрения как памятник культуры в нем можно обнаружить историческую, научную и эстетическую ценности, кроме того, как природное образование он обладает специфическими ценностями, присущими памятникам природы. При установке на неприкосновенность элементов мемориального ландшафта усадеб (насаждений, сооружений, планировочной сети, водоемов, рельефа) сохраняется достоверность меморий (научная ценность) и торжествует природа. При этом все искусственные элементы ландшафта стре-

мятся обрести естественные черты и теряют художественные качества (эстетическую ценность). Установка на возвращение элементам ландшафта эстетических и исторических характеристик путем их замены на новые (реставрация) приводит к разрушению сложившихся природных образований, а также к утере объектами подлинности, составляющей основу научной ценности любого памятника культуры. Самая точная копия не сможет компенсировать подлинности объекта для таких наук как археология, история архитектуры, этнография, биологии и т.д. Кроме того, копия, повторяя форму подлинника, не несет энергетической связи с субъектом ради сохранения памяти о котором она создается. Информация о человеке, содержащаяся в подлинных объектах в виде отпечатков в энергетическом поле, предмет изучения науки будущего. Сохранение таких объектов создает потенциальные возможности для получения новой информации о прошлом. Какая ценность важнее? Расставим приоритеты.

Для мемориального заповедника самое главное – историческое событие (историческая ценность) – здесь жил, работал, похоронен Пушкин, следующее – наличие меморий, подлинных материальных остатков его времени (научная ценность), далее – красота места (эстетическая ценность), затем все остальные ценности. Факт пребывания Пушкина незыблем и неизменяем, именно этот факт создает магию места, притягивающего людей вне зависимости от наличия подлинных меморий и облика

Что касается материальных остатков ландшафта, сохранившихся со времен А.С.Пушкина, «помнящих поэта», то к таковым следует прежде всего отнести землю, по которой он ходил, в которой лежит и которая хранит в себе много неизвестного. На некоторых участках, в том числе в усадьбах, сохранилась планировочная структура, определяемая подлинными местами расположения ландшафтных объектов (изменивших облик сооружений, насаждений, водоемов, дорог). Из архитектурных сооружений Пушкиногорья мемо-

риален лишь монастырь, из «живых свидетелей» – отдельные сильно постаревшие деревья. С очень большой натяжкой можно считать подлинно пушкинскими некоторые виды и пейзажи, если рассматривать их в самом общем плане и пренебречь изменившимися деталями. Природный ландшафт по определению не стабилен, он состоит из постоянно изменяющихся элементов: насаждения растут и умирают, поле сменяется лесом, водоемы заболачиваются и высыхают. Однако без кардинального вмешательства человека неизбежно долгие сроки сохраняется общий характер местности, имеющей сейчас Пушкиногорье, который можно считать мемориальным. С пушкинских времен сохранился и самый устойчивый из природных элементов ландшафта – рельеф территории, благодаря которому так выразительны открывающиеся из усадеб виды.

Красота места, определяемая как эстетическая ценность для ландшафта в целом и художественная ценность для рукоизванных усадебных композиций, категория субъективная. Тем не менее общепризнанно, что показатель эстетической ценности ландшафта куста центральных усадеб заповедника очень высок. Более того, он будет возрастать по мере увеличения на нашей земле урбанизированных и требующих рекультивации территорий. Художественная ценность в отличие от эстетической имеет больший субъективный разброс, зависима от специальной подготовки оценивающего и его отношения к стилистике оцениваемого периода. Усадьбы Заповедника как художественные произведения были созданы в русле моды своего времени с использованием соответствующих художественных приемов и художественных образов, которые сегодня адекватно прочитываются немногими. Стилистическая четкость существующих парковых ландшафтов смазывается в результате сохранения (и воспроизведения) отличающихся по времени возникновения объектов и участков, а также сохранения мемориальных насаждений. Однако бесспорно, что художественная ценность ландшафта отдель-

ных усадеб заповедника заметно увеличилась в результате последних реставрационных работ, позволивших увеличить площади художественно осмысленных территорий и придать определенности нивелировавшимся формам.

Мемориальность территории и ее красота определяется обликом. Облик ландшафта является важнейшим психоэмоциональным фактором воздействия на зрителя и основным предметом реставрации. Как известно, облик ландшафта главных усадеб и всей территории современного заповедника со времен Пушкина постоянно менялся под действием природы, а также человеческой деятельности. Ниже рассмотрим тот срез человеческой деятельности, которая была направлена на мемориализацию ландшафта. Несколько поколений людей трудилось здесь для сохранения памятных пушкинских мест. Каждое поколение и каждая личность действовали сообразно своим представлениям и возможностям, подвергая модификации культурное пространство и оставляя свой мемориальный след. Так, сын поэта во второй половине XIX в. навел в Михайловском образцовый порядок и высадил перед домом символический круг из 26 лип, соответствующих дню рождения отца. К 100-летию А.С.Пушкина была открыта библиотека-читальня его имени в Святых Горах, чуть позже открыты музей и колония для престарелых литераторов в Михайловском. В 1920-е годы заповедным стало Тригорское и место погребения поэта в Свято-горском монастыре, Святые Горы стали называться Пушкинскими, появились первые памятные знаки. В послевоенное время стараниями С.С.Гейченко открыты новые музеиные экспозиции, созданы памятники-монументы и музейный центр, а также были заново сформированы участки ландшафта, приближенные к подлинным (две мельницы, часовня, «три сосны» и др.), что значительно расширило площадь территории, охваченной пушкинскими мемориями. Очевидно, что в каждый период при желании сохранить память выделяются свои смысловые тяготения, рождаются

свои мотивы и образы, идеи и ассоциации, применяются свои способы, в которых отражается дух времени.

Главный итог сегодняшнего этапа мемориализации ландшафта Пушкиногорья – в проведении широкомасштабных реставрационных работ, в результате которых изменились старые мемориальные участки и были созданы новые, многократно по сравнению с прежним увеличилась площадь эстетически осмыслиенного мемориального ландшафта. Ландшафт Михайловского стал более нарядным, торжественным за счет обновления спуска от дома к Сороти и формирования аллей параллельных главной – еловой. Иной, более крупный масштаб, приобрело Тригорское, благодаря воссозданию ансамбля «солнечных часов», формированию системы водоемов и расчисткам видов на долину Сороти. Новые для посетителей «парковые забавы» возникают в Петровском в пределах старого парка и за ним, на пруду.

В длительном процессе мемориализации ландшафта пушкинских мест использованы разные методы. Назовем их *ономатический* (присвоение ландшафту и его частям имени меморируемого), *функциональный* (музейное использование сооружений и территории, введение ограничивающих современные функции режимов), *предметный* (установка новых мемориальных знаков и сооружений) и *образный* (сохранение и формирование мемориальных ландшафтных образов). Из всех перечисленных методов формирование мемориальных ландшафтных образов путем воссоздания является самым радикальным инструментом мемориализации.

Пушкиногорье одно из немногих мест России, где мемориализация ландшафта идет более 100 лет. На ее примере отчетливо видны два самостоятельных процесса: естественное уменьшение той мемориальности ландшафта, которая определяется подлинностью реликвий, и увеличение мемориальности, вследствие сознательной деятельности людей в этом направлении. Используя терминологию памятниковедения, можно сказать, что происходит процесс перехода не-

преднамеренного памятника (признанного таковым) в преднамеренный (специально созданный). Такой памятник отражает потребность данного общества в его создании, он является новой художественной реальностью, которая предназначена для сегодняшнего потребителя, рассчитана на его восприятие, его менталитет. При воссоздании какого-либо памятника культуры создается преднамеренный памятник, другими словами современный мемориал или мемориальный комплекс (от лат. *memorialis* – памятный).

Представление о том, что полностью отреставрированный (воссозданный) объект представляет собой произведение (памятник) сегодняшнего дня многократно высказывалось в печати по отношению к объектам наследия разного вида. При этом обычно воссозданный объект называют новоделом, имитацией, макетом в натуральную величину и подчеркивают негативную сторону такой реставрации – уничтожение подлинности [6]. Предлагаемый нами взгляд на воссоздание как на создание современных мемориалов отражает другую, позитивную, сторону этого процесса. Как бы не относились специалисты-реставраторы к стремлению общества сохранить отдельные объекты, комплексы и образы прошлого путем создания их подобий (воссозданием) эта деятельность – одна из мощных культурных реалий нашего времени. Она характеризует потребности современного общества, общества с развитым историческим сознанием в опоре на достижения и опыт прошлого.

Рассматривая ландшафт Заповедника как современный пространственно развитый мемориал поэту, где территориально объединены подлинные и созданные путем реставрации мемории, мы должны оценивать вновь появившиеся участки, исходя из цели создания и соответствующих критериев. Цель создания любого мемориала – подчеркнуть сегодняшнюю значимость исторической личности или события и через контакт с реципиентами обеспечить проецирование этой значимости в будущее. К критериям оценки такого ме-

мориала относятся: эстетическая выразительность и образность, которая обеспечивает ассоциации с мемориируемым лицом и периодом, включенность в контекст существующего мемориального пространства, уровень проработки и исполнения отдельных частей и целого, качество современной инфраструктуры. Всем этим требованиям в полной мере соответствуют лучшие уголки сегодняшнего Пушкиногорья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лихачев Д.С.* Заметки о реставрации мемориальных садов и парков // Восстановление памятников культуры (проблемы реставрации). – М., 1981. – С.95-120.
2. *Лихачев Д.С.* Поэзия садов: К семантике садово-парковых стилей. – Л., 1982.
3. «Флорентийская хартия» // Вопросы охраны и использования памятников истории и культуры. – М., 1994. – С.161.
4. Агальцова В.А. Сохранение мемориальных лесопарков. – М., 1980. – С.11.
5. Михайловская пушкиниана. Вып. 4. – М., 1999. – С.38-42.
6. *Лелеков Л.А.* Об эстетических критериях в реставрации // Художественное наследие (хранение, исследование, реставрация). – М., 1990. – № 13. – С.25.

М.В. НАЩОКИНА

Гимн обновленному Пушкиногорью

Юбилей, тем более Пушкина, тем более двухсотлетний, конечно, несомненная веха в истории культуры России. Впрочем, важно понять, что, собственно, для нас она отмечает, и чем ее отмечаем мы. Сколько их было, юбилеев, прошедших бесследно, оставшихся лишь в памяти участников официальных торжеств и банкетов. Двести лет Пушкину... Два века. Много это или мало? Для историка, да и для истории в целом – срок небольшой. Однако в российской «реке времен» он вместил поразительно много социальных и культурных бурь и катастроф, большинство памятных страниц славы и позора Отечества. Пушкин прожил их все вместе с нами. Прожил не только метафорически, в нашем сердце и памяти, но и в течение последних ста лет почти буквально – в своем родном, давно заповеданном Святогорье*. Сама двухсотлетняя история этих мест – верный портрет нашей культурной памяти, отражение почитаемых нами ценностей.

Нынешний юбилей Пушкиногорье (топоним изобретен С.С.Гейченко**) встретило обновленным, была проведена комплексная реставрация усадебных домов в Михайловском,

-
- С 1899 г. в Михайловском был создан первый мемориальный уголок поэта; в 1922 г. Михайловское, Тригорское и некрополь Святогорского монастыря были взяты под государственную охрану и объявлены заповедным имением; в 1936 г. в состав заповедника были включены городища Воронич и Савкино, усадьба Петровское и вся территория Святогорского монастыря.
 - Василевич Г.Н. О сохранении и развитии Пушкинского заповедника (концепция и традиция) // Михайловская пушкиниана: Сб. статей. Вып.4. – М., 1999. – С.5-45.

Тригорском и Петровском (последняя еще продолжается) и парков. Реставрация деревянных построек – процесс неизбежный и, безусловно, необходимый. Уже четырежды воссозданный михайловский дом поэта* – вынужденная мера сохранения его облика для потомков. Конечно, можно поиронизировать над тем, что к юбилейной дате Пушкину в доме сделали «евромонт». Ведь и в самом деле, судя по его воспоминаниям и заметкам Натальи Николаевны (написанным уже после его смерти), домик то здесь был совсем ветхим – крыша текла, полы кое-где проваливались, печи, кажется, топились не все, зимой было холодно... Не то что теперь – дом с иголочки, окна с блестящими латунными петлями, двери с такими же ручками, водостоки медные, все в образцовом порядке, везде цветы, дорожки посыпаны песком... Но поддерживать дом-музей в состоянии ветхости естественно невозможно, да и почему-то кажется, что Пушкину понравилось бы обновленное хозяйство. Поэт, думается, всегда мечтал о добротности и порядке, вероятно, не раз скрушаясь о собственной недостаточности, уязвляясь ею. По человеческим меркам двести лет – возраст весьма почтенный, и Пушкин, постаревший и мудрый, дух его, наконец, обрел комфортное, теплое и приятное глазу жилье.

Обновился и дом Вульфов в Тригорском, наново строится ганиболовский дом в Петровском – когда-то его выстроили немного наспех, по-бутафорски, как ожившую иллюстрацию к рассказу экскурсовода. Сейчас строят основательно, проведены необходимые археологические работы, досконально проработан проект. Новая постройка будет максимально близка к некогда существовавшему дому, и к тому же полно воплотит строительные секреты того времени, изученные профессионалами-реставраторами. Все это радующие приме-

* Первый раз усадебный дом в Михайловском был воссоздан в 1911 г. по литографии 1837 г., затем в 1937 г. и после Великой Отечественной войны в 1947-1949 гг. В 1962 г. было возрождено Тригорское, в 1977 г. – Петровское.

ты прошедшего юбилея еще раз доказавшие не только народную, но и государственную любовь к Пушкину, подкрепленную финансово*.

И все же, если перечисленные архитектурно-реставрационные работы и не совсем обыденны (подобная реставрация, конечно, этап в жизни музея-заповедника), то достаточно обыкновенны. Советская школа архитектурной реставрации (а другая у нас еще не сложилась) подготовившая специалистов высокого уровня мастерства, может праздновать еще одну профессиональную победу.

Однако, прошедший юбилей запомнится и, не побоимся этих слов, войдет в историю не только этим. Как часто бывает, памятная дата обратила на себя внимание государства и способствовала созданию новой **Концепции музея-заповедника**, развернутой комплексной программы сохранения, реставрации и музейно-туристического освоения существенно увеличившейся территории Пушкинского Заповедника**, включенной теперь в Свод особо ценных памятников культурного наследия России. Сама программа (см. публикацию Н.Н.Василевича в сборнике «Михайловская пушкиниана: Вып.4, 1999) документ во многих отношениях пионерский и образцовый, то есть могущий послужить примером для других усадебных музеев-заповедников России. Трудно перечислить все затронутые в ней аспекты, но кое-что все же упомянуть хочется.

Концепция включает несколько совершенно новых реставрационных начинаний, о которых в советское время и мечтать не приходилось.. На основе тщательного натурного,

* Советское правительство, а следом и правительство Российской Федерации не раз принимало специальные постановления по реставрации и благоустройству Пушкинского Заповедника (в 1969, 1978, 1994 гг.), осуществляя их целевую государственную финансовую поддержку.

** По Постановлению Правительства РФ от 20 февраля 1994 г. территория заповедника, включая зоны охраны ландшафта, увеличилась с 665, 6 га до 15 219 га.

археологического, историко-архитектурного и ландшафтного изучения территории Пушкинского заповедника его руководство предложило восстановить здесь несколько некогда существовавших усадебных комплексов (сохранившихся, не сохранившихся и дошедших до нас лишь частично), используя их в дальнейшем под учреждения музейно-туристического назначения. Например, в реконструируемых постройках ганнибаловского Воскресенского (изыскания здесь уже начаты) разместится «Центр по изучению русской провинции XVIII-XX вв.» и «Пушкин-Гете центр», в усадьбе Лысая Гора Фоков или в Дериглазове Щелгуновых предполагается создать базу для отдыха и лечения детей, пострадавших в войнах, музейная экспозиция появится в имении Вревских Голубове, на городище и в селе Велье. Выбраны были, прежде всего, те усадьбы, владельцы которых так или иначе были связаны с Пушкиным. Это, видимо, совершенно верно, учитывая неизбежную этапность работ, хотя хочется пожелать, чтобы на перспективу в план вошло бы восстановление и всех остальных усадеб заповедника.

Участникам выездной конференции – «Круглого стола», проведенной в июне 2000 г. в Заповеднике его дирекцией и Российским фондом культуры совместно с Обществом изучения русской усадьбы, удалось проехать по нескольким усадьбам, теперь включенным в его территорию. Впечатление было двояким. С одной стороны, поражала насыщенность псковской земли, пушкинских мест, усадебными комплексами, другими словами, их некогда плотная населенность, обжитость. С другой, – руины и самостийные убогие постройки на территории бывших парков, следы варварства и пренебрежения к собственной истории и культуре также попадались на каждом шагу. Как хотелось бы, чтобы до таких уголков, как Крулихино, Ладино, Алтун и другие когда-нибудь дошли бережные и умные руки реставраторов, успели дойти. Учитывая не только музейные потребности Заповедника, но и впервые появившиеся в новой Концепции

предложения социального характера, это вполне возможно. Ведь в этих заброшенных усадьбах можно разместить художественные и музыкальные школы, детские клубы, станции юных (и не юных!) биологов и краеведов, не говоря уж о различных комплексах туристического и медицинского обслуживания. Собственно препятствие к тому только одно – отсутствие достаточных средств.

«Ломать – не строить», как говорится. Конечно, приведение в порядок всей обширной территории Заповедника – задача не одного десятилетия, но ее выполнение позволило бы сделать Пушкинский заповедник еще и широкомасштабным, полным *эталоном* национального культурного ландшафта XVIII-XX вв., уникальным заповедником северорусской природы, веками преображавшейся руками земледельца. Грандиозность подобного замысла и его наущная необходимость для современной русской культуры очевидна, и трудно даже представить себе, сколько открытий может сулить нам ее выполнение.

Хочется коснуться и еще одной существенной стороны работ, проведенных к юбилею, – впервые проведенной *комплексной научной реставрации усадебных парков Тригорского, Михайловского и Петровского*. Добавим, реставрации, потребовавшая от сотрудников музея-заповедника, и особенно от его дирекции, настоящего мужества, воли и уверенности в правильности выбранного пути.

В кратком изложении дело выглядит так – после впервые (подчеркнем это и запомним!) широко и последовательно проведенных работ по садово-парковой археологии, удалось обнаружить и воссоздать утраченные элементы парков Михайловского, Тригорского и Петровского. И... случилось чудо – их композиции, облик, породный состав растительности неожиданно обрели, казалось бы, навсегда утраченную ими самоценность, историко-культурное содержание и качества целостной и сложной архитектурно-ландшафтной системы. Парки Пушкиногорья преобразились, что очевидно каждому

посетителю, но дело не только в этом. Эти три вдумчиво и талантливо отреставрированных парка переворачивают наше представление обо всем русском садово-парковом искусстве XVIII-XIX вв. Сквозь «темные аллеи» покинутых в начале XX в. усадеб, живо существующих в нашем сознании (их пленительный литературный образ, во многом, довлеет над нами до сих пор) и уже тогда бурно зараставших сорняками и кустарником, неожиданно проглянул лик нашей собственной садовой культуры XVIII-XIX вв., многозначной и сложной, наконец, сравнимой с одновременной ей западноевропейской.

Людям неискушенным, далеким от профессиональных архитектурных и реставрационных проблем, вероятно, трудно сразу понять масштаб совершенного – он поистине грандиозен. Неудивительно, что пока шла реставрация, споры вокруг этих работ не утихали. Их корни не только в естественном беспокойстве музейщиков за любые изменения на территории музея-заповедника, но и в простительном непонимании задач и методов садово-парковой реставрации, делающей в нашей стране, по сути, первые шаги. Дело и в смутности представлений о русском парке, кажущемся довольно лапидарной смесью регулярных (французских) и пейзажных (английских) приемов, о чем можно прочесть в любом пособии по ландшафтной архитектуре..

Собственно, комплекс естественных для непрофессионала заблуждений в этой области, сам по себе, конкретно историчен и заслуживает упоминания. Для сегодняшней молодежи скажем, что он непосредственно связан с серией статей академика Д.С. Лихачева 1970-1980-х гг. Затронув когда-то в газетной статье вопросы реставрации царскосельского парка, именитый автор, в конце концов, выстроил определенную систему взглядов на проблему в целом, оказавшую впоследствии самое негативное влияние на реставрацию русских садов и парков. Суть ее для неискушенного читателя была проста, а главное, бесспорна – необходимо всемерно сохра-

нять и поддерживать русские исторические парки и старые деревья, помнящие... (можно подставить нравящееся конкретное историческое лицо). Все было бы безукоризненно и культурно, если бы в пылу царскосельской полемики Дмитрий Сергеевич Лихачев (в ней его точка зрения была вполне корректна) попутно не осудил и любые попытки реставрации русских парков как художественного целого. Точка зрения Лихачева особенно укоренилась в литературной среде, что и закономерно — она было понятна утверждением приоритета подлинности и простотой методики (ничего не трогать!), позволявшей литературоведам уверенно себя чувствовать в неизвестных реставрационных проблемах. Сокрытую в ней опасность потери значительной части наследия русской культуры — садово-паркового наследия, за счет отказа от реставрационного подхода, требующего всестороннего, в том числе натурно-археологического изучения, тогда заметили только сами реставраторы садов и парков.

Весомость и непререкаемость в ту пору мнения Д.С.Лихачева и отбросили нашу садово-парковую реставрацию на несколько десятилетий назад, зачеркнув саму возможность увидеть в запущенном, искалеченном, частично вырубленном, а частично по-советски засаженном деревьями в шахматном порядке, парке произведение искусства, а таким образом, и приблизиться к пониманию русского сада. О том, во что превращается парк, если за ним не ухаживать, участники «Круглого стола» смогли составить полное впечатление, посетив Воскресенское Ганнибала — эти северорусские джунгли, лесную чащобу, в которой только опытному глазу ландшафтного архитектора-реставратора открывается (пока еще открываются, хотя двести лет — срок для такой работы почти критический) уникальный, единственный в своем роде парковый замысел.

Вот почему для истории русского садово-паркового искусства, для истории русской архитектуры и градостроительства осуществленные к двухсотлетнему юбилею поэта археологи-

ческие исследования и на их базе проведенная реставрация усадебных парков Пушкиногорья, сравнима с археологией древней Трои. Когда-то счастливая догадка Шлимана позволила увидеть факты истории в текстах древнего эпоса, парковые композиции и затеи Пушкиногорья позволяют начать восстановление подлинной истории садово-паркового искусства России.

А так ли уж это важно? И что мы, в сущности, об этом искусстве знаем? Да, очень мало. Несколько теоретических книжек времен Екатерины II и Александра I (как правило, французских), красивый увраж А. Регеля. Расхожая терминология – французский сад, английский парк... Петергоф, Павловск, Царское Село, Кусково, Алупка... – парки, в основном, создававшиеся умением иностранных садовников. Есть еще наш теоретик-садовод конца XVIII в., Андрей Болотов с Богородицким и Дворяниновым. Вот, пожалуй, почти и все. До последнего времени огромный массив провинциальных русских парков, чаще всего, усадебных (их тысячи!), либо рассматривался чрезвычайно схематично, либо вообще оказывался за границами изучения ландшафтной архитектуры России. В последние годы круг примеров, хотя и расширился, но почти ничего не прибавил в содержательном аспекте, так и не дойдя в осмыслиении садово-парковых особенностей до масштаба детали, знака, системы.

Это и неудивительно. Изучение парков России сопряжено с рядом вполне объективных трудностей. Во-первых, большинство усадебных владельческих архивов утрачено, исследователи знают, что найти, пусть даже схематичный, план усадебного парка XVIII-XIX вв. – большая и редкая удача. Единственной альтернативой графическому материалу могут служить археологические данные, но садово-парковой археологии как особого рода деятельности до последнего времени просто не существовало, как не существовало и подобающих специалистов. Во-вторых, чтобы по-настоящему изучить любой, даже небольшой, парк (а ведь количество их

исчисляется десятками тысяч – это больше, чем в любой благополучной западноевропейской стране), вникнуть в его уникальность, понять его «душу», требуется чутье и «глаз», широкая историко-архитектурная образованность, интуиция, наконец, желание и время. Всеми этими качествами оказалась счастливо наделена Валентина Александровна Агальцова, талантливый человек, ландшафтный архитектор высшей категории, реставратор пушкинских мемориальных парков, без которой восстановление их уникального художественного облика было бы просто невозможно. А ведь именно этот облик формировали предки поэта и его соседей, именно его воспринимали Пушкин, его домочадцы и современники. Агальцовой впервые удалось *открыть*, в полном смысле этого слова, высокую садово-парковую культуру парков Пушкиногорья, сделав рубеж ХХ в. не только значительным этапом в современной жизни Заповедника, но и существенно прояснить перспективы его дальнейшего развития. Отрадно, что в уже заявленной программе работ на 1998-2011 гг. по усадьбам Воскресенское, Дериглазово, Лысая гора и Голубово работы по расчистке и реставрации парков обозначены в первых же строках. Отрадно и закономерно, что на базе Заповедника предполагается открыть Университет паркового и ландшафтного искусства. С группами первых студентов в сезон 2000 г. уже работала В.А. Агальцова.

Итак, двухсотлетний юбилей Пушкиногорье встретило обновленным, и радостно подчеркнуть, что за этим словом не кроются потери чего-то музейно-значимого, мемориального. Напротив, оно свидетельствует о приближении к подлинным основам нашей национальной культуры, к постепенному постижению ее во всем богатстве и полноте.

Об авторах сборника «Михайловская Пушкиниана», выпуск 15

Базарова Этери Леонидовна – старший научный сотрудник, Российский институт культурологии, кандидат архитектуры.

Бахтина Ирина Константиновна – главный архитектор проектов Государственного унитарного предприятия «Научно-исследовательский и проектный институт Генерального плана города Москвы».

Буковский Александр Владимирович – начальник сектора экскурсионно-туристических услуг музея-заповедника А.С.Пушкина «Михайловское», работает в Заповеднике с октября 1988 г.

Густова Людмила Ивановна – начальник отдела образовательных программ и эстетического воспитания музея-заповедника А.С.Пушкина «Михайловское», работает в Заповеднике с августа 1974 г. по октябрь 1986 г. и с апреля 1994 г. по настоящее время.

Иванова Валентина Кузьминична – заведующая научно-просветительным отделом музея-заповедника А.С.Пушкина «Михайловское», работает в Заповеднике с 1981 г.

Козмин Вячеслав Юрьевич – хранитель музея «Мельница в д.Бугрово», кандидат филологических наук. Работает в Заповеднике с июня 1985 г.

Нащокина Мария Владимировна – доктор искусствоведения, ведущий сотрудник научно-исследовательского института теории архитектуры и градостроительства, сотрудник Российской Академии архитектуры и строительных наук, заместитель Председателя ОИРУ.

Полякова Галина Андреевна – кандидат биологических наук. Институт лесоведения РАН.

Сергеева Галина Петровна – директор гуманитарно-культурного центра «Пилигрим»

Слюнькова Инесса Николаевна – начальник отдела научных исследований по архитектуре Российской Академии архитектурных наук, кандидат архитектуры. Член правления Общества изучения русской усадьбы.

Циприс Инга Борисовна – Моспроект-2, мастерская №13. Главный специалист архитектор, член Общества изучения русской усадьбы.

Чернявская Елена Николаевна – ведущий научный сотрудник Российского института культурологии, кандидат архитектуры.

МИХАЙЛОВСКАЯ ПУШКИНИАНА
Сборник статей научных сотрудников
музея-заповедника А.С. Пушкина
«Михайловское»

Выпуск 15

Редактор Е.Б. Егорова
Корректор Е.А. Коржикова
Компьютерная верстка и макет Г.Б. Морозенко

ООО «Связь и консалтинг»
121096, Москва, Б. Филевская улица, д. 23.

Государственный музей-заповедник
А.С. Пушкина «Михайловское»
Тел.: (81146) 2-1762, 2-1923.
Издательская лицензия ИД № 00663 от 5.01.2000.

Сдано в набор 20.06.2001. Подписано в печать 5.01.2000г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура Гарамонд.
Объем 10 уч.-изд. л. Тираж 1000 экз.

Типография ООО «Галлея-Принт». Заказ

441024, Москва, 5-я Кабельная улица, д. 2Б.

9 785945 950016 >